ОТВОРЕНІЯ

Н. П. ОГАРЕВА.

подъ редакціей

М. О. ГЕРШЕНЗОНА.

Томъ II.

МОСКВА,
Изданіе М. и С. Сабашниковыхъ.
1904.

Изданія М. и С. Сабашниковыхъ.

ПЕРВОЕ ЗНАКОМСТВО СЪ ПРИРОДОЙ.

Серія книгъ для первоначальнаго знакомства дѣтей съ окружающей природой. Съ рисунками и цвѣтными таблицами. Составилъ по *Бёклей* и др. **В. Н. Львовъ.**

ВЫП. I. Въ полѣ и въ лѣсу.
„ II. Прудъ и рѣка.
„ III. Жизнь растеній въ полѣ и саду.
„ IV. Жизнь птицъ.
„ V. Насѣкомыя.
„ VI. Деревья и кустарники.

Цѣна каждаго выпуска 40 коп.

Допущено Учен. Ком. Мин. Нар. Просв. въ библіотеки среднихъ и низшихъ учебныхъ заведеній и безплатныя народныя читальни и библіотеки.

ПОПУЛЯРНАЯ ЕСТЕСТВЕННАЯ ИСТОРІЯ

А. БЁКЛЕЙ.

Переводъ съ англійск. съ измѣн. и дополн. В. ЛЬВОВА.

ИЗЯЩНОЕ ИЗДАНІЕ ВЪ ДВУХЪ ТОМАХЪ СО МНОЖЕСТВОМЪ РИСУНКОВЪ.

Жизнь и ея дѣти. Очерки животной жизни отъ амёбы до насѣкомыхъ. (Безпозвоночныя животныя.) Ц. 2 р.

Одобрено Ученымъ Комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія.
Рекомендовано Главнымъ Управленіемъ Военно-учебныхъ заведеній.

Побѣдители въ жизненной борьбѣ. Великая семья позвоночныхъ. (Позвоночныя животныя.) Ц. 2 р.

Одобрено Ученымъ Комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія.
Рекомендовано Главнымъ Управленіемъ Военно-учебныхъ заведеній.

СТИХОТВОРЕНІЯ

Н. П. ОГАРЕВА.

ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ

М. О. ГЕРШЕНЗОНА.

Томъ II.

МОСКВА,
Изданіе М. и С. Сабашниковыхъ.
1904.

ТИПО-ЛИТ. Т-ВА И. Н. КУШНЕРЕВЪ и К° МОСКВА

ЮМОРЪ.

Du Geist des Widerspruchs, nur zu —
Du magst mich führen.

Goethe *(Faust)*.

(1841).

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

...Небрежный плодъ моихъ забавъ,
Безсонницъ, легкихъ вдохновеній,
Незрѣлыхъ и увядшихъ лѣтъ,
Ума холодныхъ наблюденій
И сердца горестныхъ замѣтъ.

Пушкинъ.

I.

Подчасъ, не знаю почему,
Меня страшитъ моя Россія.
Мы, къ сожалѣнью моему,
Не справимся съ временъ Батыя;
У насъ простора нѣтъ уму;
Въ своемъ углу, какъ проклятые,
Мы неподвижны и гніемъ,
Не помышляя ни о чемъ.

Куда ни взглянешь — все тоска,
На улицахъ все снѣгъ да холодъ.
Къ тому жъ и жизнь намъ не легка:
Вездѣ безденежье да голодъ,
Министромъ Вронченко пока;
Канкринъ ужъ слишкомъ былъ немолодъ,
На лажъ ужасно что-то скупъ,
А рубль-цѣлковый очень глупъ.

Въ литературѣ, о друзья,
(Хоть самъ пишу, о томъ ни слова)

Не много проку вижу я.
Въ Москвѣ все проза Шевырева—
Весьма фразистая статья,
Даютъ Парашу Полевого
И плачетъ публика моя;
Пѣвцы замолкли, Пушкинъ стихъ,
Хромаетъ тяжко вялый стихъ.

Нѣтъ, виноватъ!—есть, есть поэтъ,
Хоть онъ и офицеръ армейскій;
Что дѣлать, такъ нашъ созданъ свѣтъ:
У насъ, въ странѣ Гиперборейской,
Чуть есть талантъ, ужъ съ раннихъ лѣтъ—
. . . .
. . . .
О немъ писалъ и Виссарьонъ.

Но перервемте эту рѣчь,
Литература надоѣла;
Пусть пишетъ Несторъ, пишетъ Гречъ,
Что̀ намъ до этого за дѣло?
Позвольте на диванъ мнѣ лечь;
Закуримъ трубку. Вотъ въ чемъ смѣло
Могу увѣрить васъ: сей дымъ
Ужъ нынче дамамъ невредимъ.

Да, въ этомъ есть успѣхъ у насъ:
Ужъ вовсе время исчезаетъ
Олигархическихъ проказъ;

Насъ спесь уже не забавляетъ,
Въ гостиныхъ скучно намъ подчасъ,
На балахъ молодежь зѣваетъ,
Гулять не ходитъ на бульваръ,—
У ней въ чести Швалье да Яръ.

Порой и я, извѣстно вамъ,
Люблю одну, двѣ, три бутылки
Хоть съ вами выпить пополамъ;
Умы становятся такъ пылки,
Дается воля языкамъ,
А тамъ ложись хоть на носилки...
Но я боюся за одно:
Ну, надоѣстъ намъ и вино?...

Тогда что дѣлать? Часъ избравъ,
Ступай въ деревню, мой пріятель,
Агрономическихъ забавъ
Усердный сдѣлайся искатель,
Паши три дня, и будешь правъ.
Я о крестьянахъ, какъ писатель,
Сказалъ бы много — но молчу;
Не то чтобъ... просто не хочу.

Но мнѣ въ деревнѣ не живать;
Какъ запереться въ юныхъ лѣтахъ?
Я въ полкъ сбираюсь, щеголять
Хочу въ усахъ и эполетахъ,
Скакать верхомъ и разсуждать
О разныхъ воинскихъ предметахъ;

Навѣрно быть могу я, другъ,
Монтекукулли иль Мальбругъ.

А можетъ быть и сей удѣлъ
Пройдетъ сквозь пальцы — и на свѣтѣ
Останусь я безъ всякихъ дѣлъ,
Подумаю о пистолетѣ,
Скажу, что свѣтъ мнѣ надоѣлъ,
Что ничего ужъ нѣтъ въ предметѣ,
Взведу курокъ... о, человѣкъ!
Минута — и твой конченъ вѣкъ!

Скажу, и брошу пистолетъ,
Спрошу печально чашку чая,
Торговли нашей лучшій цвѣтъ...
А жалокъ мнѣ удѣлъ Китая!
У Альбіона чести нѣтъ;
Святую совѣсть забывая,
Имѣя очень жадный нравъ,
Не знаетъ онъ народныхъ правъ.

Хотѣлъ еще о томъ, о семъ,
О Франціи сказать два слова,
И съ вами разойтись потомъ.
Но мы до времени другого
Отложимъ это — да о чемъ
Я началъ бишь? А! Вспомнилъ снова:
О родинѣ. О, край родной!
Но спать пора намъ, милый мой.

II.

А! Вы опять пришли ко мнѣ.
Давайте жъ говорить мы съ вами
О Франціи. Наединѣ
Оно позволено съ друзьями
И даже въ здѣшней сторонѣ,
Но съ затворенными дверями;
Не то . . . .
. . . .

Я самъ былъ взятъ и потому
Кой-что могу сказать объ этомъ;
Сперва я запертъ былъ въ тюрьму,
Гдѣ находился подъ секретомъ,
То-есть въ подвалѣ жилъ зиму
И возлѣ кухни грѣлся лѣтомъ;
Потомъ рѣшилъ нашъ приговоръ,
Чтобъ былъ я сосланъ подъ надзоръ.

Но satis, sufficit, мой другъ,
То-есть объ этомъ перестану.

Мнѣ грустно нынче. Все вокругъ
Такъ вяло — самъ я духомъ вяну;
Самъ растравляю свой недугъ,
Тревожу въ сердцѣ гдѣ-то рану.
Занятье глупое! Оно
И больно очень и смѣшно.

Да какъ же быть? И если бъ вамъ
Въ себя всмотрѣться откровенно,
Вы грусть и съ желчью пополамъ
Въ душѣ нашли бы непремѣнно.
Въ халатѣ, дома, по коврамъ
Ходили бъ молча совершенно,
Иль напѣвали бъ — и въ такой
Прогулкѣ шелъ бы день-другой.

Сказать вамъ правду — это мы
Давно привыкли звать хандрою:
Недугъ, рожденный духомъ тьмы
И вѣка странной пустотою,
Охотой къ лѣту средь зимы,
Разладомъ съ міромъ и съ собою,
Стремленьемъ наконецъ къ тому,
Что не дается никому.

Возьмите факты: древній міръ
Весь только жилъ для наслажденья;
Но этотъ сверженъ былъ кумиръ,
И стали жить для размышленья —

Тамъ съ міромъ, здѣсь съ собою миръ;
У насъ же глупое смѣшенье:
Всегда, одно другимъ губя,
Мы только мучимъ лишь себя.

Не правда ль, сказано умно,
Хотя поэзіи тутъ мало?
Да что? Признаться вамъ, давно
Все какъ-то въ жизни прозой стало,
Какъ отшипѣвшее вино
Въ стеклѣ непитаго бокала;
Отвыкли мы отъ сладкихъ слезъ,
Отъ юныхъ шалостей и грезъ.

Какъ вспомнишь радость и печаль,
Что въ прежни годы волновали,
Какъ намъ становится ихъ жаль!
Какъ возвратить бы ихъ желали!
Свята для насъ былого даль...
И вотъ еще грустнѣй мы стали!
Гдѣ сердца жаръ? Гдѣ пылъ въ крови?
Гдѣ міръ мечтательной любви?

Быть влюблену въ то время мнѣ
Быть можетъ раза два случилось;
Тогда я плакалъ въ тишинѣ,
При встрѣчѣ съ нею сердце билось,
Блѣднѣли щеки, — въ каждомъ снѣ
Передо мной она носилась,

Я просыпался, а мой сонъ
И наяву былъ продолженъ.

Но къ дѣлу, не теряя словъ.
Великій прахъ изъ заточенья
Прибылъ въ Парижъ — и Хомяковъ
На этотъ счетъ стихотворенье
(Прескверныхъ нѣсколько стиховъ)
Въ журналѣ тиснулъ, къ сожалѣнью.
И потому позвольте дать
Совѣтъ — стиховъ вамъ не читать.

Да вообще журналовъ сихъ
Вы — много дѣлъ другихъ имѣя —
И не читайте. Чтò вамъ въ нихъ?
Сенковскій все не любитъ Сея,
Хотя и экономъ an sich,
И деньги любитъ не краснѣя
(Чтò быть посажену въ тюрьму
Преградъ не сдѣлало ему).

Потомъ объ укрѣпленьяхъ толкъ
Въ Парижѣ очень долго длился.
Ихъ строятъ, чтобы русскій полкъ
Въ столицу міра не пробился.
Я патріотъ, свой знаю долгъ,
Но взять Парижа бъ не рѣшился;
Я думаю, довольно съ насъ,
Когда мы усмиримъ Кавказъ.

Я на Кавказъ сбираюсь самъ,
Быть можетъ, нынѣшнимъ же лѣтомъ,
Взглянуть на горы и къ водамъ
(Больнымъ считаясь и поэтомъ).
Что жъ? Вмѣстѣ не угодно ль вамъ?
Со мною согласитесь въ этомъ,
Что съ вами время тамъ вдвоемъ
Мы тихо, свято проведемъ.

Тамъ снѣжныхъ горъ... Но, Боже мой,
Объ этомъ сказано такъ много!
Замѣчу только — трудъ большой
Пускаться въ длинную дорогу.
Вы тамъ на станціи иной
Умрете съ голоду, ей-Богу!
— Въ Парижѣ больше ничего
Нѣтъ для разбора моего.

III.

Снѣгъ желтый таетъ здѣсь и тамъ;
Ужъ въ мартѣ намъ не страшны стужи,
Весною вѣетъ воздухъ намъ,
Намъ ясный день сулитъ весну же,
И безбоязненно ушамъ
Торчать позволено наружѣ.
Хочу я васъ просить, другъ мой,
Пѣшкомъ гулять идти со мной.

Пойдемте прямо на бульваръ
Въ среду толпы надменно-праздной
Давнишнихъ барышенъ и баръ,
Гуляющихъ въ одеждѣ разной:
Бартеневъ, Szafi, Jean Sbogar,
И рыцарь все однообразный,
Все вѣрный прежнихъ лѣтъ любви —
И всѣ они друзья мои.

Не правда ль? Какъ кажусь я вамъ?
Годился бъ я въ аристократы?

Но мнѣ неловко быть средь дамъ;
Я, primo, человѣкъ женатый,
Secondo, мнѣ не по чинамъ
(Хоть всѣмъ знакомъ я, какъ богатый);
О tertio я умолчу,
Его сказать я не хочу.

Къ тому жъ во мнѣ другая кровь,
Въ душѣ совсѣмъ другая вѣра:
Есть къ массамъ у меня любовь
И въ сердцѣ злоба Робеспьера.
Я гильотину ввелъ бы вновь...
Вотъ исправительная мѣра!
Но нѣтъ ея, и только въ нихъ
Могу я бросить желчный стихъ.

Признайтесь, горекъ нашъ удѣлъ:
Здѣсь никого не занимаетъ
Ходъ права и гражданскихъ дѣлъ.
Иной лишь деньги наживаетъ,
Другой чины, а тотъ не смѣлъ;
Одинъ о выборахъ болтаетъ
(Quoique, à vrai dire, on en rit)
Дворянства секретарь Убри.

Я съ тѣми врагъ, кому знакомъ
Разсудокъ черствый и не болѣ,
Кто даже мертвымъ языкомъ
Толкуетъ о широкой волѣ,

Кто только всѣхъ своимъ умомъ
Занять стремится поневолѣ,
Кому природы запертъ храмъ,
Кто чуждъ поэзіи мечтамъ.

Пойдемте же! Вотъ здѣсь, другъ мой,
Увидимъ домъ, гдѣ я жилъ прежде,
Любилъ любовь, былъ юнъ душой
И вѣрилъ жизни и надеждѣ;
Сперва (обычай ужъ такой)
Былъ нѣмцу отданъ я невѣждѣ,
Потомъ одинъ и въ двадцать лѣтъ
Уже философъ и поэтъ.

О, годы свѣтлыхъ вольныхъ думъ
И безпредѣльныхъ упованій!
Гдѣ смѣхъ безъ желчи? пира шумъ?
Гдѣ трудъ, столь полный ожиданій?
Ужель совсѣмъ зачерствѣлъ умъ?
Ужели въ сердцѣ нѣтъ желаній?
Друзья! Ужели въ тридцать лѣтъ
Отъ насъ остался лишь скелетъ?

Прошу не слушать, милый другъ,
Когда я сѣтую, тоскую,
Что все безжизненно вокругъ,
Что самъ веду я жизнь пустую.
Минутенъ, право, мой недугъ;
Его я твердостью врачую,

И снова прежней вѣры полнъ
Плыву противъ житейскихъ волнъ.

Къ чему грустить, когда съ небесъ
Намъ блещетъ солнца лучъ такъ ясно?
Вотъ запоютъ «Христосъ воскресъ»,
И мы обнимемся прекрасно,
А тамъ и лугъ, и шумный лѣсъ
Зазеленѣютъ ежечасно,
И птицъ веселый караванъ
Къ намъ прилетитъ изъ южныхъ странъ.

Къ чему грустить? Опять весна
Восторговъ свѣтлыхъ, упованья
И вдохновенія полна,
И сердца скорбнаго страданья
Развѣетъ такъ тепло она...
Но мы оставимте гулянье —
Имѣя въ мысли ширь полей,
Смотрѣть мнѣ скучно на людей.

IV.

Ужъ полночь. Дома я одинъ
Сижу и радъ уединенью.
Смотрю, какъ гаснетъ мой каминъ,
И думаю. Все дня движенье,
Весь быстрый рядъ его картинъ
Въ душѣ рождаютъ утомленье.
Блаженъ, кто можетъ хоть на мигъ
Урваться наконецъ отъ нихъ.

Я ѣзжу и хожу. Зачѣмъ?
Кого ищу? Кому я нуженъ?
Съ людьми всегда я глупъ и нѣмъ
(Не говорю о тѣхъ, съ кѣмъ друженъ);
Свѣтъ не влечетъ меня ничѣмъ —
Въ немъ блескъ ничтоженъ и наруженъ.
Не знаю право, о друзья,
Къ чему весь день таскаюсь я!

Ужъ не душевный ли недугъ,
Не сердца ль тайная тревога

Меня толкаютъ? Шумъ и стукъ
Не усыпляютъ ли немного
Волненья нашихъ странныхъ мукъ
И скуку жизни? Нѣтъ, ей-Богу,
Во внѣшности смѣшно искать,
Чѣмъ духъ развлечь бы и занять.

Каминъ погасъ. Въ окно луна
Мнѣ смотритъ блѣдно. Въ отдаленьи
Собака лаетъ — тишина
Потомъ; забытыя видѣнья
Встаютъ въ душѣ — она полна
Давно угасшаго стремленья,
И тихо воскресаютъ въ ней
Всѣ ощущенья прежнихъ дней.

Въ такую жъ ночь я при лунѣ
Впервые жизнь созналъ душою,
И пробудилась мысль во мнѣ,
Проснулось чувство молодое,
И робкій стихъ я въ тишинѣ
Чертилъ тревожною рукою.
О Боже! въ этотъ дивный мигъ
Что̀ есть святого я постигъ.

Проснулся звукъ въ ночи нѣмой —
То звонъ заутрени несется,
То съ дѣтства слуху звукъ святой.
О, какъ отрадно въ душу льется

Опять торжественный покой!
Слеза дрожитъ, колѣно гнется,
И я молюся, мнѣ легко,
И грудь вздыхаетъ широко.

Не все, не все, о Боже, нѣтъ!
Не все въ душѣ тоска сгубила.
На днѣ ея есть тихій свѣтъ,
На днѣ ея еще есть сила;
Я тайной вѣрою согрѣтъ,
И, что̀ бы жизнь мнѣ ни сулила,
Спокойно я взгляну вокругъ —
И ясенъ взоръ, и свѣтелъ духъ!

V.

Меня вы станете бранить,
Что патетическія строки
Сюда я вставилъ... Я шутить
Готовъ опять, и за уроки
Благодарю васъ. Можетъ быть,
Въ моихъ стихахъ и есть пороки,
Но гдѣ жъ ихъ нѣтъ? А въ свѣтлый часъ
Какъ чувству не предаться разъ?

Вѣдь нуженъ же душѣ покой,
Вѣдь сердцу нужно наслажденье;
Не все же шляться день-деньской
Отъ апатіи и къ волненью,
Изъ клуба да на балъ большой,
Отъ скуки важной да къ мученью,
Отъ Чаадаева къ Убри!
Вѣдь силъ нѣтъ, что ни говори.

По четвергамъ иль въ день другой
Вы не являлися ни разу?

Съ ученой женщиной иной
Выдумывать несносно фразу;
Ее бѣгите вы, другъ мой,
Какъ ядовитую заразу...
Я лучше между всѣхъ сихъ лицъ
Люблю хорошенькихъ дѣвицъ.

Онѣ такъ молоды; ихъ взоръ
Такъ простодушно милъ и нѣженъ,
Ихъ шаловливый разговоръ
Скользитъ шутя, всегда небреженъ;
Люблю ихъ слушать легкій вздоръ —
Я съ ними веселъ, безмятеженъ,
И какъ-то молодѣю я,
Иль даже становлюсь дитя.

И, право, счастливъ каждый разъ
Когда средь жизни обветшалой
Ребенкомъ дѣлаюсь подчасъ;
Забывъ тоску и нравъ мой вялый,
Отъ заднихъ мыслей отступясь,
Я вспоминаю мигъ бывалый
Моихъ младенческихъ забавъ;
А въ лѣтахъ человѣкъ лукавъ.

Я помню домъ, пруды и садъ,
И няню... толстаго сосѣда
Съ гурьбой его румяныхъ чадъ,
Къ намъ пріѣзжавшихъ въ часъ обѣда.

О, какъ тогда я жить былъ радъ!
Но тѣхъ дѣтей не знаю слѣда,
Мой садъ заглохъ, ужъ няни нѣтъ
И умеръ толстый нашъ сосѣдъ.

Проходитъ все, всему свой вѣкъ!
Бородъ не брили наши дѣды
И глупъ былъ русскій человѣкъ;
Его тогда бивали шведы,
Палачъ пыталъ его и сѣкъ;
Теперь же мы вожди побѣды,
И предковъ Петръ пересоздавъ,
Пожаловалъ имъ много правъ.

Не рѣжетъ кнутъ дворянскихъ спинъ,
Налоги платитъ только масса,
Служить мы можемъ до сѣдинъ,
Начавъ съ четырнадцатаго класса
(Вѣдь надо же имѣть намъ чинъ!)
А если служба не далася,
Мы регистраторомъ всегда
Въ отставку выйдемъ, господа.

И выйдемте! что намъ служить?
И гдѣ? помилуйте, въ сенатѣ?
Черно! Да что и говорить:
Безъ службы дома я въ халатѣ
Могу съ утра сидѣть, ходить,
Иль, тщетно времени не тратя,

Могу читать — хоть Пантеонъ;
Въ немъ есть... но впрочемъ плохъ и онъ.

Со временемъ навѣрно книгъ
Я никакихъ читать не стану.
Что? Скучно! Не найдете въ нихъ
Ни мысли свѣжей; нѣтъ романа,
Который занялъ бы на мигъ
Хоть ночью васъ, хоть утромъ рано,
И, право, лучше стану я
Сидѣть и думать про себя.

Я иногда лежать привыкъ
И такъ мечтать въ припадкѣ лѣни;
Я прелесть этого постигъ:
Знакомыя мелькаютъ тѣни —
То ножка, то прекрасный ликъ,
То улицъ шумъ, то миръ селенiй...
Въ семъ духѣ я теперь точь-въ-точь,
Итакъ, мой другъ, подите прочь.

VI.

Простите, что разстался я
Отчасти неучтиво съ вами;
Но церемониться нельзя
Между короткими друзьями,
И откровенно говоря —
Могу ль я словомъ иль дѣлами
Васъ оскорбить, когда межъ насъ
Прямая дружба завелась?

Мнѣ милы дружескихъ бесѣдъ
Просторъ, и воля, и оргія;
Вино струится, тайны нѣтъ
И торжествуетъ симпатія.
Но горекъ праздничный обѣдъ,
Гдѣ гости по душѣ чужіе,
Гдѣ вѣчно на застежкѣ умъ,
Вино першитъ и скученъ шумъ.

Что̀ если, другъ мой, съ пиромъ намъ
Сравнить теченье жизни шумной?

Не рады часто мы гостямъ,
Тяжелъ сосѣдъ благоразумный,
Несносна сердцу и ушамъ
Длина его бесѣды умной;
Пиръ все становится скучнѣй
И ждешь дессерта поскорѣй.

Совѣтовъ слушайте моихъ:
Бѣгите, другъ, людей отличныхъ,
Извѣстныхъ, гордыхъ, но пустыхъ,
Блестящихъ умниковъ столичныхъ;
Любите добрыхъ и прямыхъ,
Немножко глупыхъ, непривычныхъ
Блистать ни домомъ, ни умомъ
Въ простосердечіи святомъ.

Я въ жизни опытный старикъ —
Всѣ перечелъ ея страницы,
Ко всѣмъ вещамъ давно привыкъ
И приглядѣлися всѣ лица.
Блаженъ, кто хоть въ единый мигъ
Могъ утереть слезу съ рѣсницы,
Когда любилъ или жалѣлъ,
Иль просто на небо смотрѣлъ.

А иногда такъ станешь сухъ,
Что невозможно умиленье;
Все намъ досадно такъ вокругъ;
Смѣшно философа сомнѣнье,

Къ восторгамъ неспособенъ духъ,
Въ нихъ видишь только напряженье.
Намъ глупъ влюбленный въ двадцать лѣтъ;
Мы все клянемъ, чего въ насъ нѣтъ.

Вамъ скучно! я опять хандрю,
Я закоснѣлъ въ привычкѣ старой
И про тоску все говорю;
Люблю лежать въ зубахъ съ сигарой,
Печально въ потолокъ смотрю,
Аккомпанируюсь гитарой,
И напѣваю Casta div',
Отъ Пасты какъ-то затвердивъ.

Вы музыкантъ въ душѣ, какъ я,
Бетховенъ вамъ всего дороже;
Но, южный край боготворя,
Люблю я и Беллини тоже.
Слыхали ль вы «Жизнь за царя»?
Нѣтъ — ну и впредь спаси васъ Боже,
И русскихъ оперъ вообще
Не нужно бъ намъ имѣть еще.

Въ концертъ любителей я васъ
Прошу не ѣздить. Очень скверно
Поютъ любители у насъ,
Совсѣмъ безъ такту и невѣрно,
Писклив̃ъ дискантъ и хрипелъ басъ;
Но помогать въ нихъ страсть безмѣрна:

Любовь прямая къ ближнимъ есть —
Что впрочемъ дѣлаетъ имъ честь.

Ахъ, если бъ можно было мнѣ
Поѣздить наконецъ по волѣ,
Въ любимой южной сторонѣ!
Въ Венеціи, катясь въ гондолѣ
При плескѣ волнъ и при лунѣ,
Внимать безпечно баркаролѣ
И видѣть въ сумракѣ ночей
Огонь полуденныхъ очей.

Но я въ Россіи, милый другъ,
Какъ жукъ, привязанный за ножку,
Могу летать себѣ вокругъ
И недалеко и немножко;
А нить не вытащишь изъ рукъ...
Что значитъ жукъ — простая мошка
Въ сравненьи съ толстымъ паукомъ
. . . . ?

Но разсказать могу я вамъ,
Какъ путешествовалъ пріятель.
Всю жизнь его вамъ передамъ;
Увидите, какъ мой мечтатель,
Безумно предаваясь снамъ,
Чего-то вѣчный былъ искатель,
И какъ изъ странствія его
Не вышло послѣ ничего.

VII.

Но нѣтъ! зачѣмъ мнѣ мучить васъ
Исторьей длинной и безсвязной?
Не лучше ль будетъ мой разсказъ
Мнѣ написать вамъ сообразно
Порядку тайному, что̀ въ насъ
Не болтовней безумно-праздной,
Но смысломъ внутреннимъ души
Опредѣляется въ тиши?

Хочу, чтобъ списокъ съ нашихъ дней,
Избытокъ чувствъ, живыя лица
Нашли вы въ повѣсти моей;
Но будутъ многія страницы
Написаны слезой очей
И кровью сердца... Лучъ денницы —
Какъ быть — нѐ въ радужномъ огнѣ
Рисуетъ наше время мнѣ.

Не думайте, чтобъ я отвыкъ
На будущность имѣть надежды:

Мнѣ чуждъ отчаянья языкъ,
Достойный дикаго невѣжды.
Но тяжекъ въ вѣкѣ этотъ мигъ,
Отъ частыхъ слезъ распухли вѣжды;
Въ грядущемъ, вѣрю я, свѣтло,
Но намъ ужасно тяжело.

Мы съ жизнью встрѣтились тепло,
Къ прекрасному простерли руки,
Участье къ людямъ насъ вело,
Любовь къ искусству, свѣтъ науки...
И что жъ насъ затереть могло
Въ тиски непроходимой скуки?
Не вы тоскуете, не я,
А всѣ, друзья и не-друзья.

Друзья, невинны мы въ иномъ,
Во многомъ виноваты сами.
Міръ ждетъ чего-то; спорить въ томъ
Отнюдь я не намѣренъ съ вами;
Пророки сильнымъ языкомъ
Уже вѣщали между нами,
И Charles Fourrier и St.-Simon
Чертили планъ иныхъ временъ.

Видали ль вы, какъ средь небесъ
Проходитъ туча надъ землею?
Удушливъ воздухъ, черный лѣсъ
Недвиженъ, все покрыто мглою,

И птицъ веселый рой исчезъ,
Чуть дышатъ звѣри предъ грозою
И въ трепетѣ чего-то ждутъ;
Вотъ наше время вамъ все тутъ.

Минуетъ бури череда,
И жизнь свѣтлѣе разольется;
Но скучно ждать намъ, господа,
Пока вся туча пронесется.
Мы славы жаждемъ иногда
Безъ всякихъ правъ на то; духъ рвется
Къ самолюбивѣйшимъ мечтамъ...
Что бъ ни было, не легче намъ.

Вотъ видите, ужъ кромѣ сихъ
Въ семъ вѣкѣ общихъ всѣмъ мученій,
Есть много мукъ у насъ иныхъ:
Съ людьми обидныхъ столкновеній,
Несносный холодъ къ намъ однихъ,
Другихъ любовь — все рядъ волненій;
Съ инымъ сойдешься, а потомъ
Не согласишься съ нимъ ни въ чемъ.

Все это грустно! Счастливъ, другъ,
Кто запирается безпечно
Въ свой узенькій домашній кругъ,
Спокоенъ, веселъ, жиренъ вѣчно,
И дѣти прыгаютъ вокругъ,
Жена отличная, конечно,

Хозяйка, — вѣрно сводитъ счетъ,
А мужъ по службѣ вверхъ идетъ.

Скажу вамъ просто — домъ такой
Благословенъ, мой другъ, отъ Бога;
Всегда въ немъ каждому покой,
Обѣдъ въ немъ сытенъ, денегъ много.
Ну, что — намъ съ вами прокъ какой
Дала душевная тревога?
Зачѣмъ намъ тотъ удѣлъ дать Богъ
Не захотѣлъ или не могъ?

Не могъ, не могъ! Вотъ дѣло въ чемъ.
Натура въ насъ совсѣмъ другая.
Въ насъ въ вѣкѣ, можетъ быть, иномъ
Была бы тишина святая;
Но въ тѣлѣ дрябломъ и больномъ
Теперь живетъ душа больная;
Мы суждены желать, желать
И все томиться и страдать.

Давайте же страдать, другъ мой!
Есть, право, въ грусти наслажденье,
И за безсмысленный покой
Не отдадимъ души мученье.
Въ немъ много есть любви святой;
Возьмемъ страданье и стремленье
Себѣ въ удѣлъ — онъ чистъ и святъ;
Ему какъ счастію я радъ.

VIII.

Въ вѣнцѣ изъ розъ была она,
Стояла опустивши руки,
Но пѣснь ея была полна
Какой-то безконечной муки,
И долго мнѣ была слышна,
И вслѣдъ за мной гналися звуки —
Ich bin ein Fremdling überall —
И на сердце легла печаль.

И мнѣ казалось, что, какъ тотъ
Безродный странникъ въ край изъ края,
И мы весь вѣкъ идемъ впередъ —
Вы, я, пѣвица молодая...
Какая цѣль? и что насъ ждетъ?
И гдѣ для насъ страна родная?
И все звучитъ одинъ отвѣтъ:
Блаженство тамъ лишь, гдѣ насъ нѣтъ.

Но мы ужъ такъ и быть, другъ мой:
Пѣвицу жалко мнѣ; изъ платы

Ей надо звонкій голосъ свой,
Изъ глубины душевной взятый,
Напрасно тратить предъ толпой,
Предъ чернью, деньгами богатой,
И думать, что отъ жизни сей
Совсѣмъ не то ждалося ей.

Но ужъ концертовъ будетъ съ насъ;
Дошли мы до страстной недѣли:
Говѣютъ люди. Ночью, въ часъ,
Встаютъ, не выспавшись, съ постели;
Ихъ будитъ колокола гласъ.
Салопы, шубы иль шинели
Надѣвъ, уже они пѣшкомъ
Идутъ молиться въ Божій домъ.

Тамъ тусклъ огонь свѣчей. Въ алтарь
Сердито входитъ попъ косматый,
Угрюмо бродитъ пономарь,
Дьячокъ бормочетъ бородатый
И дьяконъ ищетъ свой стихарь;
Просвирня зябнетъ, сномъ объята,
Кадило рой дѣтей несетъ
И вѣетъ ладанъ на народъ.

Но признаюсь, не вижу я
Особенной отрады въ этомъ.
Говѣйте вы себѣ, друзья,
Я развѣ послѣ стану — лѣтомъ.

. . . .
. . . .
. . . .
. . . .

Но если бъ жилъ я въ вѣкѣ томъ,
Когда Христосъ училъ народы, —
Его бъ я былъ ученикомъ
Во имя духа и свободы;
Оставилъ бы семью и домъ,
Не побоялся бы невзгоды
И радостно бъ за вѣру палъ
И свой удѣлъ благословлялъ.

Бывало, часто въ часъ ночной
Передъ распятьемъ на колѣни
Я падалъ съ теплою мольбой,
Чтобы Онъ далъ среди мученій
Мнѣ тотъ безоблачный покой,
Съ которымъ Онъ безъ злобы, пени,
Съ любовью крестъ тяжелый несъ
И всѣмъ прощенье произнесъ.

О другъ мой! какъ бы намъ дойти,
Чтобъ духомъ выше стать страданья
И ровно жизнь свою вести,
Какъ свѣтлое души созданье,
Встрѣчаться съ каждымъ на пути
Съ любовью, полной упованья,

Привлечь его, не дать коснѣть
И сердце сердцемъ отогрѣть!

Но мы вліянье на другихъ
Въ тоскѣ растратили невольно;
Мы слишкомъ любимъ насъ самихъ,
Людей же любимъ не довольно;
Мы нашей скорбью мучимъ ихъ,
Что̀ многимъ скучно, близкимъ больно,
А жизни лучшей идеалъ
Для насъ невыполнимымъ сталъ.

Но впрочемъ что же? На кого
Прикажете имѣть вліянье?
Собрать людей вокругъ чего?
Къ чему имъ указать призванье?
Какая мысль скорѣй всего
Ихъ расшатать бы въ состояньи?
Какъ, эгоизмъ изгнавъ изъ нихъ,
Направить къ высшей цѣли ихъ?

Не знаю, право. Цѣлый вѣкъ
Изъ этого я крѣпко бился,
На поискъ направлялъ свой бѣгъ,
Вездѣ знакомился, дружился;
Но современный человѣкъ
Былъ глухъ на крикъ мой. Я смирился
И только малый кругъ друзей
Я затворилъ въ любви моей.

Въ наукѣ весь нашъ міръ идей;
Но Гегель, Штраусъ не успѣли
Внѣдриться въ жизнь толпы людей,
И лишь на тѣхъ успѣхъ имѣли,
Которые для жизни всей
Науку цѣлью взять умѣли.
А если бъ понялъ ихъ народъ,—
. . . .

Итакъ, мой другъ, когда пять-шесть
Друзей къ намъ вышло на дорогу,
То, право, мы должны принесть
Большую благодарность Богу,
И въ этомъ много счастья есть;
Онъ далъ намъ много, очень много,
И грѣхъ великій намъ хандрить
И дара неба не цѣнить.

Съ немногими свершимъ нашъ путь,
Но не погибнетъ наше слово:
Оно отыщетъ гдѣ-нибудь
Средь поколѣнья молодого
Способныхъ далѣе шагнуть;
Они пусть идутъ въ бой суровый,
А мы умремъ среди тоски:
Страданья съ вѣрою легки.

IX.

Вдоль улицъ фонари горятъ,
Еще безмолвна мостовая,
И лужи кое-гдѣ блестятъ,
Огонь печально отражая;
Но фонарей огнистый рядъ
Въ ночи горитъ не озаряя,
И звѣзды ярко смотрятъ въ ночь,
Но тьмы не могутъ превозмочь.

Раздался ровно въ полночь звонъ,
Въ церквахъ «Христосъ воскресъ» запѣли,
Бѣжитъ народъ со всѣхъ сторонъ,
Кареты дружно зашумѣли.
Вы спите, другъ мой? Сладкій сонъ
Дай Богъ на мягкой вамъ постели,
А я пойду... Но грустно мнѣ.
Я лучше бъ плакалъ въ тишинѣ.

Но нѣту слезъ и вѣры нѣтъ
Младенческой въ душѣ усталой;
На ней сомнѣній грустный слѣдъ,
На ней печали покрывало,
И радость прежнихъ дѣтскихъ лѣтъ
Давно ей незнакома стала.
На звонъ безъ цѣли я иду,
Подарковъ отъ родныхъ не жду.

И гдѣ родные всѣ мои?
Въ тиши могилъ, отсель далече,
Заснули вѣчнымъ сномъ одни;
Съ другими мнѣ не нужно встрѣчи:
Межъ нами вовсе нѣтъ любви,
Докучны мнѣ ихъ видъ и рѣчи;
Конечно, есть еще друзья,
Но и они грустятъ, какъ я.

Смотрю съ Кремлевскихъ теремовъ
Куда-то вдаль. Воспоминанье
Живитъ черты былыхъ годовъ,
Назадъ влечетъ меня желанье;
Тамъ міръ любви и свѣтлыхъ сновъ
И молодого упованья...
Но какъ кругомъ — въ душѣ моей
Ночь, ночь и блѣденъ свѣтъ огней.

Съ чего грущу? Не знаю самъ.
Пойду домой. Какъ грудь изныла!

Какъ сердце рвется пополамъ!
О, если бы имѣлъ я силу
На ложѣ волю дать слезамъ —
Быть можетъ, мнѣ бы легче было...
Но Боже мой! какъ старъ я сталъ, —
Ужъ я и плакать пересталъ!

X.

Я ѣду завтра. Можетъ быть,
Меня отпустятъ за границу,
И въ жизни новую раскрыть
Тогда придется мнѣ страницу.
Но не могу я позабыть
Ни васъ, ни древнюю столицу;
Пожалуйста, мой другъ, вдвоемъ
Послѣдній день мы проведемъ.

Садитесь! Много кой о чемъ
Поговорить мнѣ съ вами можно.
Есть тайный страхъ въ умѣ моемъ,
Отъ думы на сердцѣ тревожно...
Какъ знать? Вдали, въ краю чужомъ,
(Хоть я и ѣзжу осторожно)
Умру быть можетъ. Жалко вамъ?
Да не желалъ бы я и самъ.

Вотъ воля вамъ моя одна:
Скажите тѣмъ, кого любилъ я,

Что въ смертный часъ ихъ имена
Произнося, благословилъ я,
Что смерть моя была ясна,
Что помнить обо мнѣ просилъ я,
Смирясь покорствовалъ судьбѣ
И скоро жду ихъ всѣхъ къ себѣ.

А можетъ быть, изъ дальнихъ странъ
Я возвращусь здоровѣй втрое,
Очищенъ отъ сердечныхъ ранъ
И вылѣченъ отъ геморроя,
И довезетъ мой чемоданъ
Мнѣ фракъ послѣдняго покроя;
А на прощаніе вдвоемъ
Бутылки двѣ мы разопьемъ.

Сперва въ бокалъ зеленый лью
Струю янтарную рейнвейна;
Во славу рыцарства я пью
И береговъ цвѣтущихъ Рейна.
Отвагу прежнихъ лѣтъ люблю
Отъ Карла и до Валленштейна
И пѣснь любви средь жаркихъ сѣчъ,
Гдѣ въ латы билъ тяжелый мечъ.

Пристрастенъ къ среднимъ я вѣкамъ,
Люблю ихъ замки и ограды,
Балконъ высокій, нѣжныхъ дамъ
И подъ балкономъ серенады...

Луна плыветъ по небесамъ,
А звуки такъ полны отрады,
И ропотъ Рейна вторитъ имъ...
Съ зарей походъ въ Іерусалимъ.

Но что мечтать о старинѣ —
Аи ужъ въ розовомъ бокалѣ,
Звѣздясь, мечты другія мнѣ
Несетъ игриво... Что жъ вы стали
И устъ не мочите въ винѣ?
Разъ въ разъ, бокалы застучали...
На югъ, на югъ хочу, друзья!
Да здравствуетъ Италія!

Цвѣтетъ лимонъ и золотой
Межъ листьевъ померанецъ рдѣетъ,
И воздухъ теплою струей
Съ небесъ лазурныхъ тихо вѣетъ;
Лавръ гордый поднялся главой
И скромно мирта зеленѣетъ.
Туда, туда! Среди Друидъ
Тамъ голосъ Нормы мнѣ звучитъ.

Но прежде чѣмъ увижу югъ,
Услышу музыку Беллини, —
Заѣду въ Питеръ я, мой другъ,
Гдѣ не бывалъ еще донынѣ.

. . . .

. . . .

. . . .
. . . .

Скорѣй оставлю скучный градъ,
Пущусь на пароходѣ въ море.
О, какъ впервые буду радъ
Я на морскомъ дышать просторѣ!
Далеко оттолкну назадъ
Хандру и истинное горе,
И буду, вдохновенья полнъ,
Внимать немолчный говоръ волнъ.

И буду взоромъ я тонуть
Въ безбрежьи неба голубого...
Но Боже! вдругъ стѣснилась грудь
И грустно сердце бьется снова:
Мнѣ жаль пускаться въ дальній путь,
И жалко края мнѣ родного...
Вѣдь я люблю его, мой другъ,
Одно я тѣло съ нимъ и духъ.

Я много покидаю въ немъ,
Разставшись съ нимъ, теряю много.
Едва ль, я не увѣренъ въ томъ,
Мнѣ чужеземная дорога
Его замѣнитъ... А потомъ —
Какъ разбирать всѣ вещи строго —
Чего бы, кажется, искать?...
Я впрочемъ буду къ вамъ писать.

Куда бъ ни ѣхать — все равно:
Вездѣ съ собою сами въ спорѣ,
Мученье мы найдемъ одно,
Будь то на сушѣ иль на морѣ;
Какъ прежде, какъ давнымъ-давно,
За нами вслѣдъ помчится горе.
Аккордъ намъ полный, господа,
Звучать не станетъ никогда.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

Farewell!

Byron.

Городъ пышный, городъ бѣдный,
Духъ неволи, стройный видъ,
Сводъ небесъ зелено-блѣдный,
Скука, холодъ и гранитъ.

Пушкинъ.

Ye see and read
Admire and sigh and then succomb and bleed.

Byron.

Письмо первое.

3 апрѣля. Станція.

Я начинаю къ вамъ писать,
Мой другъ, уже съ полудороги.
Мнѣ на шоссе нельзя пенять:
Онъ гладокъ, горы всѣ отлоги,
Но въ дилижансѣ плохо спать
И протянуть неловко ноги.
Я этимъ началъ, чтобъ потомъ
Не говорить ужъ мнѣ о томъ.

Когда Москву оставилъ я,
Въ послѣдній разъ пожалъ вамъ руку,
Невольно сжалась грудь моя
И сердце ощутило муку.
О, съ вами горько для меня,
Невыносимо несть разлуку.
Какъ ни крѣпился я — слеза
Мнѣ навернулась на глаза.

Я ѣхалъ. Надъ моей Москвой
Ночное небо ясно было

И тихо такъ на городъ мой
Звѣздами яркими свѣтило.
А впереди, передо мной,
Все небо тучей обложило,
Меня встрѣчалъ зловѣщій мракъ;
Я думалъ: то недобрый знакъ!

Такъ, недовольные ничѣмъ,
Богъ вѣсть куда стремимся все мы,
Толкаемы не знаю кѣмъ
И вдаль не знаю чѣмъ влекомы,
Безумно разстаемся съ тѣмъ,
Что мило намъ; друзей и домы
Бросаемъ — сколько ихъ ни жаль...
И ищемъ новую печаль.

Ужъ, право, не вернуться ль мнѣ?
А вы, мой другъ! Теперь чай сѣли
Передъ каминомъ, въ тишинѣ;
Къ вамъ думы грустныя слетѣли;
Не разъ, гадая на огнѣ,
Мою судьбу вы знать хотѣли...
Что жъ? вспыхнетъ синій огонекъ?
Да! нѣтъ! И гаснетъ уголекъ.

А предо мной во тьмѣ ночной
Равнина тянется печально,
И вѣтви сосны молодой
Чернѣютъ грустно въ рощѣ дальней.

Плетется дилижансъ рысцой,
Какъ полъ мощеный въ залѣ бальной
Гладка дорога, скатовъ нѣтъ...
Въ степи печаленъ и разсвѣтъ.

Разсвѣтъ! Съ улыбкой на устахъ,
Земной печали вѣкъ не зная,
Восходитъ солнце; на поляхъ
Кой-гдѣ бѣлѣетъ снѣгъ блистая,
И листьевъ нѣтъ еще въ лѣсахъ,
Не вышла травка молодая;
А жаворонокъ средь небесъ
Ужъ съ вольной пѣснію исчезъ.

И грустно мнѣ пѣвцу весны
Внимать въ раздумьи и печали
Среди пустынной стороны;
Передо мною смутно встали
Всѣ недоконченные сны,
Которыми полны бывали
Мои мечты въ родной странѣ...
Опять вздохнуть пришлося мнѣ!

Но полно. Перейти должны
Мы вновь къ практическимъ предметамъ.
Мы разъѣзжать пріучены
Въ Россіи и зимой и лѣтомъ;
Но все жъ, подчасъ поражены,
Должны критическимъ замѣтамъ

Отвесть мы мѣсто хоть слегка
Средь путевого дневника.

Во-первыхъ, я замѣчу вамъ,
По непривычкѣ ли къ свободѣ,
По непривычкѣ ли къ правамъ,
Вездѣ у насъ въ простомъ народѣ
Пристрастье къ площаднымъ словамъ:
Ругаться — въ чрезвычайной модѣ...
Неделикатно и смѣшно,
И оскорбительно оно.

Люблю, когда передъ избой
Въ кафтанѣ, шапка набекрени,
Ямщикъ съ широкой бородой
Сидитъ въ припадкѣ русской лѣни,
Склонясь на руки головой,
Поставивъ локти на колѣни,
И про себя поетъ въ тиши
Про очи дѣвицы-души.

И смотритъ вдаль... и ждетъ, и ждетъ,
Вотъ колокольчикъ раздается
И по мосту, стуча, впередъ
Телѣга тройкою несется
Къ нему — и стала у воротъ,
И паръ отъ коней клубомъ вьется.
И вотъ ямщикъ ужъ ямщикомъ
Встрѣчаемъ бранью иль толчкомъ.

Характеръ русскій на пути
Мнѣ сталъ предметомъ изученья,
И въ немъ я долженъ былъ найти —
Лѣнь, удальство и грусть въ смѣшеньи
Съ лукавствомъ (Боже насъ прости!)
Къ обманамъ гнуснымъ угнетенье
Насъ пріучило, также кнутъ...
Мудренаго не вижу тутъ.

Всегда мы, встрѣтясь съ кѣмъ-нибудь,
Врага въ немъ видя иль Іуду,
Его же ищемъ обмануть.
Я это порицать не буду,
Весьма естественъ этотъ путь;
А лѣнь хвалить я просто буду:
Какъ мужику любить свой трудъ?
Богатъ онъ — больше оберутъ.

Я это говорю смѣясь;
Но, другъ мой, если бы вы знали,
Какъ желчь бунтуетъ каждый разъ,
Какъ вся душа полна печали,
Когда я думаю о насъ!
Надежды всѣ почти пропали,
Свое безсилье я сознalъ
И нравъ мой золъ и мраченъ сталъ.

Но виноватъ! зовутъ меня —
Ужъ пристегнули торопливо

Къ постромкамъ пятаго коня;
Кондукторъ ждетъ меня учтиво,
Сурово нищихъ прочь гоня;
Ужъ сѣлъ ямщикъ нетерпѣливый.
Мой другъ, пора, пора! Спѣшу!
Изъ Петербурга напишу.

II.

Петербургъ.

Я прибылъ вечеромъ, другъ мой.
Шелъ дождикъ мелкій, понемногу
Дома скрывались въ тьмѣ ночной...
Свершивъ трехдневную дорогу,
Хотѣлъ скорѣй я на покой;
Но сердца странную тревогу
Преодолѣть никакъ не могъ
И долго спать еще не легъ.

Хотѣлъ я тутъ же къ вамъ писать,
Но какъ-то глупъ былъ; сталъ уныло
По комнатѣ моей шагать,
И что̀ меня тогда томило,
Не въ силахъ я пересказать:
Утрата ли того, что было,
Иль недовѣрчивость къ судьбѣ,—
Не могъ отчета дать себѣ.

Но было на душѣ темно.
Я поздно легъ, проснулся рано;

Мнѣ вѣтръ сырой пахнулъ въ окно,
Сѣдое небо сверхъ тумана
На міръ смотрѣло холодно,
И будто призракъ великана,
Въ сырую мглу погружена,
Мнѣ каланча была видна.

Вы согласитесь, что плохой
Пріемъ мнѣ сдѣлала погода;
Я если бъ не страдалъ хандрой,
Ее туманная природа
На умъ навѣяла бы мой...
Здѣсь говорятъ, что середь года
Выходитъ солнце только разъ...
Блеснетъ и спрячется тотчасъ.

Я думалъ: житель здѣшнихъ странъ
Быть долженъ мраченъ, даже злобенъ,
Всегда недугъ сердечныхъ ранъ
Въ себѣ самомъ таить способенъ,
Угрюмъ, задумчивъ какъ туманъ,
Во всемъ странѣ своей подобенъ,
И даже пѣснь его должна
Быть однозвучна и грустна.

Хотѣлось городъ видѣть мнѣ.
Я на проспектъ пошелъ зѣвая —
И изумился! Намъ во снѣ
Толпа не грезилась такая

Въ Москвѣ, гдѣ мы по старинѣ
Всѣ по домамъ сидимъ скучая;
А здѣсь, напротивъ, круглый годъ
Какъ бы на ярмаркѣ народъ.

Безъ стуку по торцамъ катясь,
Стремятся дрожки и кареты,
Заботой праздною томясь
Толпы людей, съ утра одѣты,
Спѣшатъ, толкаясь и бранясь.
Мелькаютъ перья, эполеты,
Бурнусы дамъ, пальто мужчинъ;
Въ одеждахъ всѣхъ покрой одинъ.

Чѣмъ эти люди заняты?
Какая цѣль? Къ чему стремленье?
Какая мысль средь суеты,
Среди всеобщаго движенья,
Средь этой шумной пестроты?
Ужъ не народное ль волненье?
И! что вы? право, никакой
Тутъ мысли вовсе нѣтъ, другъ мой.

Толпа стремится просто такъ,
Поѣсть иль пробѣжать глазами,
Какъ Магометъ, султана врагъ,
Гонимъ союзными дворами,—
И день убитъ ужъ кое-какъ.
Съ косой въ рукѣ, на лбу съ часами,

Сѣдой Сатурнъ на нихъ на всѣхъ
Глядитъ сквозь ядовитый смѣхъ.

Мнѣ стало страшно... Предо мной
Явилась вдругъ жизнь милліоновъ
Людей, объятыхъ пустотой,
Къ стыду всѣхъ божескихъ законовъ...
. . . .
. . . .
. . . .
. . . .

Потомъ пошли, и время шло,
И длинный день тянулся вяло,
И все мнѣ было тяжело.
Толпа шумѣть не преставала.
Обѣдъ; вино лилось свѣтло,
Но ужъ меня не забавляло;
Такъ я, являяся на балъ,
Всегда угрюмъ и дикъ бывалъ.

Мнѣ страненъ смѣхъ казался ихъ
Въ огромной освѣщенной залѣ;
Я былъ среди людей чужихъ,
И самъ чужой былъ всѣмъ на балѣ,
И мысли далеко отъ нихъ
Меня печально увлекали
Туда, куда-то въ мирный долъ,
Гдѣ годы дѣтства я провелъ.

Но я кладу письмо въ пакетъ,
Его съ оказіей вамъ шлю я.
Для васъ вѣдь новаго въ томъ нѣтъ:
Писать по почтѣ не люблю я;
Случиться можетъ и секретъ,
А ужъ никакъ не потерплю я,
Чтобъ мнѣ Коко какой-нибудь
Смѣлъ въ жизнь и душу заглянуть.

III.

Ложилась ночь, росла волна
И льдины проносились съ трескомъ;
Сѣдою пѣною полна,
Подернута свинцовымъ блескомъ,
Нева казалася страшна,
Стуча въ гранитъ съ сердитымъ плескомъ.
Въ туманѣ тускломъ рядъ домовъ
Смотрѣлъ печально съ береговъ.

Уже огни погашены,
Безпечно люди сномъ объяты;
Подъ ропотъ плещущей волны
Поденщики, аристократы,
Свои всѣ люди грезятъ сны.
Безмолвны стогны и палаты...
Одинъ недвиженъ на конѣ
Огромный всадникъ виденъ мнѣ.

Чернѣя сквозь ночной туманъ,
Съ подъятой гордо головою,

Надменно выпрямивъ свой станъ,
Куда-то кажетъ вдаль рукою
Съ коня могучій великанъ;
А конь, притянутый уздою,
Поднялся вверхъ съ переднихъ ногъ,
Чтобъ всадникъ дальше видѣть могъ.

Куда рукою кажетъ онъ?
Куда сквозь тьму вперилъ онъ очи?
Какою мыслью вдохновленъ
Не знаетъ сна онъ середь ночи?
Съ чего онъ гордъ? Чѣмъ увлеченъ
Изъ всей онъ будто конской мочи
Вскакалъ безстрашно на гранитъ
И неподвиженъ тутъ стоитъ?

Онъ тутъ стоитъ затѣмъ, что тутъ
Построилъ онъ свой городъ славный;
Съ разсвѣтомъ корабли придутъ —
Онъ кажетъ вдаль рукой державной;
Они съ собою привезутъ
Европы умъ въ нашъ край дубравный,
Чтобъ въ наши дебри свѣтъ проникъ;
Онъ гордъ затѣмъ, что онъ великъ!

Благоговѣлъ я въ поздній часъ,
И трепетъ пробѣгалъ по тѣлу;
Я самъ былъ гордъ на этотъ разъ,
Какъ-будто бъ былъ причастенъ дѣлу,

Которымъ онъ великъ для насъ.
Надменно вмѣстѣ и несмѣло
Предъ нимъ колѣно я склонилъ
И чувствовалъ, что русскій былъ.

Поднявъ я голову, потомъ
Въ лицо взглянулъ ему — и было
Какъ-будто грустное что въ немъ;
Онъ на меня смотрѣлъ уныло
И все мнѣ вдаль казалъ перстомъ.
Какая скорбь его томила?
Куда казалъ онъ мнѣ съ коня?
Чего хотѣлъ онъ отъ меня?

И я невольно былъ смущенъ;
Печально, робкими шагами
Я отошелъ, но долго онъ
Былъ у меня передъ глазами;
Я отъ него былъ отдѣленъ
Адмиралтейскими стѣнами,
А онъ за мною все слѣдилъ,
И видъ его такъ мраченъ былъ.

. . . .
. . . .
. . . .

И снова онъ, все тотъ же онъ,
Явился всадникъ предо мною,

Все такъ же гордъ и вдохновленъ,
Все вдаль съ простертою рукою.
И мнѣ казалось, какъ сквозь сонъ,
Съ подъятой гордо головою,
Надменно выпрямивъ свой станъ,
Смѣялся горько великанъ.

IV.

Что̀ я писалъ вамъ въ этотъ разъ?
Письмо ли это или ода,
Или элегія? У насъ
Послѣдняго не терпятъ рода...
А было время — развелась
На вздохи, слезы, стоны мода;
Всѣ вспоминали юны дни
И лѣзли въ Пушкины они.

Да я и самъ... но Боже мой!
Кого я назвалъ? Плачъ надгробный
Ужели смолкъ въ странѣ родной?
Гдѣ нашъ пѣвецъ, душой незлобный?
Гдѣ дивныхъ пѣсенъ даръ святой
И голосъ, шуму водъ подобный?
Гдѣ слава нашихъ тусклыхъ дней?
Внимайте повѣсти моей.

О! тамъ... въ тиши родной Москвы,
Отъ бурь мірскихъ задвинувъ ставень,

И не предчувствуете вы,
Какъ душу здѣсь сжигаетъ пламень;
Но будьте вы какъ ледъ Невы,
Или безчувственны какъ камень,
Все жъ васъ растопитъ мой разсказъ
И выжметъ слезъ ручей изъ васъ.

Когда молву, что нѣтъ его,
Въ столицѣ древней услыхали,
Всѣмъ было грустно отъ того,
Всѣ посердились, покричали;
Но черезъ день какъ ничего,
Опять спокойно замолчали;
Такъ шумный рой спугнутыхъ мухъ,
Взлетѣвъ на мигъ, садится вдругъ.

Вчера я встрѣтилъ невзначай —
Два мальчика прошли съ лотками
Статуекъ. Тутъ былъ попугай,
Качали кошки головами,
Наполеонъ и Николай
Стояли, обратясь спинами,
И Пушкинъ, голову склоня,
Скрестивши руки, близъ коня.

И равнодушною толпой
Шли люди мимо безъ вниманья,
И каждый занятъ былъ собой,
Не замѣчая изваянья.

Да хоть взгляните, Боже мой,
На ликъ, исполненный страданья
И думъ и грезъ... Вѣдь онъ поэтъ!
Да дайте жъ лептъ свой за портретъ!

Поэтъ не надобенъ для нихъ,
Ему внимать имъ даже скучно,
И звонкій, грустный, яркій стихъ
Они услышатъ равнодушно,
Какъ скрипъ телѣгъ на мостовыхъ,
Пѣснь аматера въ залѣ душной.
Они согласны быть скорѣй
Часъ цѣлый у рѣзныхъ дверей,

Пока лакей имъ въ галунахъ
Отворитъ входъ жилищъ священныхъ,
Гдѣ можно ползать имъ въ ногахъ
Временщиковъ и баръ надменныхъ
И цѣловать ничтожный прахъ
Людей ничтожныхъ и презрѣнныхъ,
Которыхъ кознями поэтъ
Погибъ во цвѣтѣ лучшихъ лѣтъ.

Ему досадой сердце жгли,
И дѣло быстро шло къ дуэли;
Предотвратить ее могли,
Но не хотѣли, не хотѣли.
Къ нему на похороны шли
Лишь люди въ фризовой шинели,

И тѣхъ обманомъ отвели,
И гробъ тихонько увезли.

Поэта мучить и терзать,
Губить со злобою холодной,
На тѣло мертвое не дать
Пролить слезу любви народной, —
Что жъ можно вамъ еще сказать,
Чтó-бъ было хуже? Благородный,
Священный гнѣвъ въ душѣ моей
Кипитъ — чѣмъ скрытѣй, тѣмъ сильнѣй.

Но только втайнѣ пару словъ
Могу сказать въ кругу собратій,
Боясь тюрьмы, боясь оковъ,
Боясь предательскихъ объятій.
А какъ бы на его враговъ
Я, сколько есть въ душѣ проклятій, —
Собрать былъ радъ въ единый мигъ,
Чтобы въ лицо имъ плюнуть ихъ!

И вашъ еще спокоенъ духъ
И не дрожите вы съ досады,
Что такъ безсильны мы, мой другъ,
И что намъ правду прятать надо,
И мнѣнью высказаться вслухъ
Вездѣ поставлены преграды?
Да если бъ кто чужой узналъ,
Онъ насъ бы трусами назвалъ.

V.

Но мы оставимъ мрачный тонъ,
Задернемъ скорбную картину;
Вашъ духъ тоскою удрученъ,
Я вижу, вы ужъ близки къ сплину
Я вамъ кажуся Цицеронъ,
Который мещетъ въ Катилину
Неумолимый приговоръ
И гнѣвный, безпощадный взоръ.

А я скажу вамъ между тѣмъ,
Что Цицерона я, бывало,
И не читалъ почти совсѣмъ,
По крайней мѣрѣ—очень мало;
За длинный слогъ его дилеммъ
Я съ жаромъ принялся сначала,
Потомъ за чтеньемъ сонъ клонилъ,
А нынче все я позабылъ.

Вотъ здѣсь, ораторовъ вѣнецъ,
Блистаетъ Гречъ, скажу безъ лести;

Булгаринъ выше какъ мудрецъ
Всѣхъ стоиковъ хоть взятыхъ вмѣстѣ,
Сознавъ презрѣнье наконецъ
Не только къ смерти, даже къ чести.
Но полно, другъ мой: Гречъ, Ѳаддей —
Внѣ всякой критики, ей-ей!

Пожалуйста, на этотъ мигъ
Забудемъ дюжину журналовъ
Въ форматахъ малыхъ и большихъ,
Забудемъ кучу генераловъ,
Темно-зеленыхъ, голубыхъ
И всѣхъ начальниковъ кварталовъ,
И всѣхъ шпіоновъ записныхъ —
Элькана, Фабра и другихъ.

. . . .

Въ углу театра я сидѣлъ
Въ расположеніи угрюмомъ,
На ложи холодно глядѣлъ,
Гдѣ дамы пышныя костюмомъ
Блистали — и скорѣй хотѣлъ,
Чтобъ занавѣсь взвилася съ шумомъ;
Зачѣмъ — не знаю, право, самъ,
Хотѣлъ я волю дать слезамъ.

Вы согласитеся, другъ мой,—
Есть въ жизни странныя мгновенья:

Желчь не кипитъ, въ груди больной
Стихаетъ жгучее мученье,
Но грусть глубокая съ душой
Дружится тихо... Безъ сомнѣнья,
Благословенъ кто въ этотъ часъ
До слезъ растрогать можетъ насъ.

Душа такъ живо сознаетъ
Любви неопытной страданья
И внѣшней жизни тяжкій гнетъ
И сладость перваго признанья,
И нечувствительно встаетъ
Неясное воспоминанье...
Предъ вами драма, а за ней
Мелькаетъ даль минувшихъ дней.

M-me Allan... О, какъ она
Постигла жизнь глубоко, вѣрно!
Какъ ею роль вся создана!
И любитъ какъ она безмѣрно
И какъ страдаетъ! какъ полна
Тоски она нелицемѣрно!
Движенье, поступь, взглядъ очей —
Все сильно поражаетъ въ ней.

Я плакалъ какъ дитя, другъ мой;
Тревожно грудь моя дышала.
За мной сидѣлъ старикъ сѣдой
И плакалъ, и рука дрожала,

И жилъ онъ старою душой,
А публика рукоплескала;
Лишь двое чувствами души
Мы увлекалися въ тиши.

И я взглянулъ на старика
Такъ симпатически... готова
Была руки искать рука;
Но я не смѣлъ, но ни полслова
Не сорвалося съ языка,
Я недвижимъ остался снова;
Разставшись молча съ старикомъ,
Я не встрѣчался съ нимъ потомъ.

Но въ этотъ вечеръ я унесъ
Съ собой толпу воспоминаній,
Слѣды душевныхъ теплыхъ слезъ
И много сладостныхъ мечтаній;
И ночью, средь неясныхъ грезъ,
Я чье-то сердце отъ страданій
Спасалъ — и смутно предо мной
Въ слезахъ носился ликъ сѣдой.

VI.

. . . .

VII.

„Сіи огромные сфинксы привезены и поставлены здѣсь.“

Ну виноватъ! Не могъ въ стихахъ
Я передать вамъ фразы странной,
Въ академическихъ умахъ
Мелькнувшей какъ-то въ день туманный;
Глупа она, конечно, страхъ,
И поражаетъ васъ нежданно,
И пахнетъ пудрой, парикомъ
И семинаріи перомъ.

Что жъ дѣлать? глупость съ давнихъ дней
Всѣхъ академій достоянье.
Временъ новѣйшихъ фарисей
Имѣетъ въ оныхъ засѣданье;
Но хуже не найти ей-ей
Людей . . . .
. . . .
. . . .

Здѣсь кстати я сказалъ бы вамъ,
Законы разбирая строго,

О томъ, что всѣмъ у насъ къ чинамъ
Открыта быстрая дорога;
Но о чиновничествѣ намъ
Говорено, мой другъ, такъ много,
Что признаюся — мнѣ оно
Уже наскучило давно.

Къ тому жъ, скажу безъ дальнихъ словъ,
Я радъ, что нѣтъ аристократовъ,
И если бъ не было рабовъ,
Я всѣхъ бы счелъ за демократовъ;
Но этотъ вѣчный Хлестаковъ,
Съ гурьбой военныхъ нашихъ хватовъ,
Невольно желчь вливаютъ въ кровь.
Но къ сфинксамъ возвратимся вновь

Забавно видѣть, какъ уста,
Лицо, глаза уродовъ Нила
Какой-то нѣжности черта
Роскошно, страстно озарила.
Востока жизнь моя мечта
Въ душѣ внезапно воскресила;
Передо мной лежала степь
И пирамидъ огромныхъ цѣпь.

Воскресла, мыслію полна,
Страна, гдѣ воплощался Брама,
И съ Богомъ мстительнымъ страна
Сыновъ лукавыхъ Авраама;

Потомъ другія времена...
Люблю мечтать про рай ислама,
Смотрѣть, какъ скачетъ бедуинъ,
Песокъ взметая средь равнинъ.

Люблю я пальмы и цвѣты,
Безбрежность, полную покоя,
Оливъ зеленые листы
И часъ полуденнаго зноя,
И прелесть смуглой красоты,
И запахъ мирры и алоя,
И жизни лѣнь, и пылъ въ крови,
И нѣгу жгучую любви.

Я не скрывалъ, мой другъ, отъ васъ —
Происхожденьемъ я татаринъ.
Во время оно окрестясь,
Мой прадѣдъ вышелъ русскій баринъ;
Съ тѣхъ поръ ужъ много было насъ;
Я Богу очень благодаренъ,
Что наконецъ рожденъ на свѣтъ
Такой же баринъ, какъ мой дѣдъ.

Дворянство наше все почти —
Татаръ крестившихся потомки,
Но можно изрѣдка найти
Фамилій княжескихъ обломки,
Да какъ-то мало въ нихъ пути;
Ихъ имена конечно громки,

Но представители именъ
Глупѣютъ въ быстротѣ временъ.

Какъ я досадовать привыкъ!
Волненью тайному послушный,
Я позабылъ любви языкъ,
Нѣтъ въ мысли шутки простодушной,
Пропало все!... Лишь боли крикъ
Живетъ въ груди неравнодушной,
Негодованіе растетъ,
И все внутри палитъ и жжетъ.

Вы помните, что нравомъ я
Былъ тихій, кроткій, даже нѣжный,
Любилъ зеленыя поля
И темный лѣсъ и скатъ прибрежный,
Друзей бесѣду, шумъ ручья,
Въ тиши ночной напѣвъ мятежный
И Теклу Шиллера, и сны,
И лучъ задумчивой луны.

Здѣсь все пропало! Цѣлый день
Ношусь я въ сердцѣ съ злобой скрытой,
Не сплю ночей. То будто тѣнь
Блуждаю съ думой ядовитой,
То въ апатическую лѣнь
Впадаю вдругъ, тоской убитый,
И политическій нашъ бытъ
Меня безъ отдыха томитъ.

VIII.

Есть домикъ старый. Онъ стоитъ
Давно одинъ на брегѣ плоскомъ.
У двери ходитъ инвалидъ.
Двѣ комнаты. Съ златистымъ лоскомъ
Налѣво образъ, и горитъ
Предъ нимъ свѣча и каплетъ воскомъ;
Направо стулъ простой съ столомъ,
Нева течетъ передъ окномъ.

Тутъ онъ сидѣлъ и создавалъ,
Великъ и простъ. Сюда порою
Пословъ заморскихъ принималъ;
А здѣсь онъ, оскорбленъ борьбою
Съ людьми, предъ образомъ стоялъ
И духъ крѣпилъ себѣ мольбою,
И грудь широкая не разъ
Вздыхала тяжко въ поздній часъ.

Теперь все пусто. Этотъ домъ
На васъ могильнымъ хладомъ вѣетъ,

И будто въ склепѣ гробовомъ
Душа тоскуетъ и нѣмѣетъ,
Ей тяжело и страшно въ немъ,
И такъ она благоговѣетъ,
Какъ-будто что-то тутъ давно
Великое схоронено.

Есть замокъ на горѣ крутой,
Онъ дышитъ роскоши отрадой,
Тѣнистыхъ липъ дряхлѣетъ строй
Предъ нимъ зеленою оградой;
Сверкая шумною струей,
Фонтаны внизъ бѣгутъ каскадой
И море синее легло
У ногъ горы и вдаль пошло.

Была блестящая пора:
Здѣсь прежде женщина живала
И блескомъ пышнаго двора
Себя тщеславно окружала
. . . .
Но все прошло . . . .
. . . .
. . . .

Томимъ глубокою тоской,
Сошелъ я къ морю. Вѣтеръ злился,
Свистя надъ мрачной глубиной;
За валомъ валъ сѣдой клубился

И злобно прыгалъ, и порой
О берегъ каменный дробился,
И брызги дико вверхъ кидалъ,
И съ тяжкимъ стономъ упадалъ.

Я былъ доволенъ. Я внималъ
Такъ жадно реву непогоды,
Лицо на брызги выставлялъ;
Борьба души съ борьбой природы
Такъ были дружны... И я зналъ,
Что, весь мой вѣкъ прося свободы,
Какъ валъ морской я промечусь
И послѣ съ стономъ расшибусь.

IX.

Ну, радуйтесь! Я отпущенъ!
Я отпущенъ въ страны чужія!
Я этой мыслью оживленъ;
Но были хлопоты большія...
Да это полно ли не сонъ?
Нѣтъ! Завтра жъ кони почтовые.
И я скачу von Ort zu Ort,
Отдавши деньги за паспортъ.

Конечно, и въ краю чужомъ —
Въ Парижѣ, въ Римѣ, въ Вѣнѣ, въ Прагѣ
(Хоть смысла много нѣтъ и въ томъ)
Берутъ налогъ съ листа бумаги;
Тутъ цѣнность дѣлъ — вотъ дѣло въ чемъ;
Но нѣтъ нигдѣ такой отваги,
Чтобъ на людей начесть налогъ
Съ движенья рукъ ихъ или ногъ.

Но что жъ? Привычка и нужда!
Я заплатилъ безъ возраженья.

Не такъ ли всѣ мы, господа?
Иной воскликнетъ — угнетенье!
Другой ему отвѣтитъ — да!
И общее то будетъ мнѣнье,
Всѣ покричатъ себѣ, потомъ
Такъ и останется на томъ.

Но вамъ признаться долженъ я,
Что мнѣ въ пути хотя не маломъ
Быть много времени нельзя:
. . . .
«Гулять шесть мѣсяцевъ ему.»

Полгода! только! о другъ мой,
Какъ это мало! И за что же
Предѣлъ поставленъ мнѣ такой?
Что̀ воли можетъ быть дороже?
Но благодарною душой
Я одаренъ Тобой, мой Боже!
И потому насчетъ сего
Я не скажу ужъ ничего.

Поѣду. Что-то будетъ тамъ?
Воскресну ли я къ жизни новой,
Всегда предаться новымъ снамъ
И новымъ мнѣніямъ готовый?
Иль странствуя по тѣмъ мѣстамъ,
Съ душой печальной и суровой

Останусь я, какъ здѣсь бывалъ,
Гдѣ столько скорбнаго встрѣчалъ?

На умъ приходятъ часто мнѣ
Мои младенческіе годы,
Село въ вечерней тишинѣ,
Въ саду свѣтящіяся воды
И жизнь въ какомъ-то полуснѣ,
Въ кругу семьи, среди природы,
И въ этой сладостной тиши
Порывы первые души.

Когда мы въ памяти своей
Проходимъ прежнюю дорогу,
Въ душѣ всѣ чувства прежнихъ дней
Вновь оживаютъ понемногу;
И грусть и радость тѣ же въ ней,
И знаетъ ту жъ она тревогу,
И такъ же вновь тѣснится грудь,
И такъ же хочется вздохнуть.

И вотъ теперь въ вечерній часъ
Заря блеститъ стезею длинной,—
Я вспоминаю, какъ у насъ
Давно обычай былъ старинный:
Предъ воскресеньемъ каждый разъ
Ходилъ къ намъ попъ сѣдой и чинный
И передъ образомъ святымъ
Молился съ причетомъ своимъ.

Старушка бабушка моя
На кресло опершись стояла,
Молитву шепотомъ творя,
И четки все перебирала;
Въ дверяхъ знакомая семья
Дворовыхъ лицъ мольбѣ внимала,
И въ землю кланялись они,
Прося у Бога долги дни.

А блескъ вечерній по окнамъ
Межъ тѣмъ горѣлъ. Деревья сада
Стояли тихо. По холмамъ
Тянулась сельская ограда,
И расходилось по домамъ
Уныло медленное стадо.
По залѣ изъ кадила дымъ
Носился клубомъ голубымъ.

И все такою тишиной
Кругомъ дышало, только чтенье
Дьячковъ звучало, и съ душой
Дружилось тайное стремленье,
И смутно съ дѣтскою мечтой
Ужъ грусти тихой ощущенье
Я безсознательно сближалъ,
И все чего-то такъ желалъ.

Къ чему все это вспомнилъ я?
Мой другъ, я самъ не знаю, право;

Припадки это у̓ меня
Меланхолическаго нрава.
Быть можетъ, важность всю храня,
Вы улыбнетеся лукаво,
А можетъ быть мечтой своей
Забудетесь средь дѣтскихъ дней.

X.

Всходило утро. Небеса
Румянцемъ розовымъ сіяли,
Какъ первой юности краса;
Но улицы еще дремали
Съ домами бѣлыми. Роса
Кой-гдѣ блистала. Люди спали,
И только бѣлый голубокъ
Кружился въ небѣ одинокъ.

Ворча сквозь зубъ, попался мнѣ
Одинъ гуляка запоздалый,
Рукой цѣпляясь по стѣнѣ;
Да дворникъ, съ вечера усталый,
Съ глазами слипшими во снѣ,
Держа метлу рукою вялой,
Зѣвая громко во весь ротъ,
Стоялъ крестяся у воротъ.

Нева спокойною струей
Лилась въ теченіи лѣнивомъ,

И утро ярко надъ водой
Сверкало радужнымъ отливомъ;
Я въ лодку сѣлъ и слѣдъ за мной
Пошелъ въ волненіи игривомъ,
И брызги искрились кругомъ,
Взлетая звонко подъ весломъ.

Я выплылъ въ море, и оно
Безбрежно синее лежало,
Сіяньемъ дня озарено,
И тихо воды колыхало,
Спокойной думою полно,
И лодку медленно качало...
Но съ береговъ ко мнѣ въ тотъ мигъ
Звукъ ни единый не достигъ.

И было море все кругомъ...
Лишь у меня надъ головою
Носился радужнымъ крыломъ
Жужжащій шмель, и той порою
Мы были только съ нимъ вдвоемъ
Затеряны надъ глубиною.
Волну, жужжаніе его
Я слышалъ, больше ничего.

И хорошо такъ было мнѣ,
И я забылъ про всѣ печали,
Безпечно ввѣряся волнѣ;
Терялись взоры въ синей дали,

Иль утопали въ глубинѣ,
Иль въ небѣ ясномъ исчезали.
И чувствовалъ въ раздольи я
Лишь безконечность да себя.

Я въ этотъ дивный, свѣтлый часъ
Благословилъ Неву и море;
Душа покою предалась
На голубомъ его просторѣ,
И я, въ столицу возвратясь,
Забылъ и ненависть и горе,
Ее безъ злобы увидалъ
И въ этотъ разъ не проклиналъ.

XI.

Варшава. Май.

Такъ я отъ невскихъ береговъ,
Поѣхалъ мирно, рысью ровной;
Пять, шесть уѣздныхъ городовъ,
Еще попались мнѣ до Ковно,
Потомъ пошли корчмы жидовъ,
Хлѣвы свиней вонючихъ словно;
Всѣхъ монополій вѣчный врагъ,
Я подъ полой провезъ табакъ.

И вотъ я въ новой сторонѣ,
И вотъ ужъ я среди Варшавы;
Дома твердятъ о старинѣ,
Но мраченъ городъ величавый,
Какъ витязь падшій на войнѣ.

. . . .

XII.

Есть близъ Варшавы дивный садъ.
Каштановъ темная аллея
И тополей высокихъ рядъ
Къ нему ведутъ; тамъ зеленѣя
Сирени пахнутъ и шумятъ,
И роза юная краснѣя
Въ тѣни листовъ цвѣтетъ пышна,
Душистой жизнію полна.

Лазенки! Мнѣ вы навсегда
Въ воспоминаньи сохранились;
Мы тамъ на берегу пруда
Съ весной другъ-другу поклонились.
Свѣтла, какъ зеркало, вода
И къ ней деревья наклонились,
Фонтанъ журчитъ и межъ вѣтвей
Не умолкаетъ соловей.

Не знаетъ птичка нашихъ бѣдъ,
Для пѣсенъ ей вездѣ свобода;

Спокоенъ розы пышный цвѣтъ,
И отъ заката до восхода,
И до конца съ начала лѣтъ,
Себялюбивая природа
Блистаетъ дивною красой
Средь жизни вѣчно молодой.

И безъ участія глядитъ,
Какъ мимо съ вѣчною тоскою,
Вѣнцомъ страдальческимъ покрытъ,
Дыша сердитою враждою,
Не выпуская мечъ и щитъ,
Окровавленною стопою
Идетъ угрюмъ изъ вѣка въ вѣкъ
Себялюбивый человѣкъ.

Въ саду стоитъ высокій домъ:
Король живалъ въ немъ для забавы
. . . .
. . . . как въ дни славы,
Журчитъ фонтанъ и межъ вѣтвей
Не умолкаетъ соловей.

XIII.

Калишъ.

Граница! Черезъ полчаса
Я въ Шлезіи. И вотъ смущенье
Тѣснитъ мнѣ грудь. Поля, лѣса,
И запахъ розъ, и птичекъ пѣнье,
И голубыя небеса —
Чужое все! Еще мгновенье,
И закричу невольно я:
Ужъ вотъ не русская земля!

Какъ это чувство странно, другъ!
Конечно, разницы ни малой
Нѣтъ въ двухъ шагахъ, но какъ-то вдругъ
Я отдохнулъ душой усталой,
Какъ-будто цѣпь свалилась съ рукъ,
И такъ легко, легко мнѣ стало,
И съ вѣрой я на жизнь взглянулъ,
И вольно, широко вздохнулъ!

Въ столицѣ Сѣвера, потомъ
Въ столицѣ Польщи я душою
Былъ просто мученикъ. Огнемъ
Мнѣ сердце жгло; ужъ не хандрою
То, что меня томило днемъ
И ночью мучило тоскою,
Я назову — а было, другъ,
Отчаянье мой злой недугъ.

. . . .

Но, другъ, едва ли я былъ правъ.
Когда бъ съ холоднымъ разсужденьемъ,
Всѣ вещи строго разобравъ,
На все я могъ взглянуть съ терпѣньемъ —
Не то бъ нашелъ. Но слабый нравъ
Увлекся внутреннимъ мученьемъ,
И какъ растоптанный цвѣтокъ
Я только грустно вянуть могъ.

Что жъ, съ жизнью сладитъ ли мой умъ
И заживетъ ли сердца рана,
Когда предстанутъ мнѣ — средь думъ
Германія? средь океана
Смышленый Лондонъ? вѣчный шумъ
Парижа? снѣжный верхъ Монблана
И съ небомъ вѣчно голубымъ
Надъ старымъ Тибромъ старый Римъ?

Не знаю! вѣрю! но темно
Грядущее передъ очами;
Богъ вѣсть, что мнѣ сулитъ оно!
Стою со страхомъ предъ дверями
Европы. Сердце такъ полно
Надеждой, смутными мечтами—
Но я въ сомнѣніи, другъ мой,
Качаю грустно головой.

И вотъ я вспомнилъ, какъ подчасъ
Мы съ вами вечеромъ сидѣли
Передъ каминомъ, и у насъ
Подъ вопль пронзительной мятели
Бесѣда мирная велась.
Признаться вамъ, часы летѣли
И даже дѣло къ утру шло,
А было на сердцѣ свѣтло.

Я стану вѣрить. Много есть
Чудесныхъ въ жизни сей мгновеній,
И если бъ намъ ихъ перечесть!
Вотъ хоть теперь: ночныя тѣни
Исчезли; радостную вѣсть
Съ залогомъ новыхъ наслажденій
Несетъ мнѣ радужный востокъ,
Свѣтя на бѣдный городокъ.

Addio! Мнѣ пора, другъ мой!
Длинна, длинна моя дорога!

Съ слезою я, мой край родной,
Стою у твоего порога.
Да будетъ свято надъ тобой
Во вѣкъ благословенье Бога!
Гляжу полупечально вдаль,
И право — какъ мнѣ всѣхъ васъ жаль!

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ.

(ЧРЕЗЪ ДВАДЦАТЬ СЕМЬ ЛѢТЪ.)

I.

Съ чего проснулось дней былыхъ
Душѣ знакомое волненье,
И все мнѣ слышенъ мѣрный стихъ
И риѳмъ созвучное паденье?
Я такъ давно чуждался ихъ,
Ихъ звуковъ страстное плетенье
Казалось праздностью уму,
Да и не нужнымъ никому.

Что жъ обновило бодрость силъ?
Ужель весеннихъ пѣсенъ звуки
До этихъ поръ не схоронилъ
Ни опытъ лѣтъ, ни трудъ науки,
Ни рядъ ошибокъ и могилъ,
Ни холодъ обыденной скуки?
Ужель я такъ остался цѣлъ,
Что просто я помолодѣлъ?

О нѣтъ! Я понимаю васъ,
Мои предсмертныя сказанья;
Въ васъ не взойдутъ на этотъ разъ
Любви стремленья и страданья,
Не отзовется тихій часъ
Спокойно-грустнаго мечтанья.
Возникли вы не для утѣхъ
Въ послѣдній стонъ, въ предсмертный смѣхъ.

II.

Съ тѣхъ поръ, какъ я начальныхъ строфъ
Слагалъ задумчивыя строки,
Прошло десятка три годовъ,
И жизни жесткіе уроки
Не проскользнули безъ слѣдовъ,
Казня въ размѣренные сроки
Бѣдой и зломъ — и борода
Давно становится сѣда.

Гляжу усталый отъ всего,
Гляжу съ тяжелымъ напряженьемъ,
На то, что вовсе не ново̀,
На міръ, исполненный волненьемъ,
И на себя на самого,
И полонъ внутреннимъ сомнѣньемъ:
Что жъ я?... споткнувшійся пророкъ,
Иль такъ... распутный старичокъ?

И жалокъ мнѣ мой прошлый путь!
Я много ль истинѣ далъ ходу?

Свершилъ ли я хоть что-нибудь?
Одну принесъ ли жертву сроду?
Иль жизнь умѣлъ я повернуть
Страстишкамъ маленькимъ въ угоду,
И силъ не поднялъ съ той поры,
А просто все схожу съ горы?

Быть можетъ, что подъ старость лѣтъ
Мысль эта всякому пригодна —
Ни счастья, ни покоя нѣтъ
И жизнь мелка и несвободна;
А можетъ быть, постичь секретъ,
Какъ жить съ своимъ понятьемъ сходно —
Безумно только я не смогъ
И гибну средь пустыхъ тревогъ?...

Когда же, внутренней тоской
И покаяньемъ утомленный,
Гонясь за мыслію живой,
Гляжу на міръ мнѣ современный,—
Мнѣ такъ же жалокъ кругъ людской,
Весь этотъ кругъ заговоренный,
Гдѣ каждый доблестный народъ —
Еще полнѣйшій идіотъ.

Нашъ нескончаемый прогрессъ,
И потому недостижимый,
Похожъ на путь чрезъ длинный лѣсъ,
Безвыходный, неизмѣримый,

Разбоя полный и чудесъ,
Гдѣ звѣрь большой, несокрушимый,
Подъ пѣсню старыхъ, глупыхъ словъ,
На бойню шлетъ простыхъ скотовъ.

Война и кровь!... Такъ вотъ предѣлъ,
Гдѣ стали мы съ образованьемъ,
Гдѣ даже сохранился цѣлъ
Духъ революцій съ ихъ преданьемъ
Единства національныхъ дѣлъ
И всѣхъ языцъ размежеваньемъ,
Которыхъ цѣли такъ дики...
. . . .

Война и кровь!... Вотъ нашъ привалъ,
Гдѣ, какъ въ чаду былыхъ столѣтій,
Опять народъ рукоплескалъ
Съ избыткомъ чувствъ и междометій,
Гдѣ старый прусскій генералъ
И императоръ счетомъ третій,
Всѣ оттого такъ и сильны,
Что люди глупы и скверны.

Война и кровь!... И много лѣтъ
Или вѣковъ въ рѣзнѣ безумной
Еще пройдутъ... Надежды нѣтъ!
Въ потемкахъ смрадныхъ дракой шумной
Замѣнятъ люди миръ и свѣтъ,
Не нуженъ имъ исходъ разумный —

И человѣкъ рожденъ холопъ,
Любовь къ свободѣ есть поклепъ.

Все это выражаю я,
Быть можетъ, очень прозаично,—
Лишь было ясно бы, друзья,
А тамъ будь плохо, будь отлично...
Да и не ищетъ рѣчь моя,
Чтобъ муза пѣла въ ней антично,
А сердца боль такъ велика,
Что къ слову просится тоска.

Всемiрный шумъ, всемiрный шумъ,
Германо-римскiй людъ великiй,
Многоболтливый Аввакумъ,
Снаружи гладкiй, въ сердцѣ дикiй —
Не ты моихъ властитель думъ!
Твои затверженные крики
Нейдутъ твоимъ пророкамъ вслѣдъ
И мiра новаго въ нихъ нѣтъ.

III.

«Что жъ сладко вашему уму?»
Меня вы спросите. — «Россія». —
«Мы, къ сожалѣнью моему,
Не справимся съ временъ Батыя»,
Скажу я такъ же въ эту тьму,
Какъ говорилъ во тьмы былыя...
. . . .

Народъ — стихія въ ростъ вѣкамъ,
Основа лучшихъ сочетаній.
Его я вѣрно не предамъ
Позору горькихъ порицаній;
Онъ тотъ — какъ Слово говоритъ —
Кто самъ не знаетъ, что творитъ.

Я вѣрю, что народъ одинъ —
Ячейка общей лучшей доли,
Но дастъ ли ростъ ей господинъ —
Опредѣлить не въ нашей волѣ...

IV.

Покинулъ я мою страну,
Гдѣ все любилъ — лѣса и нивы,
Снѣговъ нѣмую бѣлизну
И водъ весеннiе разливы,
И дѣтства мирную весну...
Но ненавидѣлъ строй фальшивый —
Господскiй гнетъ, чиновный кругъ,
Весь «царства темнаго» недугъ.

Покинулъ я родной народъ,
Гдѣ я любилъ село родное,
Гдѣ скорбь великая живетъ
Вѣка въ безпомощномъ застоѣ,
Гдѣ гибнетъ мысли юный всходъ,
Томитъ насилiе тупое
И свѣжимъ силамъ такъ давно
Въ жизнь развернуться не дано.

Тайкомъ работа шла у насъ,
Я ждалъ, я вѣрилъ въ перемѣну,

Какъ узникъ вѣритъ каждый часъ,
Что вотъ конецъ настанетъ плѣну...
Была ли вѣра—правды гласъ,
Иль призракъ счастію въ замѣну?
Но этой вѣры не имѣть,
Пришлось бы просто умереть.

Покинулъ я моихъ друзей,
Но и они мнѣ измѣнили;
Они мнѣ въ гордости своей
Моихъ ошибокъ не простили,
Они отъ истины моей
Давно, слабѣя, отступили,
И вотъ мнѣ съ робкой мыслью ихъ
Связей нѣтъ больше никакихъ.

Одинъ мнѣ другъ остался цѣлъ.
Къ нему влекли меня желанья,
И мощь любви, и жажда дѣлъ,
Одни стремленья и страданья;
Имъ трудъ начатый чистъ и смѣлъ,
Его рука, въ странѣ изгнанья,
Закроетъ мнѣ, не измѣнясь,
Мои глаза въ урочный часъ.

V.

Какая ночь! Чего въ ней нѣтъ!
И тѣнь, и блескъ! Душѣ печальной
Ея дрожащій полусвѣтъ
Повѣялъ нѣгой музыкальной
Знакомыхъ звуковъ — давнихъ лѣтъ,
Изъ дальнихъ странъ, изъ жизни дальней,
Изъ дальней жизни раннихъ сновъ —
Подъ напѣванье мѣрныхъ словъ.

Сквозь серебрянаго дыма
Свѣтитъ круглая луна,
Горной рѣчки льется мимо
Неумолчная волна.
Помнишь сказку — все тамъ сила —
Про Илью-Богатыря?
Няня, гдѣ твоя могила
У стѣны монастыря?

Помнишь комнаты большія
И больного старика?

И стучатъ часы стѣнные
И безвыходна тоска?
Помнишь юное томленье,
Согрѣвающее кровь,
И ненужное стремленье,
И ненужную любовь?

Рядъ смертей и погребеній —
Все безслѣдно въ мглѣ пустой,
Только призраки и тѣни
Мчатся въ памяти больной...
Сквозь серебрянаго дыма
Свѣтитъ круглая луна,
Горной рѣчки льется мимо
Неумолчная волна.

Простите этотъ старый складъ:
Онъ подвернулся неизбѣжно;
Я даже къ стансамъ былъ бы радъ
Напѣвъ придумать очень нѣжный,
Настроить слухъ на чуткій ладъ,
Чтобъ чувство мѣры безмятежно
Вновь до гармоніи дошло —
Иначе въ жизни тяжело.

Но музыкальная струя —
Увы! — во мнѣ не уцѣлѣла,
И паромъ выдохлась, друзья,
Иль скучнымъ льдомъ заледенѣла;

Ее разбила ль жизнь моя,
Тщета ль общественнаго дѣла,
Иль просто такъ, подъ старость лѣтъ,
Изящныхъ звуковъ жажды нѣтъ?

На этотъ разъ, признаюсь вамъ,
Я не хочу судить объ этомъ;
Быть можетъ, строемъ звучныхъ гаммъ
Мнѣ заниматься не по лѣтамъ,
И потому намѣренъ самъ
Я перейти къ другимъ предметамъ,
Гдѣ много желчи иль любви,
Иль скорбной горечи въ крови.

VI.

Я у окна стою одинъ,
Уныло въ даль вперяя взоры
На зелень мягкую равнинъ,
На бѣлый снѣгъ, покрывшій горы,
И слышу съ низменныхъ долинъ
Лягушекъ трепетные хоры...
А въ мысляхъ все двойной предметъ —
Прогрессъ и память прежнихъ лѣтъ.

Въ былой порѣ недавнихъ лѣтъ,
Гдѣ мало свѣта, много чада,
Гдѣ въ «праздномысліи» поэтъ
Нашелъ, что есть своя отрада,—
Я не хочу сказать, что нѣтъ
Живой струи, живого склада;
Но, признаюсь, я самъ отсталъ
Отъ этихъ барственныхъ началъ.

Нельзя идти, стремясь къ добру,
На трудъ общественнаго дѣла,

Поэтизируя хандру
И усталь сердца, усталь тѣла,
Жалѣя томно по утру,
Зачѣмъ луна не уцѣлѣла,
А въ годы прежніе не разъ
Въ томъ доля жизни шла у насъ.

Унылый плачъ по юнымъ днямъ,
Стремленье въ высь къ тому, что̀ вѣчно,
Тоска по пройденнымъ любвямъ
И вѣра въ то, что безконечно,
Съ глухимъ сомнѣньемъ пополамъ —
Все это, можетъ, человѣчно...
Тогда я тоже создавалъ
Весьма забавный идеалъ.

Я по коврамъ блуждалъ въ тиши
И думалъ грустно: «онъ былъ молодъ» —
И наслаждался отъ души,
«Что въ душу вкрадывался холодъ».
Но вѣдь и тѣ не хороши,
Кто взвелъ свой полу-барскій голодъ
На степень правды... Больше грубъ
Онъ вышелъ, но не меньше тупъ.

Не отзовется умъ живой
На звукъ напыщенныхъ томленій;
Не вступитъ праздною стопой
Отсѣдъ шляхетскихъ поколѣній

Въ движенье жизни трудовой,
Ея страданій и стремленій,
Чтобъ стать съ народомъ — какъ должно —
Въ единомъ строѣ заодно.

Но я пророчу, не боясь,
Исполненный надежды смѣлой,
Что новый кряжъ взойдетъ у насъ —
Съ стремленьемъ чистымъ, мыслью зрѣлой,
И пусть посердитъ васъ и васъ,
Но жизни будущаго цѣлой
Блеснетъ въ немъ яркая звѣзда —
Затѣмъ и гнѣвъ вашъ не бѣда...

ДЕРЕВНЯ.

ПОВѢСТЬ.

(Отрывокъ.)

ГЛАВА I.

Пріѣздъ.

У насъ нейдетъ воспоминанье
До предковъ дальнихъ. Рѣдко дѣдъ —
Какъ судія иль мужъ побѣдъ —
Оставилъ громкое названье.
Зато, когда деревня есть,
Въ ней домъ большой, — отъ внука честь
Невѣдомому дѣду, ибо
Невольно скажешь дѣдушкѣ спасибо.

Въ деревнѣ внукъ (онъ другъ природы)
На внукѣ скачетъ жеребца,
Чей сынъ былъ конь его отца,
Краса наслѣдственной породы, —
И объѣзжаетъ злато нивъ,
Иль ѣздитъ такъ, когда лѣнивъ
Хозяйственной заняться частью,
Столь выгодной, но скучною къ несчастью.

Въ деревнѣ прежде дѣды наши
Живали долго, круглый годъ,

Дрались иль тѣшили народъ
И пиръ вели изъ полной чаши,
Держали дворню и собакъ, —
А нынче ужъ совсѣмъ не такъ!
Хлѣбъ дешевъ, дорогъ рубль — и внука
Нужда въ деревню гонитъ или скука.

Инымъ, конечно, въ мысль припало
Въ деревнѣ просвѣщать людей;
Живутъ, хлопочутъ, но ей-ей,
Такихъ немного, даже мало,
И тѣ (я признаюсь къ стыду),
Имѣя благо всѣхъ въ виду,
Имѣютъ и довольно лѣни,
Сей язвы всѣхъ славянскихъ поколѣній.

Подобно имъ, еще мечтатель —
Хотя ужъ тридцати годовъ,
Въ помѣстье древнее отцовъ
Пріѣхалъ Юрій, мой пріятель.
Давно скитаяся одинъ,
Своей свободы господинъ,
Помѣщикъ душъ... (я знаю только,
Что было много ихъ, не помню сколько),

Онъ захотѣлъ нелицемѣрно
Познанья, умъ и жажду дѣлъ,
Которой цѣли не умѣлъ
Опредѣлить доселѣ вѣрно,

Къ тому направить, чтобъ село
Его трудилось и цвѣло,
Чтобъ грамотѣ учились дѣти
И мужики умнѣли бы безъ плети.

Я чту подобныя задачи,
Предметъ достойный средь вѣковъ
Всѣхъ государственныхъ умовъ;
Но я боюсь за неудачи:
Преградъ нежданныхъ грустный рядъ
Весь нашъ порывъ тѣснитъ назадъ
И вдругъ подрѣзываетъ крылья,
Какія бъ мы ни дѣлали усилья.

Но Юрій, ѣхавши въ селенье,
Гдѣ въ дѣтствѣ онъ гулялъ и росъ,
Надеждъ, свѣжѣй весеннихъ розъ,
Въ себѣ замѣтилъ пробужденье.
Хоть жизнью онъ испытанъ былъ,
Но всю упругость сохранилъ
Души несдавленнаго пыла
(Что часто дѣтскость, иногда и сила).

Къ тому жъ теперь въ полезномъ дѣлѣ
Отъ смутъ душевныхъ отдохнуть
Онъ думалъ, ибо жизни путь
Довольно странно велъ доселѣ.

Прельщенный блескомъ эполетъ,
Герой мой съюну былъ корнетъ.
Страсть къ киверу питали всѣ мы!
(Тогда носили киверъ, а не шлемы.)

Но киверъ разлюбилъ онъ вскорѣ;
И кругъ товарищей лихихъ,
И ласки грацій покупныхъ,
И винъ и водокъ чуть не море,—
Все показалося ему
Противнымъ вкусу и уму,
И видя въ службѣ только скуку,
Онъ взялъ отставку и вдался въ науку.

Филологіи, медицинѣ,
Всему учась во всѣхъ странахъ,
Онъ слушалъ Ганса о правахъ,
Онъ слушалъ логику въ Берлинѣ;
Потомъ финансы изучалъ
И въ Альбіонѣ наблюдалъ
Устройство быстрыхъ паровозовъ,
Столь выгодныхъ въ сравненіи обозовъ.

Въ Парижѣ посѣщалъ онъ залы
Сорбонны и растеній садъ,
И слушалъ пренія палатъ
Прилежно, и читалъ журналы.
Искусство, древность и досугъ
Его влекли на теплый югъ,

Душъ поэтическихъ къ святынѣ,
Гдѣ небо сине, море тоже сине.

Тогда дремалъ тамъ духъ народа,
Какъ дремлетъ стая кораблей
Среди затихнувшихъ зыбей:
Свѣтло вокругъ и нѣтъ исхода!
Но вѣтеръ дунулъ, якорь снятъ,
И мачты парусомъ шумятъ,
И все ликуетъ на эскадрѣ...
Впередъ! впередъ! Coraggio, santo padre!

Но при возникнувшемъ движеньи
Мой Юрій не былъ. Средь руинъ,
Садовъ, палаццо и картинъ
Блуждалъ онъ будто въ сновидѣньи;
Благоухающій восходъ
Въ Альбани, близъ спокойныхъ водъ,
Ходилъ встрѣчать онъ пышнымъ лѣтомъ...
Я самъ когда-то... ну! да что объ этомъ!...

Элладу Юрій видѣлъ тоже,
Въ Аѳинахъ прежняго искалъ,
Но окончательно узналъ,
Что съ прежнимъ новое не схоже,
Что умеръ влюбчивый Зевесъ,
Перикла пышный вѣкъ исчезъ
И древне-эллинскаго тона
Слѣда нѣтъ, даже при дворѣ Оттона.

Изъ края въ край переносимый,
Чего онъ ждалъ, учась всему?
Какой запросъ его уму
Предсталъ ничѣмъ неотразимый?
Начало ль міра, цѣль и ходъ
Искалъ, иль изъ иныхъ заботъ
Онъ рылся въ книгахъ иностранныхъ, —
На этотъ счетъ я не имѣю данныхъ.

Молва лукавая носилась,
Что вдаль тоска гнала его —
Затѣмъ, что какъ-то не въ него
Одна красавица влюбилась.
Оно быть можетъ. Случай сей
Бываетъ часто у людей;
Его и сами фаланстеры
Устроить намъ не представляютъ мѣры.

Молвѣ не вѣрю я отчасти.
Вѣкъ плакать Юрій бы не могъ;
Тоску бъ онъ вѣрно превозмогъ:
Имѣлъ онъ слишкомъ много страсти
И слишкомъ жаръ большой въ крови
Для платонической любви,
И скоро бъ сталъ для новой встрѣчи
Искать роскошныя и грудь и плечи.

Я въ Генуѣ у ногъ пѣвицы
Его нашелъ. Она была

Съ косою черной, но бѣла,
И если, длинныя рѣсницы
Поднявъ, она порой на васъ
И блескъ и нѣгу южныхъ глазъ
Роняла въ прихоти случайной,
Въ васъ пробѣгалъ по тѣлу трепетъ тайный.

Когда на берегу залива
Маякъ вспыхалъ во тьмѣ ночной
И шумъ смѣнялся городской
Далекимъ гуломъ перелива,
Она для звуковъ вся жила
И пѣсня вольная была
Звучнѣй волны и жарче юга,—
Душа рвалась отъ счастья и недуга.

Но я, пустившись снова въ море,
Не знаю, долго ли они
Плели любви златые дни,
Или, остывъ, разстались вскорѣ;
Не знаю, мирно ли пришла
Къ концу любовь, иль замерла
Въ упорныхъ ссорахъ, желчной мукѣ,
И кто изъ нихъ заплакалъ о разлукѣ...

ГЛАВА II.

Въ степяхъ Россіи необъятной
Желтѣлъ печально снѣгъ сырой,
Когда въ деревню мой герой
Рѣшился ѣхать въ путь обратный.
Шла тройка робко; по шиблямъ
Ныряли сани вкось и впрямь
И колокольчикъ заунывный
Побрякивалъ въ пустынѣ безотзывной.

И взору послѣ многихъ сутокъ
Открылся домъ въ тиши полей,
Средь низкихъ избъ и флигелей
Какъ лебедь бѣлый между утокъ.
Храня прямолинейный типъ,
За нимъ былъ садъ изъ голыхъ липъ,
Тамъ куполъ церкви деревянной,
Не очень ветхой, но довольно странной.

Хоть Юрію и были чужды
Забавы нѣжныхъ, юныхъ лѣтъ:

Предчувствій робкій полусвѣтъ
И сердца грусть безъ всякой нужды —
Но духъ ему тоской свела
Картина скудная села,
Какъ-будто видъ какихъ развалинъ,
Гдѣ если есть жилецъ, то онъ печаленъ.

Убогихъ избъ вдоль косогора,
Соломой крытыхъ и кривыхъ,
Тянулся рядъ — и никакихъ
Не представлялъ отрадъ для взора.
Казалось, сплочены чуть-чуть
Онѣ изъ бревенъ какъ-нибудь,
И что кочующее племя
Случайно въ нихъ устроилось на время.

Но мы къ крыльцу! село минуемъ.
Ужъ ключникъ старый подоспѣлъ
И руку барскую хотѣлъ
Увлажить рабскимъ поцѣлуемъ.
Лобзанье Юрій оттолкнулъ;
Старикъ съ прискорбіемъ смекнулъ,
Что ужъ не тотъ разсчетъ при сынѣ,
Что прежде былъ при старомъ господинѣ.

Вотъ Юрій входитъ въ домъ старинный...
Въ пустынныхъ залахъ по стѣнамъ
Сквозь оконъ бродитъ здѣсь и тамъ
Зари вечерней отблескъ длинный.

На мебеляхъ слинялый штофъ,
Ковры изъ пыли сверхъ столовъ,
И воздухъ тотъ, когда съ полвѣка
Не слышно было въ домѣ человѣка.

Невольно Юрій сердца трепетъ
Въ наслѣдномъ замкѣ ощутилъ;
Какъ трудный сонъ, его смутилъ
Воспоминаній дѣтскій лепетъ —
О томъ, что было, что прошло,
Кого въ могилу низвело;
А онъ все живъ и не сломали
Досель его ни радость, ни печали.

Томимъ тревогой безпокойной,
По всѣмъ онъ комнатамъ идетъ
И постепенно узнаетъ
Порядокъ ихъ не вовсе стройный.
Вотъ здѣсь отцовскій кабинетъ,
Гдѣ дѣда жирнаго портретъ
Въ прическѣ пудреной и гладкой,
Съ осанкой важной и улыбкой сладкой.

А здѣсь въ шкапахъ подъ слоемъ пыли —
Отвѣданъ крысами — Вольтеръ,
Руссо, Гельвецій... «Напримѣръ —
Къ чему имъ книги эти были?
Они читали только встарь
Простой и адресъ-календарь,

По слуху вѣруя, что въ родѣ
Бѣсовскихъ дѣлъ вся книга о природѣ.» *)

Такъ думалъ Юрій. Съ нимъ едва ли
Согласенъ я на этотъ разъ:
Какъ и на западѣ, у насъ
Въ томъ вѣкѣ многіе блистали,
Ставъ рѣзко въ обществѣ пустомъ,
Своимъ скептическимъ умомъ,
Или развратомъ — такъ же точно,
Но все съ какой-то примѣсью восточной.

Болѣзнь души — воспоминанье —
Проходитъ, былъ бы крѣпкій сонъ;
Заутра трудъ. — Ужъ на поклонъ
Идетъ народъ, явя желанье
Увидѣть барина... Зачѣмъ?
Любимъ онъ что ль народомъ тѣмъ?
За что? Какъ Гамлетъ, скептикъ грубый,
Я думаю: «Ну, что́ ему Гекуба?»

Что мужикамъ тотъ миѳъ, который
Извѣстенъ тѣмъ, что дважды въ годъ
По почтѣ получалъ доходъ?
Да если бъ и въ чужія горы
Не уѣзжалъ онъ, — все равно:
Любовь лишь inter pares **). — Но

*) Le livre de la nature, приписываемая, помнится, Гольбаху.
**) Между равными.

Сильнѣе разума и знанья
О, ты! недугъ наслѣдственный преданья!

Рѣчь Юрій велъ о томъ, что̀ съ поля
Мужикъ взялъ хлѣба, какъ и кто,
Совѣтовалъ и то, и то...
Всѣ отвѣчали: «ваша воля!»
Но Юрій на такой отвѣтъ
Сказалъ сердясь, что вовсе нѣтъ!
Ихъ польза слушаться совѣта.
«Конечно!... но все жъ ваша воля это!»

Иной въ такомъ отвѣтѣ видитъ,
Что нашъ мужикъ отчасти тупъ,
А онъ межъ тѣмъ совсѣмъ не глупъ;
Онъ волю чтитъ, но ненавидитъ
Вашъ умъ, какъ школьникъ свой урокъ,
Хотя бы и пошелъ онъ въ прокъ.
Замѣтьте, васъ прошу усильно,
Что самый Петръ насъ просвѣщалъ насильно.

Но Юрій думалъ, взявъ терпѣнье,
Что разумъ, какъ подземный кротъ,
Невидимъ вроется въ народъ,
И чтобъ подвинуть просвѣщенье
Хотя бъ чрезъ барскій произволъ,
Онъ школу тотчасъ же завелъ
(Но са̀мъ не могъ учить никакъ онъ,
И потому учителемъ былъ дьяконъ).

Пока былъ Юрій мучимъ жаждой
Полезныхъ дѣлъ, сосѣдей полкъ
О немъ завелъ всеобщій толкъ.
Воскресли барышни, и каждой
Мечталось будто бы сквозь сонъ:
«Ужъ не жениться ль хочетъ онъ?
На комъ? Быть-можетъ не на мнѣ ли?...»
И страхъ онѣ какъ замужъ захотѣли.

Но тщетенъ былъ ихъ сонъ любимый!
Боялся Юрій брачныхъ узъ,
Боялся съ женщиной въ союзъ
Вступить навѣкъ, и клятвой мнимой
Лишить, всю будущность губя,
Ее свободы и себя,
И переставъ любить и вѣрить,
Терзать, скучать, хитрить и лицемѣрить.

«Пусть сердце было бъ въ нашей волѣ
За хронометръ любви признать
И въ кабалу не отдавать, —
Мы можетъ-быть любили бъ долѣ!...»
Такъ думалъ Юрій, а не я;
Не обвиняйте же меня
О вы, вѣрнѣйшія супруги,
Мужей унылыхъ скучныя подруги!

Сосѣди мужескаго пола,
Равно не вѣдая его,

Кляли героя моего
Насколько хватитъ произвола.
Но Юрій... кстати: умолчать
Намѣренъ я, какъ надо звать
Его по батюшкѣ. Признаться,
Всѣ *ичи* стали мнѣ смѣшны казаться.

И также я — во что бъ ни стало —
Его фамильи не скажу.
Я выгодъ въ томъ не нахожу!
У насъ фамилій звучныхъ мало,
А феодальныхъ въ нихъ началъ
И вовсе я не замѣчалъ.
(Изъ всѣхъ на *овъ, инъ, скій* и *ъйкинъ*
Звучитъ недурно капитанъ Копѣйкинъ.)

Но Юрій, сплетенъ врагъ старинный,
Уединенно занятъ былъ,
И только старосту томилъ
Бесѣдой мудрою, но длинной.
Мужикъ догадливъ; онъ постигъ
Своимъ чутьемъ въ единый мигъ,
Безъ напряженнаго разсчета,
Что Юрій хочетъ добраго чего-то.

Но рабъ привычки боязливой,
Довольный грязною избой,

Пошелъ обычной колеей
И, озираяся пугливо,
Со страхомъ барина встрѣчалъ
И никогда не довѣрялъ,
Чтобъ съ нимъ была возможность дружбы,
Заплатный трудъ считая долгомъ службы.

ГЛАВА III.

Шло время. Уже постъ великій
Кончался. Каялось село
И къ пасхѣ сладкій хлѣбъ пекло.
Межъ тѣмъ на мѣсто вьюги дикой
Весенній вѣтръ, съ полденъ гонимъ,
Повѣялъ чѣмъ-то молодымъ,
И, не страшась морозовъ болѣ,
Прорѣзался зеленый стебель въ полѣ.

Забился листъ на вѣткѣ гибкой,
Въ ручьѣ пошла звучать волна,
И улыбнулася весна
Младенца свѣжею улыбкой.
Вкушая отдыхъ отъ труда,
Могъ Юрій тоже иногда
Забыться сладко въ мирной лѣни
Подъ пѣнье птицъ, при вѣяньи сирени.

Но вспомнивъ, что суха дорога,
Рѣшился онъ извѣдать честь

Съ сосѣдями знакомство свесть.
Хотя онъ радости не много
Предвидѣлъ въ этомъ для себя,
Но думалъ, пользу всѣхъ любя,
Что разговоръ его быть-можетъ
Ихъ сонный умъ немного растревожитъ.

Къ тому же, въ людяхъ видя только
Ихъ цѣлой жизни результатъ,
Онъ многое прощать былъ радъ,
Не презирая ихъ нисколько,
Лишь были бъ нѣсколько сносны.
«Принять», онъ думалъ, «мы должны,
Что какъ бы голосъ ни былъ скверенъ —
Все жъ можно звукъ найти, который вѣренъ.»

Поѣхалъ. Близокъ домъ сосѣдній.
Къ крыльцу! Здѣсь проживаетъ Лёвъ
Ивановичъ, полковникъ Пневъ.
Встрѣчаетъ гнусный духъ въ передней,
Потомъ хозяинъ. Онъ ужъ старъ,
Но съ виду отставной гусаръ,
Въ сѣдыхъ усахъ, чуть рыжеватыхъ,
Рѣшительность въ движеньяхъ угловатыхъ.

Онъ Юрія поочередно
Съ женой и дочерью своей
И съ каждымъ изъ своихъ гостей
Знакомитъ, и — какъ странникъ модный,

Какъ монументъ иль рѣдкій звѣрь —
Осмотрѣнъ новый гость теперь.
Дородная супруга Пнева,
Привставъ немножко, молча сѣла снова.

Они съ супругомъ очевидно
Дѣлили въ домѣ барства власть,
Взявъ мелкій гнетъ себѣ на часть,
Для слугъ запуганныхъ обидный.
Дочь Пневыхъ, дѣва въ двадцать лѣтъ,
Представить не могла примѣтъ
Ума или иного дара,
Но все вздыхала и звалась Варвара.

У нихъ гостей-сосѣдей было:
Одна вдова, мать трехъ дѣвицъ,
Безмолвныхъ, но веселыхъ лицъ;
Еще съ женою, съ виду милой,
Совѣтникъ статскій Бобочкинъ, —
Лишенный мѣста господинъ
По явномъ въ взяткахъ уличеньи,
За что и былъ оставленъ въ подозрѣньи.

Въ гостиной всѣ усѣлись важно;
Пошли вопросы. Юрій тутъ
Всѣхъ общихъ мѣстъ извѣдалъ трудъ,
Часы съѣдающій протяжно.
«Надолго ли въ деревню онъ?
Зачѣмъ и изъ какихъ сторонъ?

А мы и къ батюшкѣ ѣзжали,
Но вы насъ помнить можете едва ли.»

Онъ точно въ памяти упрямой
Ихъ не хранилъ и отвѣчалъ,
Что онъ тогда былъ слишкомъ малъ. —
«Да-съ! малы! Помнимъ: въ годъ тотъ самый,
Когда намъ Вареньку далъ Богъ
Любви супружеской въ залогъ,
Уѣхалъ съ вами вашъ родитель
И до конца все былъ столичный житель.»

«Покойникъ жилъ весьма богато»,
Вздохнувъ, замѣтила вдова,
«Какъ долженъ баринъ!... какъ едва
Теперь живетъ кто!... Виновата
Война съ французомъ, что у насъ
Порода баръ перевелась.
У Фистулова генерала,
У одного есть свой оркестръ для бала.

А вотъ въ старинные-то годы...»
«И! матушка! какой тутъ балъ!
По горло всякій задолжалъ,
Хлѣбъ ни по чемъ и дрянь доходы;
Да и народъ другой пошелъ:
Бывало, барскій произволъ —
Святыня; нынче на работу
Насилу розга придаетъ охоту.»

Герой нашъ могъ бы по-латынѣ
На это дать такой отвѣтъ,
Что tempora mutantur et
Умъ прежній глупъ быть можетъ нынѣ.
Но чуждый педантизму школъ,
По-русски просто рѣчь онъ велъ
О томъ, что выгодъ было бъ болѣ,
Когда бъ народъ нашъ вовсе жилъ на волѣ.

На лицахъ вспыхнула досада.
Полковникъ сталъ свой усъ щипать,
Хозяйка не могла поднять
На Юрія прямого взгляда;
Сжалъ молча губы Бобочкинъ;
Вдова, припомнивъ мужній чинъ,
Народное освобожденье
За личное признала оскорбленье.

И вскорѣ стали понемногу
Всѣ другъ за другомъ говорить,
Что этого не можетъ быть,
Что вольность не угодна Богу
И что вѣдь надо жъ наконецъ,
Чтобъ баринъ былъ... ну... какъ отецъ
Своихъ крестьянъ, иль пастырь стада...—
Спросилъ ихъ Юрій: «Почему же надо?»

Вопросъ былъ простъ, отвѣтъ былъ труденъ,
И Бобочкинъ, скрывая злость,

Сказалъ: «Вы здѣсь заѣзжій гость,
Вашъ взглядъ на вещи слишкомъ чуденъ.
Такъ вы хотите, чтобы я,
Всю жизнь на службу посвятя,
Подъ старость не былъ дворяниномъ,
Моихъ крестьянъ законнымъ господиномъ?»

«О вашей службѣ нѣтъ и рѣчи»,
Промолвилъ Юрій, но тутъ Пневъ
Ему докончить не далъ словъ:
«Такъ для того противъ картечи»,
Воскликнулъ онъ, «я ставилъ лобъ,
Чтобы какой-нибудь холопъ
Могъ быть мнѣ равный собесѣдникъ?
Нѣтъ! я дворянъ потомственныхъ наслѣдникъ.

Еще пожалуй и землею
Вы насъ заставите потомъ
Дѣлиться съ нашимъ мужикомъ
И нашей бабой крѣпостною!...»
И вдругъ раздался крикъ вдовы:
«Пожалуй запретите вы
За недомытую рубашку
Пугнуть порядкомъ скверную Парашку!...»

Не споря противъ правъ дворянства,
Хоть признаваясь, что оно
Довольно плохо быть должно,
Когда лишь мелкое тиранство

И надъ рабами грустный гнетъ
Ему значеніе даетъ,
Доказывалъ герой нашъ только,
Что въ рабствѣ выгодъ нѣтъ для насъ нисколько;

Что, въ мнимый вѣруя избытокъ,
Не цѣнимъ мы, тѣсня рабовъ,
Ни капиталовъ, ни трудовъ,
И всѣ работаемъ въ убытокъ.
Сосѣдей Юрій раздразнилъ,
Но ихъ ни въ чемъ не убѣдилъ,
Хоть взглядъ его былъ очень вѣренъ,
Что̀ въ прозѣ самъ я доказать намѣренъ.

Межъ тѣмъ ударилъ часъ обѣда.
Уже икры и водки видъ
Щекочетъ русскій аппетитъ,
И смолкла спорная бесѣда.
Къ столу ведутъ мужчины дамъ...
Но я молчу: ужъ прежде намъ
Рядъ блюдъ, по чину обносимыхъ,
Бутылки винъ—увы!—непроглотимыхъ,

Сосѣдній пиръ изображая,
Иной описывалъ поэтъ... *)
И въ двадцать или тридцать лѣтъ
Не измѣнилась Русь святая!

---

*) Смотри «Онѣгина».

Державы сильной то законъ:
Межъ тѣмъ какъ въ быстротѣ временъ
Мѣняютъ люди вкусъ и вѣру —
Она все предковъ слѣдуетъ примѣру.

И межъ иныхъ обрядовъ разныхъ,
Въ хозяйствѣ Пневыхъ издавна
Была привычка введена
Обѣдать на тарелкахъ грязныхъ,
И много прочихъ мелочей
Изъ русскихъ допотопныхъ дней.
Но перечесть ихъ нѣтъ терпѣнья...
Къ тому же всѣ, уже вкусивъ варенья,

Идутъ въ гостиную обратно. —
Желудокъ свой обременивъ,
Бываетъ человѣкъ лѣнивъ
И склоненъ къ сну невѣроятно;
И чтобы умъ занять, у насъ
Обычно въ этотъ грустный часъ
Колоды картъ и мѣлъ точеный
Приносятся на столъ свѣтло-зеленый.

О, карты! васъ бранятъ, — но Боже!
Вся государства связь [у насъ]
Безъ васъ навѣрно бъ порвалась
(А для народа что жъ дороже?),
И мы бы въ разныя страны
Скорѣй разъѣхаться должны,

Затѣмъ, что дома намъ, на мѣстѣ,
Безъ картъ и дѣлать нечего бы вмѣстѣ!

Межъ тѣмъ какъ съ Пневымъ и вдовою
Усѣлся Бобочкинъ за столъ
И каждый свой разсчетъ повелъ:
Купить ли съ трефовой игрою,
Иль въ вистъ идти и записать
Въ свой выигрышъ копеекъ пять,—
Остался Юрій поневолѣ
Ораторомъ при юномъ женскомъ полѣ.

Хозяйка дочери велѣла
Особенно занять его,
Затѣмъ, что виды на него
Уже дальнѣйшіе имѣла.
Но какъ вести бесѣду онъ
Не вовсе былъ расположенъ,
Въ любезность дамъ сихъ вѣря мало,
То разговоръ неловко шелъ сначала.

Но Варенька рѣшилась вскорѣ
Спросить, что̀, какъ въ чужихъ краяхъ,
Зимою ѣздятъ ли въ саняхъ,
И долго ли тошнитъ на морѣ,
Какъ папа крестится, и что̀
Въ посты за пищу принято̀,
И бриты ль бороды въ народѣ
И что за шляпки и мантильи въ модѣ?

Проснулось ли воспоминанье
Въ душѣ героя моего,
Вопросы ль тѣшили его,
Но быстро шло повѣствованье
О томъ, что̀ вчужѣ видѣлъ онъ.
Нашли дѣвицы, что мудренъ
Его разсказъ, но удивлялись
И ахали, иль просто улыбались.

Анета слушала... Казалось,
Картины чуждой стороны
Ей были болѣе ясны,
Чѣмъ то, что вкругъ нея свершалось.
Когда разсказа быстрый ходъ
Давать могъ поводъ для остротъ,
Она задумавшись искала
Ихъ смыслъ... и вдругъ ихъ понимала.

Что жъ не сказалъ я, кто Анета?...
Анета — юная жена
Совѣтника Бобочкина.
Какъ къ ней нейдетъ фамилья эта!
Я признаюсь: кого едва ль
Какъ этой женщины мнѣ жаль!
Когда ее я съ мужемъ вижу,
Его всегда я горько ненавижу.

Въ пустой глуши степныхъ селеній
Безвѣстно вянувшій цвѣтокъ,

Она ни блеска, ни тревогъ
Не вѣдала, ни развлеченій,
Къ которымъ женщинъ юныхъ лѣтъ
Влечетъ такъ страстно модный свѣтъ,
Что порицаютъ моралисты
И дѣвы въ сорокъ лѣтъ, чьи души чисты.

И если бы могла Анета
Лицомъ иль бѣлизною плечъ
Вниманье юношей привлечь,
Ее преслѣдовать за это
Нашлась бы тетка гдѣ-нибудь,
Которая, безбрачный путь
Свершая, все моралью мѣритъ,
Бьетъ дѣвокъ крѣпостныхъ и въ Бога вѣритъ.

Но юныхъ радостей не знала
Анета бѣдная моя
(Какъ выше то сказалъ ужъ я)
И развѣ лишь во снѣ видала,
Что вотъ... является на балъ,
Огнями блещетъ пышный залъ,
Гремитъ оркестръ съ высокихъ хоровъ,
Мелькаютъ пары, уносясь отъ взоровъ.

Она подобна феѣ нѣжной,
Въ одеждѣ бѣлой станъ ея
Свободно гибокъ, какъ змѣя;
Ей въ русый локонъ ввитъ небрежно

Зеленый миртъ; двоитъ уста
Улыбки вѣтреной черта,
И тайнымъ свѣтомъ полны очи
Мечтательно, какъ сѣверныя ночи.

Вотъ взоръ ея орлинымъ взоромъ
Встрѣчаетъ юноша... и вдругъ
Ланиты вспыхнули и духъ
Стѣсненъ біеньемъ сердца скорымъ.
Ужъ въ быстрый вальсъ увлечена
Въ его объятіяхъ она,
И ручка, скрытая перчаткой,
Дрожитъ, когда онъ жметъ ее украдкой.

Подъ звуки скрипокъ и кларнета
Таится отъ чужихъ ушей
Влюбленный шопотъ ихъ рѣчей...
Но сонъ бѣжитъ, и вновь Анета
Встрѣчаетъ съ тяжкою тоской
Фигуру мужа предъ собой,
Да селъ убогихъ видъ унылый
И скуку жизни, ей давно постылой.

Отецъ ея, богачъ когда-то,
Въ пирахъ всей жизни видѣлъ цѣль,
Держалъ для дочери «мамзель»,
Тщеславясь дорогою платой.
Но разъ нечаянный валетъ,
Понтёра врагъ, на бѣлый свѣтъ

Его пустилъ молить изъ хлѣба
Довольно тщетно милосердье неба.

Случись женихъ во время оно,
Извѣстный воръ, тупой подлецъ,
И продалъ дочь свою отецъ,
Какъ продаютъ съ аукціона
Глупцу ничтожною цѣной
Картину кисти мастерской.
Да это въ свѣтѣ и не ново:
Извѣстно — дочь есть собственность отцова.

И вотъ въ семнадцать лѣтъ Анета —
Ужъ госпожа Бобочкина,
Мужчины въ сорокъ лѣтъ жена,
И съ нимъ она, вдали отъ свѣта,
Должна прожить всю жизнь въ глуши
Безъ тѣни счастья для души.
Какъ птичка пойманная въ сѣткѣ,
Она побилась, но привыкла къ клѣткѣ.

Чудовище привычка! *) Руки
Къ морозу привыкаютъ; слухъ —
Визгъ слушать; гордый духъ
Встрѣчаться съ подлостью безъ муки;
Вздыхали люди о тюрьмѣ **)
И не клеилось въ ихъ умѣ,

*) Гамлетъ.
**) Шильонскій узникъ.

Что можно жить безъ тьмы и цѣпи...
Я самъ привыкъ къ пустому виду степи!

Анетѣ въ умъ не вдругъ вмѣщалось,
Что можно на одну кровать
Идти съ тѣмъ человѣкомъ спать,
Кого гнушалась и боялась,
Кто дома, деспотомъ явясь,
Дрался съ людьми не горячась,
Лицомъ былъ рябъ, въ привычкахъ грязенъ,
Съ кѣмъ взглядъ и вкусъ у ней во всемъ былъ
разенъ.

Потомъ постигла поневолѣ
Она, что выхода ей нѣтъ,
Что мучиться нельзя сто лѣтъ,
И покорилась Божьей волѣ.
Зато потухъ блестящій взоръ,
Умолкъ веселый разговоръ,
Улыбка свѣжая слетѣла
Съ румяныхъ устъ: Анета отупѣла.

Письмо Юрія.

Мой другъ! я думалъ сдѣлать много!
Я думалъ — здѣсь себѣ исходъ
Въ трудѣ разсчитанномъ найдетъ
Ума немолчная тревога,
Подобно, какъ пары, стремясь,
Для цѣли движутъ тяжесть массъ,
Иначе въ пустотѣ окружной
Разносятся безсильно и ненужно.

Бразды правленья взялъ я въ руки,
Изгнавъ уныніе, какъ грѣхъ,
Съ надеждой юной на успѣхъ,
Съ запасомъ мыслей и науки,
Желаньемъ лучшаго томимъ,
Съ тѣмъ уваженіемъ прямымъ
Къ лицу, къ его правамъ, свободѣ,
Которое хотѣлъ вселить въ народѣ.

Я думалъ — барщины постыдной
Взамѣнъ введу я вольный трудъ,

И мужики легко поймутъ
Разсчетъ условій безобидный.
Казалось, вызову я вдругъ
Всю жажду дѣла, силу рукъ,
Весь умъ, который есть и нынѣ,
Но какъ возможность, въ нашемъ селянинѣ.

Привычкой связанный лѣнивой,
Рабъ предразсудковъ вѣковыхъ,
Въ нововведеніяхъ моихъ
Слѣды затѣи прихотливой
Мужикъ мой только увидалъ
И молча мнѣ не довѣрялъ,
И долго я на убѣжденье
Напрасно тратилъ время и терпѣнье.

И — какъ мнѣ было это ново!...
Чтобъ трудъ начатый продолжать,
Я долженъ былъ людей стращать!
Пойми насквозь ты это слово:
Я долженъ былъ стращать людей!
И чѣмъ же? — властію моей,
Которой отъ души не вѣрю,
Которою я гадко лицемѣрю.

Да! гадко! Гадко и безплодно!
Я этимъ вѣрить пріучу
Во власть мою, а хлопочу
Дать почву вольности народной!
И впереди моя судьба —
Увидѣть прежняго раба

Тамъ, гдѣ хотѣлъ я человѣка
Воспитывать для всѣхъ успѣховъ вѣка.

Что жъ выхожу передъ собою
И предъ людьми я наконецъ?
Что? Баринъ? подданныхъ отецъ?
То-есть плантаторъ предъ толпою
Сихъ бѣлыхъ негровъ? Иль опять,
Какъ и назадъ тому лѣтъ пять, —
Мечтамъ не вѣрящій мечтатель,
Въ горячкѣ вѣчной подвиговъ искатель?

Итакъ, мой другъ, впередъ ни шагу!
Желанья тщетно пропадутъ, —
Я только на пустынный трудъ
Растрачу силу и отвагу.
Одинъ не измѣню я ходъ...
. . . .
. . . .
. . . .

И выходъ есть одинъ: терпѣнье!
Терпѣнье! въ этомъ словѣ, другъ,
Двѣ вещи высказаны вдругъ:
Безплодная работа и мученье!
Терпѣнье — выходъ!... Такъ сносить
Среду, гдѣ довелося жить,
Насколько бъ ни было въ ней скверно, —
Есть выходъ?... О, какъ это лицемѣрно!

Такъ что жъ? Теперь — еще покуда
Я силъ запасъ не истощилъ,
Для денегъ денегъ не цѣнилъ,—
Ужъ не бѣжать ли мнѣ отсюда?
Чтобы уйти, я мужикамъ
Имѣнье все и волю дамъ...
Но этимъ, не исправивъ нравы,
Я послужу невѣждамъ для забавы!

И все же жаль мнѣ цѣль оставить —
Устроить въ сторонѣ родной
Хоть этотъ мирный уголъ мой
Такъ, чтобъ въ немъ могъ себя поздравить
Съ свободой прочной селянинъ,
Деревни вольной гражданинъ.
Вотъ все, чего ищу... Ужели
Для этого мы даже не созрѣли?

О! если такъ, то прочь терпѣнье!
Да будетъ проклятъ этотъ край,
Гдѣ я родился невзначай!
Уйду, чтобъ . . . .

. . . .

. . . .

ЗИМНІЙ ПУТЬ.

(Изъ дорожныхъ воспоминаній.)

Посвящено П. В. Анненкову.

I.

Въ дорогу я пустился въ ночь.
Привычки трудно превозмочь:
Поутру я объятъ дремотой,
Потомъ, ходъ времени цѣня,
Люблю я съ мудрою заботой
Свершить обязанности дня,
То-есть вкусить обѣдъ и ужинъ
(Всегда порядокъ въ жизни нуженъ),
А въ ночь свободно ѣхать. Вотъ
Уже и тройка у воротъ,
И вотъ, скрипя, помчалась прытко
По снѣгу мерзлому кибитка.
Путь гладокъ и ярка луна,
Безмолвнымъ свѣтомъ ночь полна,
Студеный воздухъ сжатъ морозомъ;

Иглистый иней по березамъ
Повисъ недвижно и блеститъ;
Поляна снѣжная лежитъ,
Мерцая отблескомъ лиловымъ,
И вѣетъ холодомъ суровымъ,—
И взоръ съ невольною тоской
Слѣдитъ за смутною чертой,
Гдѣ небо далью блѣдно-синей
Слилося съ бѣлою пустыней.

2.

А все знакомыя мѣста!
Все тотъ же скатъ съ горы отлогой,
Сугробъ у ветхаго моста;
Все такъ же узкою дорогой
Обозъ ползетъ издалека,
Дразня лихого ямщика.
Кругомъ разбросаны селенья...
И знаю я наперечетъ,
Гдѣ сколько душъ, чьего владѣнья,
И гдѣ, и кто, и какъ живетъ;
Все знаю такъ, что даже скучно!
Но выросъ въ этомъ я краю;
Привычки дѣтской рабъ послушный,
Его быть-можетъ я люблю.
Даруй вамъ Боже сны благіе,
Мои сосѣди дорогіе!
Въ дыму удушливой избы

Спи крѣпко, труженикъ нашъ вѣчный —
Мужикъ лѣнивый и безпечный,
Прося не много у судьбы!
И ты, сосѣдъ, хозяинъ строгій,
Который грозно, въ скорби многой,
Работаешь такъ много лѣтъ
На обязательный Совѣтъ, —
И ты усни! — Во снѣ, пожалуй,
Доходъ увидишь небывалый.
Вкусите мирный сонъ и вы,
Сосѣдки, барыни лихія,
Которыхъ ручки боевыя
Легко съ узорчатой канвы
И отъ вареньемъ полныхъ банокъ —
По неизвѣданнымъ путямъ —
Перебираются къ щекамъ
Своихъ запуганныхъ служанокъ...
Да будетъ всѣмъ вамъ мирный сонъ!
Теперь я такъ расположенъ
Учтиво, даже, можетъ, нѣжно,
Что радостно бъ простить хотѣлъ
И грѣхъ, по жизни неизбѣжный,
И придурь — общій всѣхъ удѣлъ.

3.

Еще въ избахъ кой-гдѣ мерцаетъ
Лучины дымный огонекъ,
И дѣва вѣчный свой клубокъ

Въ полудремотѣ напрядаетъ.
Я живо помню, какъ порой
Спокойная картина эта
Своею милой простотой
Меня плѣняла въ прежни лѣта;
Но нынѣ дѣвы сонный ликъ,
Храпящій на печи старикъ,
И вѣчно плачущій ребенокъ
Въ дырявой люлькѣ, и теленокъ
Надъ грязнымъ мѣсивомъ — ей-ей —
Какъ жалкій образъ жизни скудной,
Тоской болѣзненной и трудной
Тревожатъ миръ души моей.
Милѣй мнѣ въ этой деревушкѣ
Воспоминанье объ одной
Сосѣдкѣ, добренькой старушкѣ,
Съ нехитрой, дѣтскою душой.
Она, бывало, предъ иконой
Взываетъ въ искренней мольбѣ,
Чтобъ Богъ *ему* былъ обороной
И пекся о *его* судьбѣ;
Иль молча, сидя на диванѣ,
Гадаетъ трепетно о *немъ,*
И все о *немъ,* о миломъ Ванѣ,
О внукѣ вѣтреномъ своемъ.
«Ну что вашъ внукъ?» — «Писалъ недавно.» —
«Чай денегъ проситъ милый внукъ?»
«Ну что жъ что проситъ? Вотъ забавно!
Ему вѣдь нужно для наукъ.

А мнѣ?... стара я для наряда
И ничего самой не надо!»
И вынетъ дочери портретъ,
Въ живыхъ которой больше нѣтъ,
И смотритъ съ грустною отрадой,
И смотритъ долго, и потомъ
Утретъ слезу свою тайкомъ.

4.

И вотъ еще, близъ церкви бѣлой,
На снѣжномъ холмѣ, при лунѣ,
Я вижу, — крестъ осиротѣлый
Стоитъ въ печальной тишинѣ
Надъ безыменною могилой...
И мужа дышащаго силой
Опять на память мнѣ пришло
И величавое чело,
И умъ наукою развитый,
И духъ насмѣшки ядовитой
Надъ всѣмъ, что̀ подло и смѣшно.
Онъ былъ когда-то мнѣ одно,
Одно отрадное явленье
Въ глуши печальныхъ деревень,
Гдѣ торжествующая лѣнь
На умъ наводитъ усыпленье,
И ни одинъ еще вопросъ
Людей глубоко не потресъ.
Но мимо, мимо! сердцу больно!

Не вызывай тѣней изъ тьмы!
Зачѣмъ давать слезѣ невольной
Остыть на холодѣ зимы?

5.

И далѣ въ путь! Встрѣчаютъ взоры
Равнины, горки, косогоры,
И вдоль пути рядъ глупыхъ вѣхъ,
И всюду неподвижный снѣгъ.
Вотъ здѣсь пустырь. Была недавно
Деревня. Жили въ ней исправно;
Но отъ нея теперь одни
Торчатъ обугленные пни.
Въ субботу въ ночь оно случилось:
Проснулась баба хлѣбы печь
И затопила — какъ водилось —
Давно надтреснутую печь.
На крышѣ вспыхнула солома
И, подхвативъ, пошла вьюга̀
Носить огонь отъ дома къ дому
Съ остервенѣніемъ врага;
И кровли, пламенемъ объяты,
Треща обрушилися въ хаты.
Со сна вскочили мужики,
Стремглавъ пустились бабы въ страхѣ
На улицу въ одной рубахѣ,
За ними дѣти, старики...
Пожаръ! пожаръ! скорѣй! спѣшите!

Багры давайте, топоры!
Ломать!... Да гдѣ жъ ихъ взять — багры?
Воды! вези воды! тушите!...
Крикъ, бѣготня, и вопль, и шумъ;
Въ бѣдѣ исчезъ послѣдній умъ;
Хватились бабы за пожитки —
Спасать холсты, корыта, нитки...
А по дворамъ поднялся ревъ
Въ огнѣ покинутыхъ коровъ,
Въ забытой люлькѣ визгъ ребячій
Безсильно замеръ въ общемъ плачѣ.
Спасенья нѣтъ! Толпа глядитъ,
Оцѣпенѣвъ, какъ все горитъ;
Багровый блескъ въ мерцаньи длинномъ
Ложится по снѣгамъ пустыннымъ.
Такъ въ пору ранняго утра
Я не засталъ ужъ ни двора.
Безъ словъ, безъ дѣлъ, безъ помышленій
Бродили люди словно тѣни;
Съ сѣдою всклоченной косой
Старуха дряхлая сидѣла
У пепла и ребенка грѣла,
Мотая глупо головой.
Тамъ, гдѣ околица, бывало,
Въ сугробъ закутавшись дремала —
Спаленный столбъ печальный видъ
Хранилъ, какъ старый инвалидъ.
Но тутъ (у выѣзда иль въѣзда),
Въ порывѣ бурнаго наѣзда

Мнѣ повстрѣчался становой,
Пріятель закадышный мой.

. . . .

Но тутъ — хоть въ немъ душа окрѣпла
На службѣ — передъ грудой пепла,
Какъ-будто громомъ пораженъ,
Велѣлъ остановиться онъ.
Вздохнулъ, привсталъ, всплеснулъ руками
И вновь ихъ опустилъ... Потомъ
Уныло щелкнулъ языкомъ,
И мы разъѣхались...

6.

Полями
Я ѣду долго. Скученъ путь!
Но вотъ направо повернуть,
И виденъ лѣсъ въ тиши глубокой.
Луна мерцаетъ сквозь деревъ
И тѣни длинныя стволовъ
По снѣгу стелются. Далеко
Въ лѣсную глубь уходитъ взоръ;
Унылъ и голъ холодный боръ
И пусто отголосокъ смутный
Блуждаетъ въ чащѣ безпріютной.
За этимъ лѣсомъ на горѣ
Высокій домъ стоитъ дряхлѣя.
Я зналъ его въ иной порѣ!
Къ нему вела дубовъ аллея,

Литой рѣшетчатый заборъ
Каймилъ его широкій дворъ;
Шумѣлъ прохладой садъ столѣтній,
Пріютъ роскошный нѣги лѣтней.
И было время, каждый день
Изъ городовъ и деревень
Съѣзжались гости; дверь подъѣзда
Не умолкала отъ пріѣзда,
И въ домъ богатый принималъ
Гостей радушный генералъ.
Храня временъ минувшихъ нравы,
Онъ жилъ вельможей и любилъ
Пировъ затѣйливыхъ забавы;
Свои доходы не щадилъ
И сотни слугъ рядилъ какъ франтовъ,
Держалъ собакъ и музыкантовъ;
Неистощимъ былъ мшистый кладъ
Душистыхъ винъ въ его подвалахъ,
Достойно царственныхъ палатъ
Сіяла роскошь въ пышныхъ залахъ...
И вотъ къ нему со всѣхъ сторонъ
Спѣшили гости на поклонъ:
Спѣшилъ бѣднякъ, судьбой прижатый,
Искавшій милости богатой,
Спѣшилъ и тотъ, кто отъ него
Не ждалъ конечно ничего,
Но такъ — лелѣялъ вмѣсто чести
Наклонность къ безкорыстной лести, —
И среди нихъ торжествовалъ

Нашъ — впрочемъ добрый — генералъ.
Онъ находился ль въ убѣжденьи,
Какъ Цезарь (что̀ извѣстно всѣмъ),
Что лучше первымъ быть въ селеньи,
Чѣмъ гдѣ бъ то ни было ничѣмъ;
Иль о покойницѣ-супругѣ
Хотѣлъ поплакать на досугѣ —
Сосѣдями не рѣшено.
Извѣстно только, что давно
Онъ прибылъ жить въ свое имѣнье
И скорбь легко могъ превозмочь:
При немъ, ему на утѣшенье,
Росла единственная дочь.
И онъ любилъ ее — насколько
Любить способенъ человѣкъ,
Чей беззаботно праздный вѣкъ
Какъ непрерывный пиръ летѣлъ — и только!
Онъ дочь обычно цѣловалъ
Поутру, съ ложа сна вставая,
Еще — ко сну благословляя;
Какъ куклу въ дѣтствѣ одѣвалъ,
Потомъ цѣною дорогою
Ей гувернантку нанималъ,
Чтобы обычной чередою
Учила барышню всему,
Что̀ не полезно никому.
Еще таилася въ немъ вѣра,
Что жениха онъ сыщетъ ей
По крайней мѣрѣ камергера

Изъ важныхъ графовъ иль князей.
И такъ онъ ждалъ, когда ей минетъ
Завѣтный срокъ — семнадцать лѣтъ;
Тогда деревню онъ покинетъ
И дочь введетъ въ столичный свѣтъ.
Такъ старый садоводъ ревниво
Въ смиренный прячетъ уголокъ
Не распустившiйся цвѣтокъ,
Чтобъ послѣ выставить на диво
Во всемъ плѣнительномъ цвѣту
Волшебныхъ красокъ красоту.
И срокъ насталъ. Незримымъ ходомъ,
Подкравшись тихо годъ за годомъ,
Пришла пора дѣвичьихъ грезъ,
Гдѣ дума новая мятется
Въ головкѣ юной, сердце бьется
И проситъ счастiя и слезъ,
И грудь младую вздохъ подъемлетъ,
И взору снится тайный ликъ,
И ухо жаждущее внемлетъ
Любви незнаемый языкъ.
Иль попросту: пора настала,
Гдѣ барышня, окончивъ классъ,
Блеснуть желаетъ въ вихрѣ бала,
Красою свѣжею гордясь.
Благовоспитанной дѣвицѣ
Тогда одно и то же: жить,
Или поклонниковъ влачить
Вослѣдъ надменной колесницѣ

Побѣдоносной красоты;
И эти гордыя мечты
Ведутъ къ прямому окончанью,
Чтобъ по сердечному желанью
И безъ дальнѣйшаго грѣха
Найти скорѣе жениха.
Отецъ въ восторгѣ умиленья
Обдумалъ праздникъ и нарядъ,
И въ день дочерняго рожденья
Назначилъ балъ и маскарадъ.
Ко всѣмъ сосѣдямъ близкимъ, дальнимъ,
Къ властямъ уѣздныхъ городовъ
И къ лицамъ меньше подначальнымъ
Отъ генерала посланъ зовъ.
Самъ губернаторъ приглашенье
Почелъ за честь...

. . . .

Я былъ тогда въ порѣ блаженной
Невинныхъ отроческихъ лѣтъ,
А генералъ былъ нашъ сосѣдъ:
Къ нему насъ, помню, неизмѣнно
Возили по воскреснымъ днямъ;
Привыкъ я къ людямъ и садамъ,
Но въ этотъ разъ меня смущала
Мнѣ чуждая тревога бала.
Оркестръ ударилъ, и тотчасъ
Всѣ въ залу ринулись, тѣснясь.
И я съ подножія колонны,
Какъ-будто въ сказочный удѣлъ

Внезапнымъ чудомъ занесенный,
Привставъ на цыпочки, глядѣлъ.
Все юное воображенье
Прельщало: и толпа людей,
И музыка, и блескъ свѣчей,
И масокъ пестрое движенье.
Чего тутъ не было, мой Богъ!
Паяцы, рыцари, цыганки,
Маркизъ напудренный, турчанки, —
Все нарядилось кто какъ могъ.
Тутъ былъ судья одѣтъ матросомъ,
И скромный стряпчій — казакомъ,
Тутъ былъ исправникъ съ краснымъ носомъ
Одѣтъ индѣйскимъ пѣтухомъ;
И даже Дарья Тимоѳевна,
Годовъ тяжелый грузъ забывъ,
Какою-то морской царевной
Явилась, плечи обнаживъ.
Шумѣло все. Старушки хоромъ
За дочками слѣдили взоромъ,
И старички, очки надѣвъ,
Степенно наблюдали дѣвъ.
Но вотъ среди толпы предстала
Сама она, царица бала,
И гулъ сорвавшихся похвалъ
По залѣ дружно пробѣжалъ.
Въ кругу наперсницъ суетливыхъ,
Дѣвицъ жеманныхъ и болтливыхъ,
Она въ безмолвьи тихомъ шла

Самодовольно и несмѣло,
Съ вѣнцомъ изъ листьевъ вкругъ чела,
Какъ Норма — вся въ одеждѣ бѣлой...
Все въ ней въ гармонію слилось:
Движеній мягкая небрежность,
Лица мечтательная нѣжность,
И лоскъ волнистый русыхъ косъ,
И взоръ, томящей ласки полный,
Уста раскрытыя едва,
Какъ бы таящія слова
Для слуха сладкія, какъ волны,
Когда сокрытый отъ лучей,
Въ тѣни журча, скользитъ ручей...
И вдругъ съ улыбкой добродушной
Она, презрѣвъ толпою скучной,
Ко мнѣ ребенку подошла
И тихо въ польскій увела.
Ея руки прикосновенье
На трепетной моей рукѣ
Незримое напечатлѣнье
Оставило. Такъ вдалекѣ
Знакомой пѣсни голосъ милый
Тревожитъ долго слухъ унылый...
И послѣ много, много лѣтъ,
Средь жаркихъ сновъ, въ чаду томленья,
Ловилъ мой отроческій бредъ
Черты знакомаго видѣнья.
  Но къ дѣлу! Въ сей юдоли слезъ
Есть люди внѣ бѣды и грозъ,

Которыхъ жгучія печали,
Богъ вѣсть, какъ въ жизни миновали;
Легко, безъ долгаго труда,
Цѣль добывалась ихъ желаній
И застигала безъ страданій
Ихъ смерти срочной череда.
Покинувъ сельскую свободу,
По ожиданію точь-въ-точь,
Въ столицѣ не проживъ и году,
Нашъ генералъ сосваталъ дочь
За юношу, породы барской,
Которому Господь послалъ
Богатства тьму, и предстоялъ
Блестящій путь на службѣ царской.
Была ль довольна дочь иль нѣтъ,
По нраву ль былъ ей высшій свѣтъ,
Иль сердцу жить въ немъ было тѣсно
И жаль ей было то село,
Гдѣ мирно дѣтство протекло —
Мнѣ это вовсе неизвѣстно.
Но знаю то, что генералъ,
Довольный тѣмъ, что жилъ не даромъ,
Допивъ за ужиномъ бокалъ,
Апоплексическимъ ударомъ
На лоно праотцевъ своихъ
Перескочилъ въ единый мигъ.
За гробомъ важныя шли лица;
Дочь плакала. Тоскуя зять
Наслѣдство долженъ былъ принять.

Но, вѣчный баловень столицы,
Деревни онъ не посѣтилъ;
Сюда по волѣ барской былъ
Какой-то присланъ плутъ наемный
Сбирать и доставлять доходъ,
А баринъ самъ здѣсь не живетъ.
Домъ опустѣлъ. Сквозь ставень темный
Не улыбнется лучъ дневной,
Не взглянетъ грустно мѣсяцъ томный,
И человѣческой ногой
Не нарушаемъ мракъ сырой;
И только вѣтеръ въ дни мятели,
Врываясь въ трубы или щели,
Тоскуетъ жалобно, одинъ
Безлюдныхъ комнатъ властелинъ;
Да ночью сторожъ безполезный
Печально бродитъ до утра
Вокругъ пустыннаго двора
И сторожитъ замокъ желѣзный...
И, право, жаль мнѣ иногда,
Что, видно, въ память дней бывалыхъ,
Мнѣ не придется никогда
Блуждать въ давно знакомыхъ залахъ
И снова видѣть по стѣнамъ
Въ прическахъ странныхъ тѣ же лица
Старинныхъ баръ и прежнихъ дамъ,
Давно сошедшихъ въ тьму гробницы.
И, право, жаль, что никогда
Не доведется мнѣ лѣниво

Сидѣть на берегу пруда
Подъ старою плакучей ивой,
Глядѣть, какъ тихо съ высоты
Она зеленые листы,
Склоняя, медленно купаетъ...
Недвиженъ прудъ; хоть бы слегка
Пронесся шелестъ вѣтерка,
И вечеръ ясный догораетъ,
Сливая мирно ночь и день
Въ одну задумчивую тѣнь;
И ловитъ чуткое вниманье
Мгновенныхъ звуковъ трепетанье
Надъ полусонною водой:
Шумъ крыльевъ птицы мимолетной
И подъ разбрызнутой волной
Плесканье рыбки беззаботной...

7.

Пошелъ! Въ ночи какъ днемъ свѣтло!
Мой путь лежитъ черезъ село
Огромное; въ немъ даже школа
Есть для дѣтей мужского пола.
Тутъ жилъ учитель. Съ нимъ я былъ
Давно знакомъ. Мы въ юны лѣта,
Подъ кровомъ университета,
Учились вмѣстѣ. Я шалилъ,
А онъ, неловкій и смиренный,
Душою въ бездну погруженный

Метафизическихъ началъ,
Прилежно Шеллинга читалъ.
И въ годы тѣ, когда стыдливо
Усъ пробивается едва,
Онъ *душу міра* горделиво
Хотѣлъ понять, какъ дважды-два;
Но только смутное сомнѣнье
Ему навѣяло ученье.
Онъ сталъ де-Местра изучать
И верхъ премудрости искать
Тамъ, гдѣ — пировъ пустыя дѣти —
Не попадаясь въ оны сѣти,
Мы видѣли, махнувъ рукой,
Туманный бредъ души больной.
Такъ въ жизнь игрушкою случайной
Товарищъ юности моей
Вошелъ, своей завѣтной тайны
Не разрѣшивъ и чуждъ путей
Ко счастью. Вѣчно недовольный
И міромъ и собой самимъ,
И тяжкой бѣдностью томимъ,
Пошелъ онъ, какъ учитель школьный,
Въ нашъ край печальный, и готовъ
Былъ съ добросовѣстностью милой
Учить читать тупыхъ птенцовъ
И по складамъ и безъ складовъ.
Но тщетно! Сила измѣнила:
Онъ сталъ грустить, потомъ спился
И помѣшался. Я въ то время,

Влача безпечно жизни бремя,
Подъ голубыя небеса
Иной страны благоуханной
Свободно путь держалъ желанный.
Когда же изъ чужихъ сторонъ
Вернулся я въ родныя степи
Принять обычной жизни цѣпи,
Я поспѣшилъ къ нему, и онъ
Былъ страшно радъ мнѣ, жалъ мнѣ руку
И, тайную скрывая муку,
Мнѣ говорилъ, что онъ спасенъ,
Что душу міра видитъ онъ,
Но окруженную толпами
Какихъ-то гаденькихъ дѣтей,
Должно быть, маленькихъ чертей,
Горбатыхъ, подленькихъ, съ хвостами,
Его дразнящихъ языками.
Но этотъ жизни жалкій сонъ
Былъ скоро смертью пресѣченъ.
Я друга схоронилъ. Но сухо
На сердцѣ было; на глаза
Не пробивалася слеза
И въ головѣ бродило глухо,
Что даже лучше для него,
Чтобъ вовсе не было его.

8.

Я съ похоронъ спѣшилъ. Желалось
Домой, скорѣй бы лечь въ постель,

Заснуть и позабыть... Смеркалось,
Была сердитая мятель.
Слѣдъ занесло. Ямщикъ крестился,
Глядя съ боязнію кругомъ;
Ступали лошади съ трудомъ,
А снѣгъ валилъ и вѣтеръ злился
Дрожь пробирала, и тоской
Томилась мысль, и сердце ныло...
И вдругъ мнѣ память воскресила
Иное время, путь иной:
Я уѣзжалъ — то было лѣтомъ, —
Сіяла пышная луна,
Была прозрачнымъ полусвѣтомъ
И свѣжей влагой ночь полна.
Мнѣ разставаться было трудно,
Но какъ-то молодо и чудно
На сердцѣ было! А кругомъ
Шептался въ рощѣ листъ съ листомъ
И тихо вѣялъ воздухъ сонный
Какой-то нѣгой благовонной,
И звонко пѣлъ во мглѣ вѣтвей
Печаль и счастье соловей.

9.

Но стой! Вотъ станція. Встрѣчаетъ
Смотритель съ заспаннымъ лицомъ,
Мундиръ потертый надѣваетъ,
Стоитъ у двери и потомъ

Выходитъ вонъ, ворча сквозь зубы.
А я, освободясь отъ шубы,
Томимъ зѣвотой и лѣнивъ,
Сажусь, сигару закуривъ.
Пока со сна ямщикъ впрягаетъ,
Пока, колеблясь и треща,
Уныло сальная свѣча
Передо мною нагораетъ —
Часы стѣнные въ тишинѣ
Одно и то же сипло, глухо
Лепечутъ въ мѣрной болтовнѣ,
Какъ сумасшедшая старуха.
И какъ-то жутко! Духъ въ груди
Тѣснится; думы смутно бродятъ...
То будто горе впереди,
То будто призраки проходятъ
Людей минувшихъ, и опять
Судьба готова повторять
Всѣ жизни тяжкія мгновенья,
Ошибки, скорби и волненья...
Но полно! Звякнула дуга;
Нѣтъ времени для грусти праздной
Подъ звукъ часовъ однообразный:
Теперь минута дорога —
Вѣдь я въ уѣздный городъ ѣду
По тяжбѣ дать отпоръ сосѣду...
. . . .
. . . .

10.

Но кони мчатся на востокъ.
Луна потухла. Понемногу
Разсвѣта трепетный потокъ
Яснѣй ложится на дорогу,
И, свѣтомъ пурпурнымъ горя,
Встаетъ студеная заря,
И солнце въ выси блѣдно-синей
Блеститъ надъ бѣлою пустыней...

АФРИКА.

(отрывокъ.)

Sic transit gloria mundi!

То было время грозной славы:
Междоусобіемъ томимъ,
Грань расширялъ своей державы
И задыхался старый Римъ.
Уже въ коварную угоду
Или сенату, иль народу —
Вожди, заспоря межъ собой,
Властолюбивою враждой
Топтали древнюю свободу.
Въ то время Сулла казнью мстилъ
Своимъ врагамъ и травлей новой
Роскошно тѣшилъ Римъ суровый,
А старый Марій уходилъ
И въ дальней Африкѣ за моремъ
Блуждалъ, несокрушимый горемъ.
Клонился въ море знойный день,
И блескомъ позднимъ позлащенный,
Ждалъ ночи берегъ раскаленный,
И тихо подступала тѣнь.

Бродящаго роптанья полны,
Средь колебанья дня и мглы,
Залива голубыя волны
Плескались въ бѣлыя скалы,
И воздухъ жаркій и лѣнивый
На берегъ вѣялъ молчаливый.
Тиха печальная страна!
Не нарушалъ уже полвѣка
Ея безвыходнаго сна
Ни трудъ, ни говоръ человѣка.
Давно въ пустынный край не шли,
Стремясь какъ птицъ крылатыхъ стая,
По морю веслами махая,
Съ товаромъ дальнимъ корабли;
Отъ Нила по степямъ песчанымъ
Не приходили съ караваномъ,
Рукой рабовъ навьючены,
Тяжелоступные слоны.
Давно съ жестокостью безумной
Здѣсь пронеслась чрезъ городъ шумный
Война кровавою пятой,
Оставя пепелъ за собой.
Добыча смерти или плѣна,
Исчезли люди Карѳагена;
Торговли жадной дни прошли,
Замолкли клики пышныхъ брашенъ,
Обломки гордыхъ стѣнъ и башенъ
Безмолвной грудою легли.
Съ тѣхъ поръ, спаленные, истлѣли

Цвѣты садовъ и злаки нивъ,
И лавры больше не шумѣли,
Ни зелень темная оливъ:
Лишь жизни волею могучей —
Наслѣдникъ рушенныхъ дворцовъ —
Зеленой сѣтью плющъ ползучій
Разросся мирно вкругъ столбовъ,
И въ часъ полдневнаго досуга
Понѣжиться на солнцѣ юга
Изъ-подъ камней скользитъ змѣя,
Иль рѣзвыхъ ящерицъ семья;
И вновь въ томительномъ молчаньи
Лежитъ пустынная страна,
И только дышитъ въ колыханьи
Неугомонная волна.

Но римскій вождь, вѣнчанный славой,
Среди развалинъ одинокъ
Скитался тѣнью величавой,
Какъ бы преступникъ иль пророкъ.
Суровъ былъ взглядъ его; ланиты
И лобъ морщинами изрыты
И въ кудряхъ черной бороды
Годовъ бѣлѣлися слѣды.
Но крѣпость мышцъ не измѣнила:
Все та же въ жилистой рукѣ
Плебейская дремала сила,
Какъ въ ненатянутомъ лукѣ;
Въ груди, покрытой броней мѣдной,

Таился тотъ же гласъ побѣдный,
Передъ которымъ вражья рать,
Смутясь, не въ силахъ устоять.
Давно ли онъ съ трибунъ народныхъ
Громилъ сенатъ въ рѣчахъ свободныхъ?
Давно ль средь боевыхъ тревогъ
Онъ былъ для войска нѣкій богъ?
Смиритель кимвровъ и тевтоновъ,
Давно ль онъ съ сонмомъ легіоновъ
Лавровѣнчанный въ Римъ вступалъ
И Римъ ему рукоплескалъ?
Но втунѣ смолкли клики славы,
Исчезла власть!... Предъ нимъ возникъ
Соперникъ смѣлый и лукавый,
Его же дерзкій ученикъ,
И старый вождь унесъ въ изгнанье,
Въ пріютъ далекій отъ людей,
Обиды горечь и сознанье
Величья гордаго скорбей.
Но не груститъ орелъ нагорный
Подобно горлицѣ лѣсной:
Вождь терпѣливый и упорный
Томился думою иной.
Въ себя въ немъ вѣра не уснула!
Онъ все жъ былъ грозенъ какъ судьба:
Его зарѣзать не дерзнула
Рука наемнаго раба!
И тѣ же волновали страсти
Скитальца непреклонный умъ—

Любовь къ свободѣ, жажда власти
И жизни сильной блескъ и шумъ;
И мыслилъ онъ: еще поспоримъ!
И взоромъ Римъ искалъ за моремъ.

А съ неба знойнаго сходя,
Вечерній лучъ сіялъ печаленъ
На груды тихія развалинъ
И образъ стараго вождя,
И вѣчнаго роптанья полны,
Далеко колыхались волны.

НОЧЬ.

(Посвящено Г—у и Н—и.)

Per me si va tra la perduta gente...

Dante.

I.

По скату длинному дороги
Я шелъ задумчивой стопой,
Томимый грозною тоской
И скорбью внутренней тревоги.
По лону низменной земли,
Окутанъ дымкою сѣдою,
Тянулся городъ, и вдали
Терялся слитый съ поздней мглою.
Уже я смутно различалъ
И трубъ и кровель лѣсъ дремучій;
Надъ ними вѣтеръ бушевалъ
И сѣрыя бродили тучи.
Неслышнымъ шагомъ кралась ночь
И — стогны въ сумракъ поглощая —
Пришла туманная, сырая;
Ея дыханья превозмочь

Не въ состояньи было тѣло
И, содрогаясь, холодѣло.
Уже зажглися фонари
И въ небѣ, въ мглѣ сырого пара,
Блеснули трепетомъ зари
Иль дальнимъ заревомъ пожара;
И эта ночь, и этотъ свѣтъ
Казались полны духомъ бѣдъ.

2.

Пошелъ я улицею длинной;
Дома дремали въ тишинѣ
И было въ городѣ пустынно...
Но съ каждымъ шагомъ стали мнѣ
Встрѣчаться чаще пѣшеходы,
Трещалъ все ближе стукъ каретъ,
Блеснулъ изъ лавокъ яркій свѣтъ,
И, какъ колеблемыя воды,
Задвигались толпы людей,
Ряды колесъ и лошадей,
И стукъ и говоръ поминутный
Слилися въ гулъ враждебно-смутный.
И шелъ я медленной стопой
Въ разгарѣ бѣшеномъ столицы,
И съ безпокойною душой
Невольно вглядывался въ лица,
Межъ тѣмъ какъ быстро тѣнь по нимъ
Мѣнялась съ блескомъ огневымъ.

И вотъ мнѣ, съ ясностью безплодной
Мелькнувъ среди бродячихъ думъ,
Мучительно пришло на умъ,
Неотразимо, безотходно —
Сознанье, что я всѣмъ чужой,
Что между нами есть преграда
И что — не только что со мной —
Они чужіе межъ собой
И связаны привычкой стада...
Вотъ домъ огромный. У дверей
Стоитъ швейцаръ въ ливреѣ странной,
Пузатый, пудреный, жеманный,
И держитъ съ важностью царей,
Храня надменно видъ свирѣпый,
Надъ глупой тростью шаръ нелѣпый.
А въ окнахъ бродитъ блескъ огней
И тѣни шаткія гостей,
Снуясь, блуждаютъ. Пиръ исправенъ,
Гостямъ хозяинъ саномъ равенъ:
Ему подобно, искони
Земли властители они
И не уступятъ, величаво
Держась за вѣковое право,
Клочка пустого ни на шагъ,
Гдѣ отдохнуть бы могъ бѣднякъ,
Взглянуть — усталый — хоть ошибкой
На жизнь съ довѣрчивой улыбкой.
Лакеи служатъ. Межъ гостей
Нарядныхъ, важныхъ и недружныхъ,

Несется трескотня рѣчей
Неоткровенныхъ и ненужныхъ;
А между тѣмъ, страшна какъ мгла
Въ ночи глухой, ночи беззвѣздной,
Бездонно-холодно легла
Межъ ними внутренняя бездна!
Ее — дни, мѣсяцы, года —
До самаго конца ихъ вѣка
Не переступитъ никогда
Живое чувство человѣка!
Сошлись, — ихъ вмѣстѣ держитъ ложь,
Лакейство съ жадностію льстивой
И чванства духъ сребролюбивый;
А втайнѣ зависть точитъ ножъ
И клевета въ норѣ сокрытой
Шипитъ змѣею ядовитой...
И связи между ними нѣтъ!
Все это шутка или бредъ!
А этотъ нищій, тощій, блѣдный,
Оборванный, чей злобный взглядъ
Тайкомъ слѣдитъ прохожихъ рядъ,
Забывшихъ дома грошъ свой мѣдный?
А этотъ жирный адвокатъ,
Своихъ кліентовъ воръ законный?...
Одинъ, въ трактирѣ, полусонный
Сидитъ, едва вращая взглядъ
Съ довольнымъ видомъ равнодушья,
Одинъ наѣвшись до удушья,
Напившись такъ, что жаръ съ ланитъ

Красносинѣющихъ палитъ...
А этотъ пастырь, заточенный
Въ свой бѣлый галстухъ?... Онъ несетъ
Подъ мышкой томъ позолоченный;
Онъ завтра въ немъ строку найдетъ, —
У черни съ высшей точки зрѣнья
Отниметъ сладость воскресенья...
Нѣтъ! нѣтъ! клянусь: тутъ связи нѣтъ!
Тутъ только шутка или бредъ!
Тутъ трупъ общественнаго зданья
Въ дырявой мантіи преданья!

3.

Вотъ улица, гдѣ блескъ и шумъ
Пугаютъ удивленный умъ.
Сорвавшись съ цѣпи злыхъ печалей,
Сюда со всѣхъ концовъ земли
На пиръ безумныхъ вакханалій
Толпы несмѣтныя пришли.
Здѣсь юноша отважно-праздный
Спѣшитъ растратить свѣжесть силъ,
И старецъ дряблый пріютилъ
Развратъ безсильный, безобразный.
Кипитъ, тревожный жаръ тая,
Страстей подземная струя,
И въ этой улицѣ безъ мѣры
Державно царствуютъ гетеры
И увлекаютъ за собой

Небрежной легкостью нарядовъ,
Движеньемъ поступи лихой,
И плечъ нагою бѣлизной,
И томнымъ сладострастьемъ взглядовъ.
  Кого въ проулкѣ близъ угла
Ты ждешь, красотка молодая?
Кого, улыбкою лаская,
Ты нынче на ночь зазвала?
Какъ?... Этотъ остовъ?... тѣнь мужчины?..
Я знаю, на челѣ его
Остались рѣдкія сѣдины,
Лицо худое у него
Изрыли раннія морщины;
Но — бѣдная! онъ золъ и глупъ,
Въ развратѣ холоденъ и грубъ.
Да!... но какъ хлѣбъ тебѣ онъ нуженъ!...
Ты съ нимъ идешь. Вашъ буйный ужинъ
Встревоженъ розовой зарей...
Довольно! Шутки площадной
Наслушалась до отвращенья;
Съ тобой онъ пилъ до одуренья,
Теперь вези его домой!
Вотъ спальня. Въ ней царитъ молчанье,
Скрываютъ сторы дня набѣгъ,
И длится ночь, и жаркихъ нѣгъ
Таится робкое дыханье.
Теперь онъ какъ бы счастливъ былъ!
Но голова его повисла,
Едва ль онъ — пьяный — сохранилъ

Для насла́жденья каплю смысла!
И послѣ тягостнаго сна
Вы разстаетесь... Онъ уходитъ
И остаешься ты одна.
Печальный лучъ сквозь сторы бродитъ;
Все пусто! Съ скукой и тоской
Ты привстаешь и ручкой нѣжной
Играешь длинною косой,
На грудь упавшею небрежно;
Твой взоръ разсѣянъ и унылъ,
Улыбку на устахъ смѣнилъ
Неясной думы слѣдъ печальный...
На память край приходитъ дальній,
Твой бѣдный, мирный городокъ,
Земли укромный уголокъ,
Пріютъ весны первоначальной.
Ты помнишь садъ и поздній часъ,
И робкій ропотъ старой ивы,
И юношу, и въ первый разъ
Слова любви, любви стыдливой,
Такъ простодушной, какъ потомъ
Тебѣ не встрѣтилось ни въ комъ.
Ты плачешь? Юныхъ грезъ утрата
Невольно сердце шевелитъ;
Но въ страхѣ мысль твоя спѣшитъ
Забыться въ образахъ разврата...
А знаешь что?... Умри скорѣй!
Умри пораньше! не жалѣй!
Смерть — слово горькое для слуха,

Да развѣ лучше жизни нить?
И знаешь ли, какъ гадко жить
Голодной, брошенной старухой!

4.

Но далѣ улицы пустѣй,
Каретъ слабѣе отголосокъ,
Туманъ становится густѣй.
Тутъ льется Темза. Берегъ плосокъ,
Рѣка съ свинцовымъ блескомъ водъ,
Черезъ нее мостовъ наметъ;
Кой-гдѣ гнѣздясь людскія тѣни
Чернѣютъ въ смрадѣ испареній;
Къ нимъ страшно близко подойти:
Зловѣщія, тупыя рожи!
Спѣшитъ испуганный прохожій
По запоздалому пути,
Почуя въ мракѣ безъ движенья
Глухія тайны преступленья.
А завтра прозвенитъ звонокъ,
Пойдутъ свистки со всѣхъ дорогъ,
Пойдетъ вседневная работа;
Торговли гордая забота
Товаръ громадный двинетъ свой,
Облитый нищенской слезой
И градомъ трудового пота.
Всѣ призраки воскреснутъ вдругъ;
Надъ бѣднымъ міромъ вспрянутъ власти,

Храня общественный недугъ,
И вновь помчится вихрь несчастій...
О, родъ людской! о, родъ людской!
Куда спѣшишь ты въ этомъ шумѣ?
Гдѣ отдохнетъ твой мозгъ больной
На жалкомъ поприщѣ безумій?...

5.

И вотъ въ далекіе края
Меня влечетъ воспоминанье,
Къ тебѣ, о родина моя!
Гдѣ ранней жизни трепетанье
Я дѣтскимъ слухомъ понималъ,
Гдѣ я любилъ, гдѣ я страдалъ,
Гдѣ, заглушая все, что больно,
Я тратилъ юность своевольно,
Какъ-будто мнѣ была она
На вѣки вѣчные дана;
Страна, къ которой такъ невольно,
Съ годами всасываясь въ кровь,
Привычкой стала мнѣ любовь
И гдѣ оставилъ я унылыхъ,
Немногихъ близкихъ, сердцу милыхъ,
И множество ненужныхъ лицъ,
Да нѣсколько родныхъ гробницъ.
Печальной родины природа
Со мной дружна, давно своя...
Привыкъ я долгіе дни года

Смотрѣть на бѣлыя поля,
Когда отъ стужи не трепещетъ
Морозный воздухъ, день безъ тучъ,
И разсыпаясь, яркій лучъ
По снѣгу искристому блещетъ,
Иль даль, бѣлѣясь при лунѣ,
Мерцаетъ въ грустной тишинѣ...
И длится, длится вечеръ длинный,
Печально бродитъ отблескъ свѣчъ,
И сердцу памятную рѣчь,
Томяся, шепчетъ духъ пустынный.
Но вотъ смягченъ зимы набѣгъ
И, тихо грѣя, солнце пышетъ,
Тепломъ дремотный воздухъ дышитъ
И таетъ пожелтѣлый снѣгъ,
И рѣчка, взламывая льдины,
Бурлитъ и брызжетъ у плотины.
Вотъ почернѣлъ знакомый путь,
Пробилась робко зелень въ полѣ,
Душистый листъ на свѣжей волѣ
Спѣшатъ деревья развернуть,
И пѣсни вечеромъ веселымъ
Далеко слышатся по селамъ;
Перекликанья соловьевъ
Всю ночь тревожатъ сумракъ сада,
Съ зарей пастухъ выводитъ стадо
На склонъ прибережныхъ дубровъ;
Береза свиснувшею сѣнью
Качается подъ говоръ водъ;

Пастухъ объятъ блаженной лѣнью
И пѣсню звонкую поетъ;
Звучитъ, теряясь безотзывно,
Напѣвъ протяжный, заунывный,
А плакать слушая легко,
Куда-то смутно мысль несется
И между тѣмъ внутри живется
Такъ безконечно широко!

6.

Но ближе въ жизнь людей вступая,
На томный міръ родного края
Иначе взглянешь. Станетъ жаль;
Все ненавистно, все такъ больно,
Тяжелый ужасъ и печаль
Охватятъ холодомъ невольно.

. . . .
. . . .
. . . .

И тѣсно, тяжело дышать,
И хочется бѣжать, бѣжать,
Куда-нибудь уйти скорѣе
Отъ этой жизни пытки злѣе,
Отъ этой грязи вѣковой,
Отъ этой родины святой!

7.

Уйти?... Куда?... Въ юдоли шумной,
Гдѣ люди бѣсятся и мрутъ,

Найдется ль гдѣ-нибудь пріютъ
Свободно-мирный и разумный,
Гдѣ жизнь, свѣтла и глубока,
Какъ величавая рѣка,
Могла бъ путемъ не своенравнымъ
Широко течь въ движеньи плавномъ?
Нѣтъ, нѣтъ! Нигдѣ пріюта нѣтъ!
И всюду рабства тощій бредъ!
Иди чрезъ снѣжныя вершины
Вѣчно-величественныхъ горъ,
Спустися въ свѣжія долины,
Иль, вырываясь на просторъ,
Переплыви въ тревогѣ рьяной
Разливъ немолчный океана,—
Вездѣ найдешь одинъ отвѣтъ:
Пріюта нѣтъ! пріюта нѣтъ!
Живи подъ тяжестью терпѣнья,
И съ чувствомъ горькаго презрѣнья
И равнодушіемъ бойца
Жди неизбѣжнаго конца.
Да! Смерти строгія картины
Въ воображеніи моемъ
Проходятъ чередою длинной...
Но при сверканьи роковомъ
Косы рѣшительнаго взмаха
Нѣтъ ни смущенія, ни страха.
Людей предсмертныя черты
Тѣснятся въ міръ моей мечты:
Ея ль внезапное созданье,

Иль гдѣ-то видѣннаго сна
Знакомое припоминанье, —
Но смертью мысль моя полна
И слышитъ робкое вниманье
Предсмертной поступи шатанье...

8.

Я помню образъ молодой —
Борьбы и страсти отпечатокъ;
Въ немъ бился съ внутренней тоской
Могучей юности остатокъ.
И человѣкъ сказалъ себѣ:
«Оставимъ міръ его судьбѣ!
Страданья тягостны и лживы
И жертвы тщетныя смѣшны:
Мы нѣги сладостные сны
Осуществимъ, пока мы живы,
Пока могила не взяла
Холодно-блѣднаго чела.»
И наслажденье молодое
На югѣ дальнемъ онъ искалъ,
Гдѣ у подножья желтыхъ скалъ
Ликуетъ море голубое,
И день сіяющъ и пышна
Надъ ночью синею луна.
Лежитъ на мраморныхъ колоннахъ
Спокойно замка пышный кровъ;
Тамъ лики мраморныхъ боговъ,
Картины въ рамахъ золоченыхъ,

И вѣетъ запахомъ цвѣтовъ.
Кругомъ зеленый трепетъ сада;
Снотворно льется въ лѣтній зной
Мѣрно-урчащею струей
Фонтановъ свѣжая прохлада;
Съ террасы видно — лоно водъ
Въ даль безконечную идетъ.
Тамъ—сынъ неугомонной воли,
Бѣглецъ полезнаго труда,
Въ который онъ не вѣрилъ болѣ, —
На передсмертные года
Себѣ причудливо устроилъ
Пріютъ, гдѣ любовался взоръ
На гармоническій просторъ.
Хоть онъ и тутъ не успокоилъ
Духъ затаенной жажды дѣлъ,
И тутъ забыть онъ не умѣлъ
Всей злобы думъ непримиримыхъ
Противу золъ неисцѣлимыхъ,
И тутъ, какъ безотвязный другъ,
Тоски подавленной недугъ
Не разъ владѣлъ его душою,
Не разъ за трапезой нѣмою
Безплодной пѣной отшипалъ
Его нетронутый бокалъ;
Но онъ упорно съ страстью жадной
Минуты счастія ловилъ,
И жизни каждый звукъ отрадный
Ему глубоко внятенъ былъ.

Онъ сладко пѣлъ, когда лѣниво
По зыби трепетной — луной
Посеребреннаго залива —
Ладья, укачивая, шла
Подъ плескъ нырявшаго весла.
Порой въ огняхъ блистала зала,
Гремѣлъ оркестръ въ вечерній часъ, —
То извиваясь, то рѣзвясь,
Вакханка гибкая плясала...
А онъ любилъ! Онъ торопливо,
Прощаясь съ жизнью прихотливой,
Пилъ съ жгучей жаждою въ крови
Струи послѣднія любви.
При свѣтѣ лампы одинокой
Въ тиши таинственныхъ ночей
Ловилъ онъ мягкій шелкъ кудрей
И ласки дѣвы черноокой,
Дрожанье персей, вздохъ глубокій
И шопотъ вкрадчивыхъ рѣчей;
Любовь несытая хотѣла
Волненья молодого тѣла,
Чтобъ замирая близъ него
Дыханье жаркое горѣло,
Чтобъ жилка каждая его
И трепетала бы и млѣла
И онъ впадалъ бы въ смутный сонъ,
Весь упоеньемъ истомленъ.

Онъ отжилъ быстро. Въ часъ урочный
Онъ зналъ, что средства безпомощны,

Что скоро тайной боли гнетъ
Натугу тѣла разобьетъ.
Ему вѣнкомъ главу обвили,
Его на берегъ положили,
Откуда видно — лоно водъ
Въ даль безконечную идетъ.
Была пора вечеровая,
И мирно погасавшій день
Прозрачная смѣняла тѣнь;
Ложилась ночь, благоухая.
Склонясь, зеленый дубъ шумѣлъ
И звонкій голосъ пѣсни пѣлъ,
И съ ними водъ морскихъ волненье
Въ одно сливалось пѣснопѣнье;
Ему внимая, замеръ слухъ,
Остыла жизнь и взоръ потухъ.
Надъ тѣломъ, дремлющимъ безъ муки,
Торжественно носились звуки
И пролетѣла безъ слѣда,
Мелькнувъ, падучая звѣзда.

9.

Но, пропадая въ сумракъ черный,
Сокрылся юный призракъ мой,
И помню образъ я иной:
То былъ спокойный, но упорный
И гордый мужъ. Уже сѣдой
По бородѣ сребрился волосъ,

Но было тихо и свѣтло
Его высокое чело;
Подобья лжи строптивый голосъ
Со дня рожденья не изрекъ;
Печальный взоръ его былъ строгъ
И, ярко въ душу проникая,
Казнилъ, въ злодѣйствѣ уличая.
Онъ былъ похожъ на тѣхъ людей
Уже давно минувшихъ дней,
На тѣхъ отступниковъ Зевеса
И не поклонниковъ Христа,
Которыхъ строгія уста
Въ словахъ простыхъ, но полныхъ вѣса,
Служили только одному
Простому, здравому уму;
Носитель неподкупныхъ истинъ —
Онъ не ходилъ за общій пиръ,
Ему равно былъ ненавистенъ
Прошедшій и грядущій міръ,
И середь племени чужого
Онъ ничего не зналъ родного.
Онъ видѣлъ, какъ сквозь тьму вѣковъ,
Чуждаясь дико мыслей здравыхъ,
Стремится съ яростью волковъ
Толпа мучителей кровавыхъ
И съ ними, не глядя куда,
Народовъ жалкія стада.
И вотъ ужъ некуда бѣжать,
И въ бездну упадутъ народы,

И соберутся бушевать
Всѣ силы дикія природы
Съ потопомъ и огнемъ своимъ
Надъ дикимъ племенемъ людскимъ.
Взойдетъ на берегъ новозданный,
Быть-можетъ, новый Девкальонъ,
И новый міръ наполнитъ онъ
Породою не меньше странной,
И повторять грядущій родъ
Безумство старое начнетъ.
Но, видя общее паденье,
Какъ одинокое явленье
Поодаль гордый мужъ стоялъ
И ясность взгляда сохранялъ,
И ждалъ въ печали величавой,
Чтобы подземныхъ силъ привалъ
Жерло мгновенно разорвалъ
И міръ засыпалъ жгучей лавой...

10.

Но ночь уходитъ. Фонари
Блѣднѣютъ съ просвѣтомъ зари
И утро въ тягостномъ покоѣ
Идетъ туманное, сырое...
Душа устала — и разсвѣтъ
Все такъ же полонъ духомъ бѣдъ.

ГОСПОДИНЪ.

ПОВѢСТЬ.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Въ то время таяли снѣга.
Весной дышало. Съ дикой силой
Взрывая ледъ, на берега
Рѣка волнами находила.
Сквозь грязь мелькала зелень травъ
И съ юга прилетѣли птицы,
Но все жъ упорно видъ столицы
Хранилъ враждебно-зимній нравъ.

Андрей Потапычъ, малый славный,
Лелѣять сталъ въ мечтѣ своей
Ручья журчанье, шумъ дубравный
И зелень яркую полей;
Являлся рѣже на обѣды,
Чуждался позднихъ вечеровъ,
Литературныя бесѣды
Его томили. «Много словъ»,—
Онъ думалъ,—«только мало дѣла...»
И даже критика сама,
Сей плодъ нѣмецкаго ума,

Ему до смерти надоѣла.
Онъ началъ думать о себѣ,
О томъ, что молодость проходитъ
А онъ одно въ своей судьбѣ
Праздношатаніе находитъ.
Печально въ уголъ изъ угла
Бродя одинъ въ своей квартирѣ,
Рѣшилъ онъ, что пора пришла,
Чтобъ дѣло дѣлать въ этомъ мірѣ:
Начать воспитывать крестьянъ,
Въ ихъ нравахъ сдѣлать улучшенья,
Зерно ума и просвѣщенья
Посѣять въ глушь далекихъ странъ.
Рѣшилъ — и въ путь пустился дальній,
Въ свою деревню — край печальный.

Тащился тряскій тарантасъ,
Иванъ дремалъ на козлахъ шаткихъ;
Андрей Потапычъ, утомясь,
Качался въ сновидѣньяхъ сладкихъ.
Широкой лентой мягкій путь
Лежалъ безъ грязи и безъ пыли,
Два слѣда лоснистыхъ чуть-чуть
Колеса дружныя чертили.
Ямщикъ коней не погонялъ,
Лѣниво двигались ихъ ноги
И колокольчикъ замиралъ...
Весенней почкой вдоль дороги
Березы пахли, и вдали

По лону ровному земли —
Зеленое и молодое
Тянулось поле озимое.
Садилось солнце и тепло
На землю мирную лило
Румяное мерцанье свѣта,
И въ небѣ жаворонокъ гдѣ-то,
Колеблясь трепетнымъ крыломъ,
Прощался звонко съ яснымъ днемъ.
Андрей Потапычъ, въ качкѣ мѣрной
Вздремнувъ, очнулся отъ толчка,
Спросилъ, какъ смѣна далека
И почему такъ ѣдутъ скверно?
Потомъ, взглянувъ вокругъ себя
На тихій міръ, весной согрѣтый,
Природу искренно любя,
Онъ молвилъ: «Хорошо все это...»
И погрузилъ свой томный умъ
Въ туманъ блаженно-грустныхъ думъ.
Онъ размышлялъ, что неизбѣжно
Онъ сгубитъ молодости цвѣтъ,
Что слишкомъ трудно, безнадежно
Онъ любитъ, вотъ уже пять лѣтъ;
Но несмотря на все страданье,
На жизнь мученій и тоски,
Онъ о любви воспоминанье,
Какъ животворное мечтанье,
Хранитъ до гробовой доски.
Онъ думалъ, какъ она прекрасна,

Какъ простодушна, какъ мила,
Что за душа въ улыбкѣ ясной,
Какъ ручка у нея бѣла,
Какъ нѣженъ взоръ ея и томенъ,
Весь видъ какъ страстенъ и какъ скроменъ,
Какъ въ мягкомъ голосѣ слышна
Сердечной ласки глубина!
Конечно, — онъ любилъ безгласно,
Да онъ и не захочетъ ей
Безпечной жизни, жизни ясной
Тревожить страстію своей.
О! если бъ вѣрною сестрою
Она весь вѣкъ ему была,
Ему бы жизнь была мила,
Онъ былъ доволенъ бы судьбою...
Баллады увлеченъ стихомъ,
Онъ вспомнилъ, какъ они вдвоемъ
На дачѣ, въ августѣ, мечтая,
Читали вмѣстѣ послѣ чая.
Конечно, онъ не пара ей:
Помѣщикъ онъ не многодушный,
Ея жъ отецъ старикъ бездушный
И мѣтитъ высоко, злодѣй!
И голосъ у него протяженъ,
И кругъ знакомыхъ слишкомъ важенъ!...
Андрей Потапычъ обвинялъ
И самъ себя; онъ отвергалъ
Въ своихъ пріемахъ лоскъ столичный
И замѣчалъ уже не разъ,

Бывало, въ зеркало смотрясь,
Что платье, сшитое отлично, —
Богъ знаетъ, право, почему —
Все какъ-то не къ лицу ему.
Застѣнчивость его погубитъ!
Одна надежда у него,
Что можетъ-быть еще его
За нѣжность женщина полюбитъ.
О! сердцемъ онъ почти герой
И благороденъ по природѣ,
Стремится къ правдѣ и свободѣ,
Не глупъ, не неучъ — и порой
Въ наукахъ подвизался смѣло...
Но ей что до того за дѣло?
Онъ вспомнилъ, какъ онъ ревновалъ,
Безмолвствуя въ тоскѣ безмѣрной,
Какъ чаще всѣхъ его смущалъ
Одинъ полковникъ инженерный,
Всегда находчивый въ рѣчахъ,
Высокій, статный и въ усахъ.
Андрей Потапычъ съ страстью нѣжной
Тутъ принялся-было опять
Любить такъ трудно, безнадежно,
Какъ и назадъ тому лѣтъ пять.
Онъ такъ же вспомнилъ: послѣ бала...
Но тройка вихремъ вдругъ помчала
И, съ шляпой наискось на лбу,
Махнувъ кнутомъ, ямщикъ удалый
Подвезъ къ станцьонному столбу.

Дней нѣсколько, а можетъ больше
(Какъ Чацкій дерзко отвѣчалъ)
Дорога длилася, — не дольше;
Андрей Потапычъ поскучалъ.
Уже незадолго до дому,
Подъѣхавъ къ берегу крутому,
Онъ увидалъ — внизу рѣка
Была какъ море широка.
Надъ нею солнце вкось сверкало,
По ней крутясь волна бѣжала,
Кой-гдѣ уныло паруса
Какъ точки бѣлыя виднѣлись,
И гдѣ-то тамъ вдали синѣлись,
Теряясь изъ виду, лѣса.
Въ раздольно-сладостной истомѣ
Андрей Потапычъ тутъ вздохнулъ
И переѣхалъ на паромѣ.
Ямщикъ постромки пристегнулъ
И баринъ, погодя немного,
Своей проселочной дорогой,
По кочкамъ шеи не сломивъ,
Домой доѣхалъ здравъ и живъ.

Андрей Потапычъ былъ доволенъ:
Знакомый прудъ, знакомый садъ!
Здѣсь дѣтскій возрастъ былъ такъ воленъ!
Здѣсь все, чему бывалъ онъ радъ,
Вновь на глаза его предстало
И чуть до слезъ не взволновало.

Все тотъ же на дворѣ стоялъ
Уныло домикъ деревяный,
И мезонинъ довольно странный
Его вершину замыкалъ.
У полусгнившаго забора
Сторожка пса была видна,
Пса — охранителя отъ вора...
Теперь пуста была она:
Соскучась жизнію пустынной,
Знать околѣлъ онъ, другъ старинный!
Немного подгнило крыльцо,
Но въ домѣ комнаты въ порядкѣ,
На мебели чехлы и складки
И все, какъ было, налицо;
Конечно — такъ давно не жили,
Что все покрыто слоемъ пыли.
Вотъ комната: старуха-мать
Любила здѣсь чулокъ вязать;
А вотъ и небольшая зала:
Здѣсь чай сосѣдямъ разливала.
Вотъ здѣсь отцовскій кабинетъ,
Гдѣ Павла перваго портретъ —
Курносый, съ палкой, въ треуголкѣ.
Старикъ, бывало, здѣсь ходилъ,
Въ халатѣ пестромъ и въ ермолкѣ
И трубку исподволь курилъ.
Покойники!... У нихъ порою
Не обходилося безъ ссоръ,
Но большей частью все за вздоръ,

И жили дружною четою.
Вонъ виденъ памятникъ въ окно...
Теперь они уже давно
Гніютъ себѣ рядкомъ, какъ надо,
У старой церкви за оградой.

Андрей Потапычъ въ эту ночь
Томился. То-ли былъ съ дороги
Взволнованъ и разбитъ не въ мочь,
То-ль, полный грусти и тревоги,
Былое время выкликалъ...
Что-бъ ни было, но онъ не спалъ.
Скребнетъ ли мышь, щелей жилица,
Или гдѣ скрипнетъ половица,
Или бродячей пустотой
Повѣетъ въ тишинѣ ночной,
А у него и духъ спирало
И тѣло въ знобъ и жаръ бросало.
Чуть, алымъ трепетомъ горя,
Проснулась ранняя заря,
Андрей Потапычъ всталъ съ постели,
Одѣлся, растворилъ окно:
Село едва озарено
Виднѣлось. Пѣтухи пропѣли.
За садомъ свѣтлый прудъ лежалъ,
Въ зеленой чащѣ крылись тѣни,
Росой дрожащей листъ блисталъ
И воздухъ утренній дышалъ
Благоуханіемъ сирени.

Андрей Потапычъ въ этотъ мигъ
Блаженство тишины постигъ;
Но тутъ онъ вспомнилъ, что однако
Въ деревнѣ жить себя обрекъ
Онъ не безъ цѣли, какъ гуляка,
Живущій никому не въ прокъ,
Что пользы общей мысль хотѣла
И, стало, надо дѣлать дѣло.
Онъ вынулъ привезенныхъ книгъ
Запасъ, сулившій много толку,
И въ шкапъ разставилъ ихъ на полку:
Творенья Тэйра и другихъ
Новѣйшихъ лѣтъ индустріаловъ,
Еще народныхъ школъ обзоръ
И рядъ практическихъ журналовъ.
Онъ не любилъ до этихъ поръ
Агрономической науки;
Охотнѣе въ цѣпи вѣковъ
Слѣдилъ дѣянія отцовъ
И повѣсти читалъ безъ скуки,
И какъ дитя — насчетъ того,
Что̀ создаетъ нужду людскую,
Что̀ прямо входитъ въ жизнь живую, —
Не зналъ онъ ровно ничего.
Вотъ это-то его и мучитъ!
Но, впрочемъ, дѣло не уйдетъ:
Займется, кое-что прочтетъ,
А самъ пойметъ, и всѣхъ научитъ

Была суббота въ этотъ день:
Осиливъ старческую лѣнь,
Къ обѣднѣ старики ходили
Своихъ усопшихъ помянуть
И тихо Господа молили,
Чтобъ далъ душамъ ихъ отдохнуть;
Взамѣнъ покойниковъ просили,
Чтобы и въ свой чередъ они
Живымъ послали долги дни.

. . . .

. . . .

По окончаніи обѣдни
Толпою старики пошли
И мирно хлѣбъ и соль несли,
И въ барской собрались передней;
Чины дворовые впередъ,
А позади простой народъ.
Андрей Потапычъ радъ безъ мѣры
Былъ прежнихъ увидать друзей:
Вотъ дядька старый, дѣтскихъ дней
Ворчливый другъ; но фракъ свой сѣрый
Господской службы ветеранъ
Смѣнилъ на будничный кафтанъ,
И сгорбился, и весь въ морщинахъ,
И бѣлой бородой обросъ,
И тѣло у него тряслось.
А вотъ въ подобныхъ же сѣдинахъ
И поваръ допотопныхъ дней;
А вотъ и маменькинъ лакей,

Который человѣкъ былъ кроткій,
Вязалъ чулокъ и пахнулъ водкой.
А какъ же сдѣлалась стара
Покойной нянюшки сестра!
И цѣлый міръ вставалъ изъ тлѣнья...
Помѣщикъ полонъ былъ смущенья;
Но не нашлося никого
Крестьянъ знакомыхъ у него.
Всѣ другъ за другомъ подходили
И ручку барскую просили
Облобызать наперерывъ;
Но ручку какъ-то отклонивъ,
Андрей Потапычъ, весь сконфуженъ,
Шепталъ, что сей обрядъ не нуженъ.
Потомъ прикащику велѣлъ
Ужо подать себѣ отчеты,
Затѣмъ, что ходъ конторскихъ дѣлъ —
Предметъ особенной заботы,
И завтра утромъ у воротъ
Велѣлъ собрать крестьянскій сходъ.

Сходъ собрался, и съ умиленьемъ
Помѣщикъ вышелъ на крыльцо.
Раскланялся. Его лицо
Сіяло чуть не вдохновеньемъ.
Въ его умѣ тѣснилось вдругъ,
Что онъ своимъ крестьянамъ другъ,
Что патріархъ онъ благородный,
А можетъ и трибунъ народный!..

Безъ шляпъ стоялъ предъ нимъ народъ
(Къ чему обычай не понудитъ!),
Вперивъ глаза, разинувъ ротъ,
Всѣ ждали молча: что же будетъ?
Андрей Потапычъ рѣчь держалъ
(И очень былъ собой доволенъ);
Андрей Потапычъ имъ сказалъ,
Что человѣкъ родился воленъ,
И потому онъ даже бъ могъ
Свести ихъ съ пашни на оброкъ.
Хотѣлъ ихъ мнѣнье знать заранѣ.
Затылки почесавъ, крестьяне
Съ единогласіемъ въ отвѣтъ
Сказали: «почему же нѣтъ?»
Потомъ онъ развилъ мысль благую,
Что надо школу бы завесть;
Въ ученьи видѣлъ вещь святую
И путь довольство пріобрѣсть.
Науки съ точки зрѣнья строгой
О земледѣліи начавъ,
Замялся какъ-то онъ немного —
И, слова два еще сказавъ
Объ истинномъ вредѣ засухи,
Велѣлъ имъ поднести сивухи
И воротился въ барскій домъ.
И долго мужики потомъ
Смекали въ болтовнѣ досужей:
«Что?... Лучше будетъ, или хуже?...
А Богъ вѣсть!... Правду говорить,

Прикащика пора бъ смѣнить...»
Сначала шибко толковали,
А тамъ какъ-будто бъ и устали
Терять слова по пустякамъ
И разошлися по домамъ.

По размышленіи недолгомъ
Сосѣдей навѣстить своихъ
Почелъ Андрей Потапычъ долгомъ:
Разъ, чтобы не обидѣть ихъ, —
Съ отцомъ и матерью иные
Друзьями были; во-вторыхъ,
Какъ скучны бъ ни были другіе,
Онъ не простилъ себѣ бы вѣкъ,
Онъ — просвѣщенный человѣкъ, —
Когда бъ оставилъ безъ вниманья
Удобный случай для вліянья.
И тотчасъ началъ онъ съ того,
Что съѣздилъ къ набожной сосѣдкѣ,
Подругѣ матери его,
Старухѣ, жирной домосѣдкѣ,
Хозяйкѣ истинной. Она
Уже и тѣмъ была славна,
Что сѣкла разъ середь недѣли
Дворовыхъ дѣвокъ, чтобъ въ шесть дней
Избаловаться не успѣли:
Нельзя не остеречь дѣтей!
Потомъ онъ къ старому сосѣду
Поѣхалъ, и поспѣлъ къ обѣду.

Старикъ отлично ѣлъ и пилъ;
Учтивостью извѣстенъ былъ:
Когда подчасъ лакею въ рыло
Совалъ размашистый кулакъ,
Не измѣнялъ себѣ никакъ
И приговаривалъ: «мой милый!» —
Скупясь на время вообще,
Андрей Потапычъ и еще
Къ сосѣду поспѣшилъ другому,
Коннозаводчику лихому;
Потомъ къ любителю собакъ;
Потомъ къ сутягѣ записному,
Который былъ съ судьею врагъ;
И къ господину пожилому,
Котораго призналъ весь свѣтъ
Однимъ изъ милыхъ вертопраховъ,
И къ старой дѣвѣ, съ юныхъ лѣтъ
Охотницѣ до іеромонаховъ,
И подъ наслѣдственную сѣнь
Андрей Потапычъ утомленный
Явился на четвертый день.
Но видъ имѣлъ весьма смущенный
И чувство скорбное таилъ,
Что никого не удивилъ
И былъ неловокъ въ разговорахъ
И не довольно ясенъ въ спорахъ,
И изъ вліянія его
Не выйдетъ ровно ничего.

Его исправникъ мимоѣздомъ
Поздравить заѣзжалъ съ пріѣздомъ
И звалъ на выборы зимой.
Къ нему сталъ ѣздить становой,
Короткій, толстенькій, вертлявый,
Низкопоклонный и лукавый.
Андрей Потапычъ, сколько могъ
Чуждаясь близости постыдной,
Держалъ себя какъ нѣкій богъ;
Сперва онъ слушать безобидно
Не могъ чиновничій языкъ,
Языкъ грабительства позорный
И нищенства языкъ притворный,
Въ которомъ слышенъ грязно-дикъ
Развратъ, неловко затаенный;
Но послѣ ко всему привыкъ,
Смотрѣлъ на вещи благосклонно,
Иное извинялъ слегка
Несчастной долей бѣдняка,
И принимать сталъ безъ боязни
Подобострастный знакъ пріязни.

Страшась минуту потерять
Въ трудѣ, исполненномъ значенья,
Онъ ради школъ и просвѣщенья
Рѣшился что-нибудь начать.
И на базарѣ добылъ книжку,
Не новую для нашихъ дней,
И началъ азбукѣ по ней

Учить двороваго мальчишку;
Сперва день каждый, не лѣнясь,
Потомъ въ недѣлю по два раза,
Потомъ училъ въ недѣлю разъ.
Его усердіе отъ аза
Тихонько подъ гору все шло
И скромно вовсе прилегло,
И онъ, не жертвуя химерѣ,
Ученье прекратилъ на херѣ.

Хозяйству посвящая день,
Андрей Потапычъ былъ намѣренъ
Изгнать обычной жизни лѣнь
И плану былъ сначала вѣренъ;
Но скоро убѣдилъ его
Кузьма Терентьевъ, что напрасно
Вводить оброкъ, и для чего?
Что мужики народъ опасный
И не заплатятъ ничего;
Что, если съ добротой всегдашней
Помѣщикъ бытъ крестьянъ своихъ
(Отнюдь не допуская шашней)
Улучшить хочетъ, — должно ихъ
По прежнему держать на пашнѣ.
Въ отчетахъ вѣрность увидавъ
И цифры все встрѣчая тѣ же,
Андрей Потапычъ вышелъ правъ,
Что сталъ заглядывать въ нихъ рѣже.
Кузьма Терентьевъ управлялъ,

А баринъ, позабывъ заботу,
Иль просто по лѣсу гулялъ,
Иль, страсть почувствовавъ къ болоту,
Съ утра сбирался на охоту
И поздно приходилъ домой, —
Когда уже и солнце сѣло
Давно далеко за рѣкой,
И поле тихое темнѣло,
Свѣтились звѣзды въ синевѣ,
Шелъ паръ душистый по травѣ,
Коростеля въ тиши глубокой
Томился голосъ одинокій...
Андрей Потапычъ той порой
Касался къ заживавшей ранѣ
Своей любви непонятой;
Но и любовь уже въ туманѣ
Тонула зыбко день за днемъ,
И онъ обычнымъ шелъ путемъ
И расплывался въ грустной лѣни,
Неясной, какъ ночныя тѣни.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Въ іюлѣ жарокъ лѣтній день.
Андрей Потапычъ, другъ покоя,
Въ лѣсу отъ тягостнаго зноя
Искалъ спасительную тѣнь.
Деревья колыхались хоромъ
И лѣсъ былъ занятъ разговоромъ
Зеленыхъ листьевъ и вѣтвей,
И въ немъ былъ слышенъ робкій шопотъ
Какихъ-то ласковыхъ рѣчей,
Или глухой, далекій ропотъ
Народной смуты, иль зыбей
Вдоль по безбрежію морей;
Надъ лѣсомъ небеса сіяли,
Лучи сквозь чащу проникали,
Тѣней и свѣта мелькомъ взоръ
Слѣдилъ трепещущій узоръ;
По вѣтвямъ птицъ народъ болтливый
Порхалъ и прыгалъ суетливо,
И насѣкомыхъ пестрый рой
Жужжалъ въ травѣ и надъ травой;

А воздухъ въ медленномъ движеньи
Дышалъ и мягко и тепло,
И человѣкъ, склонивъ чело,
Дремалъ и слушалъ въ упоеньи.
Андрей Потапычъ на траву
Подъ дубомъ легъ въ тѣни прохладной
И тихо грезилъ наяву...
О чемъ?... Богъ вѣсть! Но такъ отрадно,
Такъ чувствомъ жизни поглощенъ,
Какъ грезитъ дней весною ранней
Дитя, баюканное няней,
Подъ пѣсню внятную сквозь сонъ.

Но вдругъ онъ слышитъ — голосъ женскій
Въ раздольи груди деревенской
Далеко по лѣсу поетъ;
То звонко льется, то замретъ,
Потомъ все ближе, все звучнѣе..
Андрей Потапычъ поскорѣе
Вскочилъ, вздрогнувъ, и еле живъ
Стоялъ, дыханье притаивъ.
Вотъ птичка ближняя вспорхнула,
Пугаясь шелеста шаговъ...
Изъ-за встревоженныхъ кустовъ
Головка смуглая мелькнула.
По щечкамъ смуглымъ разгорясь
Бродилъ румянецъ, и дорогой
Коса роскошная немного
Изъ-подъ гребенки развилась

И колебалась непокорно
Вкругъ смуглой шейки прядью черной;
Въ дыханьи частомъ утомясь,
Уста раскрылись и алѣли,
И очи черныя блестѣли...
Вотъ, на двѣ стороны клонясь,
Дрожитъ орѣшникъ разступясь —
И образъ дѣвушки красивой
Остановился боязливо.
Она гибка, она стройна;
Хоть дурно платьице простое,
Но прелесть юная видна,
На зло шитью, въ плохомъ покроѣ;
Едва ли ей осьмнадцать лѣтъ
Начелъ бы деревенскій свѣтъ.
Она за спѣлою малиной
Блуждала по лѣсу съ корзиной;
Взглянула, закричала: «ахъ!»
Бѣжать хотѣла второпяхъ,
Но свой порывъ остановила
И только глазки опустила.
Андрей Потапычъ на нее
Глядѣлъ безмолвно, какъ на чудо;
Но ободрясь спросилъ ее —
И кто она, и шла откуда?
Она — «изъ вашего села»,
Сказала, «Катя, дочь лакея.»
А онъ, любуясь и робѣя,
Шепнулъ невольно: «Какъ мила!»

И покраснѣлъ, и Катя тоже,
И оба, вдругъ потупя взоръ,
Стояли на дѣтей похоже,
За шалость внемлющихъ укоръ...
И разошлись...

Но съ этихъ поръ
Андрей Потапычъ, весь разстроенъ,
На днѣ души былъ неспокоенъ,
Боролся онъ съ самимъ собой,
Не вѣрилъ сердца страсти новой,
Считалъ ее за бредъ пустой,
Хотѣлъ за трудъ приняться снова,
Чтобъ пылъ души угомонить
И чувство глупое забыть.
А какъ-то все его тянуло —
Пройти случайно близъ дверей
Избы, гдѣ жилъ старикъ-лакей...
Дверь можетъ вѣтромъ распахнуло бъ,
И личко смуглое мелькнуло бъ
И сердце вздрогнуло бъ сильнѣй;
Пройти случайно мимо оконъ —
Не встрепенется ль черный локонъ...
Уже подмѣтивъ ранній часъ,
Когда росистою тропою
Ходила Катя за водою,—
Онъ до зари вставалъ не разъ,
Чтобъ повстрѣчаться ненарочно
И поклониться непорочно.

Онъ даже (скользокъ жизни путь!)

. . . .

Въ воскресный день ходилъ къ обѣднѣ,
Чтобъ только на нее взглянуть!

Иванъ, какъ человѣкъ бывалый,
Подмѣтилъ все. Расчелъ, что могъ
При этомъ выиграть немало,
Что барскій выгоденъ порокъ,
И — какъ столичный психологъ —
Рѣшился какъ-нибудь случайно
Заставить вспыхнуть пламень тайный.
И вотъ поутру, той порой,
Какъ въ силу званія и чина
Онъ руки барскія невинно
Студеной орошалъ струей
Изъ разноцвѣтнаго кувшина,
А баринъ фыркалъ и плескалъ,
Съ ланитъ господскихъ грязь смывая,—
Онъ вдругъ нечаянно сказалъ,
Какъ-будто что-то вспоминая:
«Вы Катю знаете? Она
Въ васъ просто сильно влюблена!»
Все было кончено! Мгновенно
Андрей Потапычъ обомлѣлъ,
И задрожалъ, и поблѣднѣлъ,
Сказалъ Ивану раздраженно,
Чтобъ вздору говорить не смѣлъ;
А самъ повѣрилъ откровенно,

И страсть губительнымъ огнемъ
Тревожно разгорѣлась въ немъ,
И самолюбьице пустое
Задѣто было за живое.
Но Боже мой! Ужели онъ
Любви недавнее страданье
Забылъ, какъ мимолетный сонъ?
Ужель о ней воспоминанье
Онъ смѣнитъ на пустую связь
И окунется въ эту грязь
Дворовыхъ сплетенъ, барской власти —
Родного края злой напасти,
Которую до этихъ поръ
Онъ ненавидѣлъ какъ позоръ!
О, какъ онъ слабъ! какъ сердце шатко,
Какъ жизнь идетъ смѣшно и гадко!

Въ аллеѣ дальней, темной сада,
Гдѣ въ полдень вѣяла прохлада,
Сливались съ шопотомъ листовъ
Слова двухъ тихихъ голосовъ:
«Нѣтъ, нѣтъ! не такъ меня ты любишь!»
«Да какъ же васъ еще любить?» —
«Нѣтъ! ты дитя. Меня ты сгубишь
И не замѣтишь можетъ-быть!
Ну — поцѣлуй!...» — «Ахъ, страшно стало!
Ну, вдругъ увидитъ кто-нибудь?...»
И вотъ, припавъ къ нему на грудь,
Она его поцѣловала.

«Ты приходи ужо ко мнѣ!
Всѣ въ домѣ будутъ спать глубоко,
Ты только свѣчки одинокой
Увидишь свѣтъ въ моемъ окнѣ...
Придешь?...» — «Боюсь — отецъ узнаетъ!»
«Онъ не узнаетъ ничего!
И что бояться намъ его?...»
«Ахъ, кто-нибудь да разболтаетъ!» —
«Придешь?» — «Не знаю!... Ну, приду...»
И мѣрно слышенъ былъ въ саду
Самодовольный шагъ мужчины,
И видно было — за куртины,
Пугливо удаляясь, шли
И торопилися двѣ ножки,
И платье бѣлое вдали
Еще мелькало вдоль дорожки.

Андрей Потапычъ въ этотъ день,
Сказавъ, что отдыхъ что-то нуженъ,
Что голова болитъ и лѣнь, —
Себѣ спросилъ пораньше ужинъ.
Потомъ сердился, что Иванъ
Такъ долго роется въ буфетѣ,
Подумалъ даже, что онъ пьянъ,
И побранить имѣлъ въ предметѣ...
Но тише!... Замеръ глупый стукъ
И въ домѣ смолкъ за звукомъ звукъ,
И въ окна, звѣздами мерцая,
Глядѣла молча ночь глухая.

Ни зги не видно! Чу!... постой!
Какъ-будто шорохъ ухо слышитъ...
То праздный вѣтеръ въ тьмѣ колышетъ
Деревья сада... Боже мой!
Какъ сердце бьется! грудь чуть дышитъ
И крови трепетный притокъ
Въ виски стучитъ, какъ молотокъ.
Вотъ сторожъ въ колоколъ докучный
Спросонокъ троекратно бьетъ,
И робко гулъ въ ночи идетъ
И замираетъ въ мглѣ беззвучной.
Ужель обманетъ — не придетъ?
Но что-то движется впередъ
Къ крыльцу — подобно черной тѣни,
И тихо скрипнули ступени,
И ручка мѣдная замка
Пошевельнулася слегка.

По утру дворня вся узнала,
Гдѣ Катя ночку ночевала.
Кто первый слухъ пустилъ въ народъ?
Богъ знаетъ! Кто ихъ разберетъ?
Сама, знать, Катя разболтала,
Скорѣй похвастаться желала.
И быть иначе не могло:
Помѣщикъ — не простой любовникъ,
Какъ кучеръ иль какой садовникъ;
Отъ нихъ ни жутко, ни тепло,
А быть наложницею барской —

Тутъ тотчасъ превосходство есть,
Какой-то призракъ власти царской,
И самъ развратъ идетъ за честь;
Пойдутъ поклоны съ приношеньемъ,
Всѣ дѣвки съ зависти себѣ
Обгложутъ ногти, и къ тебѣ
Прикащикъ самъ придетъ съ почтеньемъ.
Въ селѣ пропала тишина,
Страстишекъ рой проснулся гадокъ —
Какъ ила грязнаго со дна
Внезапно взболтанный осадокъ.
Неугомонный толкъ пошелъ
Дворовой кучки въ мелкомъ мірѣ;
Иной былъ радъ, другой былъ золъ,
Кто рѣчь на улицѣ повелъ,
Кто совѣщался на квартирѣ.
Иной прикащика хвалилъ,
Ему пророча награжденье;
Другой прикащику сулилъ
Отставку, розги, поселенье.
Рѣшили мужики спроста,
Чтобъ Катѣ поднести холста;
Ея отецъ, на все готовый,
Душой не римлянинъ суровый,
Уже ласкалъ въ мечтѣ своей
Тулупъ дубленый вовсе новый
И то, что въ годъ на старость дней
Положатъ двадцать пять рублей;
И даже тетка при разгромѣ

Мечтала ключницей быть въ домѣ,
И даже тетки мужа братъ
Себѣ богатый ждалъ окладъ.

И только дядька престарѣлый
Ни въ чемъ участія не бралъ,
И что-то хмурился день цѣлый
И въ одиночествѣ молчалъ.
Давно въ однообразномъ ходѣ
Тянулась старой жизни нить:
Съ закатомъ дня и на восходѣ
Привыкъ онъ съ удочкой ходить
На берегъ пруда, и прилежно
Безмолвно долгіе часы
Глядѣлъ на поплавокъ мятежный
И на движеніе лесы.
Но съ недовольною заботой
Подъ вечеръ памятнаго дня,
Угрюмо голову склоня,
Сидѣлъ онъ за своей охотой.
А между тѣмъ кругомъ его
Не измѣнилось ничего;
Все такъ же вечеръ былъ прекрасенъ,
Все такъ же прудъ былъ тихъ и ясенъ,
Все такъ же рѣзво кое-гдѣ
Круги мелькали по водѣ;
Все такъ же вѣковой березы
Листы, висѣвшіе надъ нимъ,
Шептали шопотомъ глухимъ

Про юныхъ дней былыя грозы;
Но что-то въ немъ не улеглось,
Какъ-будто сердце порвалось,
И рыба какъ-то не клевала,
Или срывалася съ крючка,
И чувство скорби выражало
Лицо сѣдого старика.

А Катя?... Катя своенравно
Гордилася сама собой,
Своимъ значеньемъ и красой,
Съ дня на день болѣе тщеславна.
Уже ея нарядъ простой
Смѣнили платья городскія
И ярко шелковый платокъ
На плечи кругленькія легъ,
Блеснули серьги золотыя,
И ленту алую въ косѣ,
Завидуя, хвалили всѣ.
Уже она невольно стала
Смотрѣть на дворню свысока
И совершенно презирала
Привѣтъ простого мужика.
Уже и кушанье ей слуги
Носили съ барскаго стола,
Ей робко кланялись подруги,
На чай прикащица звала.
Когда она по воскресеньямъ
Входила въ церковь, — передъ ней

Толпа склонялась съ уваженьемъ
И разступалась у дверей.
Что грезилось въ ея головкѣ?
Какою бѣсъ дразнилъ мечтой?
Ужъ не казалось ли плутовкѣ,
Что будетъ барскою женой?
Нѣтъ, Катя такъ не шла далеко,
Но власти вожделѣнный мигъ
Ловила жадно, и глубоко
Ей лести внятенъ былъ языкъ.
И начинала понемногу
Она сердиться на людей,
Когда кто поперечилъ ей
Иль не далъ во-время дорогу,
И даже къ барину она
Ходила съ жалобой кичливой.
Андрей Потапычъ боязливо,
Пугаясь, что нарушена
Домашней жизни тишина,
Пугаясь ссоры иль угрозы,
Сперва ей лаской гнѣвъ смягчалъ,
Потомъ уныло тосковалъ,
Услыша пени, видя слезы,
И внемля вкрадчивымъ словамъ,
На слугъ сердиться началъ самъ.
И какъ же быть? Не для него ли
Она своихъ невинныхъ дней
Пренебрегла безпечной долей
И жизнью мирною своей?

Подверглась завистямъ, упрекамъ,
Враждѣ, двусмысленнымъ намекамъ?
Онъ хочетъ, чтобъ и каплей слезъ
Ей день единый не затмился,
Хоть самому бъ страдать пришлось;
Да и на что бъ онъ не рѣшился
За взглядъ, улыбку, звукъ рѣчей,
За сладость жаркаго лобзанья,
За нѣгу медленныхъ ночей,
За эту странность обаянья,
Что къ милой женщинѣ манитъ
Неотразимо, какъ магнитъ?

Шло время. Наступала осень.
Уныло мокрый листъ въ саду
Желтѣлъ и падалъ. Только сосенъ
Осталась зелень на виду;
И та, почуя дни сырые,
Уже безъ запаха смолы
Качала капли дождевыя
Съ печально вымокшей иглы.
Андрей Потапычъ у камина
Сидѣлъ одинъ и размышлялъ;
Осенній ли припадокъ сплина
Его томилъ, — но онъ скучалъ.
У ногъ его широкоглавый
Его товарищъ, песъ лягавый,
Свернувшись въ праздной тишинѣ,
Дремалъ и вздрагивалъ во снѣ.

Впорхнула Катя птичкой вольной...
Но заворчалъ спросонокъ песъ,
Ея приходомъ недовольный,—
И Катя вспыхнула... Сквозь слезъ
Пошла роптать, что «не похоже
Ужъ это вовсе ни на что:
Добро ужъ люди за ничто
Грызутъ,—а и собака тоже!...»
А онъ, изъ нѣжности къ кому
Позоромъ вѣкъ ея покрылся,
Молчитъ и ничего ему!...
Андрей Потапычъ разсердился
И, снявъ арапникъ со стѣны,
Хватилъ собаку вдоль спины.
Песъ вспрянулъ и прилегъ пугливо,
Поползъ на лапахъ и визжалъ,
И съ видомъ скорби терпѣливой
Стопы хозяина лизалъ.
Андрей Потапычъ чуть не вскрикнулъ;
Стоялъ, подавленный стыдомъ,
Арапникъ выпалъ, взоръ поникнулъ
И грудь вздохнуть могла съ трудомъ.
Собаку поласкавъ рукою,
На Катю онъ взглянулъ съ тоскою
И, самъ себя внутри кляня,
Велѣлъ скорѣй сѣдлать коня
И ускакалъ... Ѣзды тревога
Быть-можетъ заглушитъ немного
Весь этотъ внутренній укоръ!

Положимъ, что поступокъ вздоръ;
Но песъ, который имъ наказанъ,
Къ нему былъ истинно привязанъ.

Усталый конь лѣсной тропой
Везъ тихо всадника домой,
Ступая медленнымъ копытомъ
По сучьямъ и листамъ размытымъ.
Осеннимъ вѣтромъ вкось гонимъ,
Навстрѣчу дождь хлесталъ, и съ нимъ
Въ одинъ докучный гулъ сливаясь,
Нагія вѣтви, колыхаясь,
Шумѣли, наводя тоску;
И мокрый воронъ на суку
Враждебно каркалъ, и сорока
Въ кустахъ болтала родъ упрека,
И тяжко было для души
Средь увядающей глуши.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Передъ шипящимъ самоваромъ
Сидѣлъ прикащикъ за столомъ,
Гдѣ были пряники и ромъ.
Прикащикъ угощалъ не даромъ,
Не даромъ, доблести полна,
Его дородная жена
Чай разливала и пыхтѣла:
На первомъ мѣстѣ, гдѣ висѣла
Икона въ ризѣ золотой,
Передъ которой день-деньской
Лампада скромная горѣла,
Сидѣла Катя и была
Невыразимо весела.
Ея веселости причиной
Былъ тотъ пріемъ, съ какимъ въ гостяхъ
Ее встрѣчали во дверяхъ
И величали Катериной
Ильинишной (почетъ большой!)
И угощали на убой.
Кузьма Терентьевъ ловко, тихо,

Со всѣмъ искусствомъ Меттерниха,
О счастливой ея судьбѣ
Ей говорилъ, и о себѣ,
О томъ, что онъ хозяинъ строгій,
Имѣньемъ барскимъ дорожитъ;
Затѣмъ враговъ имѣетъ много,
Но полагается на Бога
И совѣсти не измѣнитъ.
А ей легко въ его защиту —
(Ему жъ съ ней надо быть открыту,
Какъ есть душа вся налицо) —
Противъ клеветъ и наговоровъ
Между сердечныхъ разговоровъ
Замолвить барину словцо.
И тутъ же былъ на вѣкъ священно,
Ненарушимо, откровенно,
Прочнѣе всякихъ кровныхъ узъ,
Межъ ними заключенъ союзъ.
Съ тѣхъ поръ уже безъ опасенья
Кузьма Терентьевъ, — рѣдкій разъ
По волѣ барской, съ разрѣшенья,
А больше вовсе не спросясь, —
Разсчеты будь крупны иль мелки,
Въ торговыя пускался сдѣлки,
Взималъ поборы или сѣкъ
И жилъ какъ важный человѣкъ.

Уже и дождь не капалъ болѣ,
Въ лѣсу все въ иней облеклось —

Подобіе сѣдыхъ волосъ;
Застыла грязь въ пустынномъ полѣ
И въ воздухѣ пахнулъ морозъ.
Два раза, тая, снѣгъ ложился
И наконецъ, презрѣвъ тепло,
На землю вихремъ навалился
И стало все кругомъ бѣло.
Въ сарай поставили телѣгу,
Полозья скрипнули по снѣгу;
Мужикъ въ тулупѣ зябъ и дрогъ
Средь заметаемыхъ дорогъ;
Крестьянка, встрѣтясь узкимъ слѣдомъ,
Болтать не думала съ сосѣдомъ,
И паръ дышалъ изъ устъ ея
И вѣялъ холодъ отъ нея.
Явились въ домѣ — зимъ предтечи —
Двойныя рамы по окнамъ;
Метая уголь, стали печи
Трещать до свѣту по утрамъ;
По томно-длиннымъ вечерамъ
Съ обѣда зажигались свѣчи,
И чувствомъ тягостнымъ тюрьмы
Откликнулся приходъ зимы.

Хоть Катя уже мѣсяцъ цѣлый
Переселилась въ барскій домъ
Хозяйкой полною и смѣлой,
Распоряжалася бѣльемъ,
На слугъ кричала спозаранку,

Имѣла при себѣ служанку,
Бранилась съ ней, и съ ней потомъ
Любила сплетничать тайкомъ;
Но какъ-то былъ угрюмъ и мраченъ
Андрей Потапычъ. Самъ собой
Онъ былъ печально озадаченъ,
Бранилъ весь образъ жизни свой;
Бранилъ себя за слабость нрава
И чувствовалъ свою вину,
Не извиняяся лукаво,
И видѣлъ, что идетъ ко дну,
И сознавалъ свое паденье,
И пробуждалось угрызенье,
И накипъ горечи въ тиши
Все росъ и росъ на днѣ души.
Ужель онъ втунѣ жизнь растратитъ?...
Оставить Катю?... Силъ не хватитъ!
Теперь осталося одно
Спасенье жалкое — вино!
Вино кипитъ и тѣло грѣетъ,
Спадаетъ съ сердца тяжкій гнетъ,
Вновь ожилъ умъ и мысль свѣтлѣетъ,
И снова къ подвигамъ зоветъ;
Андрей Потапычъ снова вѣритъ
И самъ себя широко мѣритъ;
Въ чаду вакхическихъ химеръ —
Онъ Мининъ или Робеспьеръ,
Законодатель, зла губитель,
Отчизны доблестный спаситель;

Опять онъ завтра же готовъ
Завесть оброкъ для мужиковъ;
А тамъ, оставивъ всѣмъ по полю,
Совсѣмъ отпуститъ ихъ на волю.
А между тѣмъ какъ баринъ пьетъ —
Кузьма Терентьевъ все сѣчетъ!
И невтерпежъ пришлося, вйдно;
Хоть на подъемъ и не легки,
А къ барину на гнетъ обидный
Ходили съ просьбой мужики;
Но доказательства всѣ ясны,
Что были жалобы напрасны,
И вышло только, что потомъ
Имъ было хуже съ каждымъ днемъ.

Взведенный винными парами,
Андрей Потапычъ какъ въ чаду —
То занятъ смутными мечтами
И расплывается въ бреду,
То Катю бѣшено ласкаетъ,
То, будто самъ въ себя взойдя,
Съ досадой на нее глядя,
Ее сердито упрекаетъ
За жизнь свою... Къ чему упрекъ
И всѣ тяжелыя волненья?
Оставить онъ ее не могъ,
И послѣ самъ просилъ прощенья.
А Катя?... Какъ сказать?... Она
Его по своему любила,

Прощала много какъ жена,
Съ утра его чесала, мыла,
Порой сидѣла съ нимъ полдня,
Къ плечу головку прислоня;
Бѣлье чинила, пѣсни пѣла
И спать укладывала въ срокъ,
Подать заботливо умѣла
Къ обѣду лакомый кусокъ,
И если дворня замѣчала,
Что баринъ пьетъ не въ добрый прокъ,
Она ворчливо отвѣчала:
«Ужъ и напиться-то ему
Нельзя, родному моему!»

Не скрылось это поведенье,
И, изъявляя всей душой
Сочувствіе и уваженье,
Сталъ часто ѣздить становой.
Андрей Потапычъ разъ печально
Сказалъ, по сердцу говоря
Самъ о себѣ, что непохвально
Проходитъ жизнь его и зря;
Но становой спѣшилъ замѣтить,
Что онъ печалится вотще,
Что, разсуждая вообще —
По-человѣчески, — то встрѣтить
Примѣры здѣсь весьма легко,
Что есть сосѣдъ недалеко, —
Годами вовсе не моложе,

А крѣпостную дѣвку тоже
Содержитъ, а еще женатъ
И много маленькихъ ребятъ.
Андрей Потапычъ радъ былъ тайно·
Потачкамъ онъ не довѣрялъ,
Но ждалъ, чтобы его случайно
Хоть кто-нибудь да оправдалъ.
И дружба крѣпла понемногу,
И каждый вечеръ становой
Катилъ къ крыльцу черезъ дорогу
Гуськомъ на тройкѣ вороной.
И вотъ затѣялися балы:
Сбиралась дворня середь залы;
Какъ парень ловкій и лихой,
Иванъ трудился на гитарѣ,
Гремѣли въ ревностномъ разгарѣ
Раскаты пѣсни плясовой.
Плясала Катя танецъ дикій
Задорно, съ ловкостью великой
Махала бѣленькимъ платкомъ,
Стучать умѣла каблучкомъ,
И баринъ самъ на зло порядку
Пускался съ присвистомъ въ присядку,
Слегка подергивалъ плечомъ,
Ногами сѣменилъ и топалъ,
А становой въ ладоши хлопалъ
Изъ всѣхъ приказныхъ силъ своихъ
И ѣлъ и пилъ за четверыхъ.

Зима тянулась. Послѣ святокъ
Случилось разъ, что у крыльца,
Съ тревожной гнѣвностью лица,
Старуху-тетку за остатокъ
Какой-то пряжи грошевой
Бранила Катя нестерпимо.
Кузнецъ Василій шелъ тутъ мимо
И проворчалъ, махнувъ рукой;
«Вотъ нынче вѣкъ у насъ какой!
И даже старыя старушки
Подъ властью всякой потаскушки!...»
А Катя съ теткой на него,
Да какъ піявицы пристали,
Ну всячески ругать его!
Пошли — и барину сказали.
А баринъ, выпивъ черезъ край,
Обидѣлся и встрепенулся;
А тутъ прикащикъ подвернулся,
Сказалъ, что Васька негодяй,
Съ нимъ ладить — словъ пустыя траты...
И Ваську отдали въ солдаты.
Пошелъ бѣднякъ мой одинокъ!
Лѣтъ на двадцать попался въ сѣти,
Подъ палку, никому не въ прокъ!
Жена осталась, тоже дѣти.
Поплакали. Да что — жена?
Пожалуй рада, что одна
Безъ мужа можетъ потаскаться!
Солдаткамъ сродно баловаться!

Эхъ, жизнь! Какъ поглядишь — куда
Скверна бываетъ иногда!
Но Катя и сама струхнула:
Ей человѣка было жаль
И въ сердцѣ совѣсть промелькнула...
Онъ за нее понесъ печаль!
Но Богу такъ хотѣлось, видно,
Да и въ грѣхѣ сознаться стыдно,
Да показать не худо власть,
Да ужъ случилася напасть —
Такъ не вернешь! И слезъ не тратя,
Поуспокоилася Катя.
А говорилъ ей и отецъ:
«Послушай, дѣвка, наконецъ!
Ты парня согнала со свѣта,
Сгубила ни за что его;
Умру, — не дамъ тебѣ за это
Благословенья моего!»
И Катя чуть не зарыдала,
Но ободрилась и сказала:
«Вотъ вы какіе! Вотъ для васъ
Поди ты — дѣлай все въ угоду,
А вы готовы дочь какъ разъ
Загрызть на смѣхъ всему народу!...»
И думала (какъ умъ лукавъ!),
Что былъ отецъ ея неправъ.

Уже пришла недѣли шумной
Неугомонная пора,

Гдѣ объѣдается безумно
Вся Русь съ утра и до утра;
Пеклись блины, варилась брага,
И мужики съ прямой отвагой,
Чтобъ погулять передъ постомъ,
Копейку ставили ребромъ.
И вотъ иная наступила
Пора: великій постъ пришелъ —
Съ своею важностью унылой
И пищей хуже всякихъ золъ,
Съ печальнымъ колокольнымъ звономъ,
Съ убійственнымъ земнымъ поклономъ,
Съ ворчливо-грустною мольбой
И подавляющей тоской.

Андрей Потапычъ мало вѣрилъ
И, мнѣнья гордаго закалъ
Еще храня, не лицемѣрилъ,
Своихъ привычекъ не мѣнялъ.
Поутру разъ — въ раздумьи сладкомъ
Сидѣлъ онъ празденъ и лѣнивъ,
Еще немного закусивъ,
То-есть ужъ выпивши порядкомъ...
Какъ мутенъ взоръ его теперь!
Весь видъ разстроенный и жалкій!...
Вдругъ тихо отворилась дверь
И, подпираясь вѣрной палкой,
Вошелъ дрожащею стопой
Согбенный дядька, другъ сѣдой.

«А!... ты зачѣмъ?» — «Я порывался
Къ вамъ, баринъ мой, уже давно,
Да какъ-то съ духомъ не собрался;
Но жить недолго мнѣ дано
И старыя спокоить кости,
Я чай, пора бы на погостѣ...
Такъ я рѣшился и пришелъ.»
«Ну, что же надо?» — «Въ память, что ли,
Вамъ будетъ?... Кажется — давно ли?...
На то былъ барскій произволъ:
Велѣли мнѣ ходить за вами...
А няня ваша умерла,
Да ужъ и то сказать — годами
Старѣй меня тогда была.
Ты, сударь, былъ ребенокъ хилый,
Тебя я холилъ и берегъ,
И надышаться-то не могъ!...
Бывало, лѣто подходило —
Готовлю удочки скорѣй;
Есть вѣтерокъ — спускаю змѣй.
Семь лѣтъ съ тобой былъ безъ отлучки,
Такъ было мало ли проказъ!
А ты былъ добренькій у насъ!
Бывало, всѣмъ протянешь ручки,
Не обижаешь никого...
И вотъ я дожилъ до чего!
На старости что̀ долженъ видѣть!
Что̀ долженъ слышать отъ людей!
Должно быть, Богъ хотѣлъ обидѣть,—

Ужъ умереть бы поскорѣй!» —
«Что жъ ты? Учить пришелъ ты, что ли!» —
«Сердиться, сударь, въ вашей волѣ,
А лгать предъ вами не должно,
Да и на старости грѣшно.
Опомнись, баринъ! Худо, стыдно!
Зачѣмъ же Васька-то солдатъ?
Зачѣмъ народу жить обидно?
А что сосѣди говорятъ?
Что ты связался съ дѣвкой вздорной
И что проводишь жизнь позорно...»
Андрей Потапычъ, самъ не свой,
Себѣ подумать не далъ сроку,
Вскочилъ весь бѣшеный и злой
И старика ударилъ въ щеку.
Старикъ ни слова не сказалъ
И только старой головою,
Взглянувъ печально, покачалъ —
И вышелъ... И своей тропою
Домой побрелъ себѣ, кряхтя,
Да и заплакалъ какъ дитя.

Но какъ ушелъ онъ оскорбленный,
Андрей Потапычъ протрезвѣлъ;
Стоялъ — какъ бы оцѣпенѣлъ,
Какъ-будто къ полу пригвожденный;
Мгновеннымъ страхомъ съ той поры
Отшибло винные пары.
Когда же взрывъ угомонился,

Онъ тихо въ кресла опустился
И головой поникъ на грудь,
И молча въ думу погрузился.
Не въ силахъ тѣла повернуть,
Онъ долго внутренно встревоженъ
Сидѣлъ глубоко уничтоженъ.
Потомъ рукой по лбу провелъ,
Какъ-будто умъ его закруженъ,
И чувствуя, что воздухъ нуженъ,
Пройтись по улицѣ пошелъ.
Встрѣчались люди, — онъ съ испугомъ
Вдругъ поворачивалъ назадъ,
Какъ-будто всѣ его корятъ
За обращенье съ старымъ другомъ.
Завидѣлъ онъ издалека
На жалкихъ дровняхъ мужика —
И будто слышитъ возгласъ рьяный:
«Вотъ баринъ пьяный! баринъ пьяный!»
Домой вернулся — тутъ Иванъ...
А онъ Ивану вдругъ со злобой:
«Что смотришь? Думаешь, я пьянъ?...»
И странно удивились оба.
Къ себѣ приходитъ въ кабинетъ, —
Тутъ Павла перваго портретъ,
Точь-въ-точь живой, глядитъ, хохочетъ
И будто палкой стукнуть хочетъ,
Пыхтитъ какъ-будто на морозъ
И дерзко вздергиваетъ носъ,
И говоритъ самодержавецъ:

«Пошелъ ты, пьяница, мерзавецъ!»
Вездѣ встрѣчаетъ слухъ и взоръ
Или насмѣшку, иль укоръ;
Онъ слушать, онъ глядѣть не смѣетъ,
И тайный ужасъ имъ владѣетъ,
И Катя думала сама,
Что онъ совсѣмъ сошелъ съ ума.

Хотѣлъ въ порывахъ сокрушенья
Андрей Потапычъ иногда
У старика просить прощенья,
Но не рѣшался отъ стыда.
Пить пересталъ; почти не видѣлъ
Онъ никого, сидѣлъ одинъ,
Какъ-будто міръ возненавидѣлъ.
Чтобъ разогнать печальный сплинъ,
Великъ былъ трудъ для бѣдной Кати.
Но какъ-то было все некстати:
Затянетъ пѣсню, — онъ рукой
Махнетъ, нахмурясь какъ больной.
Съ ума, конечно, онъ не спятилъ,
Но жизни мощь уже утратилъ;
Вино ли выжгло силы въ немъ,
Или раздумье подточило
Всеразъѣдающимъ огнемъ,
И тѣло грустно истомила
Неодолимая борьба
Поступковъ явныхъ съ тайнымъ мнѣньемъ,
Казня безплоднымъ сожалѣньемъ?

Или вмѣшалася судьба,
Случайныхъ недуговъ порука?
Какъ это знать? Скупа наука!
Съ вина ль, съ простуды, иль съ тревогъ
Андрей Потапычъ занемогъ,—
А все жъ болѣзнь своей дорогой
Пошла съ законностію строгой.
А тутъ повѣяло весной,
Пошли отъ оттепели лужи,
И воздухъ вкрадчиво сырой
Все тѣло обдавалъ тоской...
И вотъ больному стало хуже.
Еще бродилъ онъ кое-какъ,
Но было все ему не такъ,
Онъ тосковалъ, глаза блестѣли
И щеки впалыя горѣли.
Вся кровь казалась горяча...
Онъ слегъ и таялъ какъ свѣча:
То видѣлъ онъ въ бреду жестокомъ —
Отецъ и мать пришли съ упрекомъ;
То Катю съ нѣжностію звалъ
И какъ-то грустно цѣловалъ;
То дѣлался тревожнѣй вдвое
И имя называлъ другое,
Ей незнакомое... И вдругъ
Онъ улыбался сквозь недугъ
И, слабыя поднявши руки,
Шепталъ въ припадкѣ тайной муки:
«Отдайте молодые сны,

Когда всѣ были впечатлѣнья,
Какъ дѣтство мирное, ясны,
Свѣжи, какъ утромъ дуновенья
Благоухающей весны!...»
И голосъ слабаго взыванья
Смолкалъ отъ слезъ, среди рыданья.
Пріѣхалъ докторъ, поглядѣлъ,
Пощупалъ пульсъ и грудь послушалъ,
И за попомъ послать велѣлъ;
Спросилъ позавтракать, покушалъ
И поспѣшилъ домой какъ могъ,
Боясь испорченныхъ дорогъ.
Склонивъ колѣни у постели,
Стояла Катя вся дрожа,
Больного за руки держа;
Но тихо руки холодѣли,
Остановился мутный взоръ,
Въ лицѣ застылъ тупой укоръ...
И жизнь окончила тревогу.
Ну! плачьте и молитесь Богу!

Что станешь дѣлать? Мужики
Между собой потолковали,
Что дни ихъ были не легки,
А лучше будетъ имъ едва ли;
Что былъ онъ добрый человѣкъ,
Хотя прикащикъ ихъ и сѣкъ.
«И кто теперь въ наслѣдство вступитъ?
Быть-можетъ дальняя сестра?...

Ну, говорятъ, она добра!
Ну! а какъ съ торгу кто насъ купитъ?
Вотъ это ужъ неловко намъ!
Военный, что ль, какой полковникъ,
Да станетъ самъ бить по зубамъ;
Или нажившійся чиновникъ,
Пожалуй съ виду и не строгъ,
А выжметъ весь послѣдній сокъ!»

Тепла бояся, положили
Покойника скорѣе въ гробъ
И въ церкви гробъ постановили
(А дома тѣло загнило бъ).
Кругомъ зажгли большія свѣчи,
Всю ночь псалтырь читалъ дьячокъ,
Да двѣ старухи, въ уголокъ
Забившись, причитали рѣчи.
У гроба трепетно блѣдна
Стояла Катя середь ночи.
Ланитъ румяная весна
Исчезла, потускнѣли очи,
Безпечной рѣзвости чреда
Съ лица сбѣжала безъ слѣда.
Она одна! и что-то будетъ?
Наслѣдникъ, кто бы ни былъ онъ,
Ее заброситъ и забудетъ...
Все это точно страшный сонъ!
Она быть-можетъ виновата
Передъ покойникомъ! Ему

Была не пара, глуповата,
Не обучалась ничему...
И Катя сильно упрекала
Себя, а въ чемъ — не понимала.
«И вотъ лежитъ, голубчикъ мой,
Такъ тихъ, какъ-будто восковой!»
По церкви мракъ бродилъ уныло,
И сырость пахла и томила,
И чтенья равномѣрный звукъ
Трещалъ какъ дальній, мелкій стукъ;
Ей было страшно, было больно,
И слезы капали невольно.

Кузьма Терентьевъ съ становымъ
Всѣ шкапы — времени не тратя —
И двери заперли, и къ нимъ
Тотчасъ привѣсили печати,
Конечно прежде раздѣливъ
Все, что могли, чего желали,
Какъ былъ еще покойникъ живъ;
А Катю изъ дому согнали,
На память не хотѣли дать
Ни перышка и стали звать
Такъ просто Катькой — Катерину
Ильинишну...

Вотъ про кончину
Узнала барышня, предметъ
Любви въ теченьи пяти лѣтъ.

Сгрустнулось ей, она жалѣла...
То было вечеромъ: она
Сбиралась лечь, желая сна,
И передъ зеркаломъ сидѣла
И любовалася собой,
И русый локонъ завивала
Своею бѣленькой рукой,
И на ночь шпилькой укрѣпляла,
И думала: «Такъ умеръ другъ!...»
Но какъ-то вспомнилось ей вдругъ,
Мечтая надъ покойнымъ другомъ,
Что былъ Потапъ его отецъ;
Могло бъ случиться наконецъ—
Потапычъ сталъ бы ей супругомъ!...
И тутъ она полушутя
Расхохоталась какъ дитя;
Надѣла кофточку тревожно,
Покрыла волосы платкомъ
И завязала узелкомъ
У самой шейки осторожно;
Потомъ въ постель легла она,
Закуталась, свѣчу задула,
Да потихоньку и заснула,
Дыша спокойно середь сна;
И мертвый другъ, и сожалѣнье,
Все прошлое пришло въ забвенье,
И жизни пустозвучный ходъ
Своимъ путемъ пошелъ впередъ.

СНЫ.

Часы старинные въ столовой
Пробили полночь. Старый князь,
Всѣмъ тѣломъ къ отдыху готовый,
Сталъ раздѣваться, спать ложась.
Съ лицомъ, исполненнымъ боязни,
Какъ-будто ждалъ заутра казни,
Вокругъ заботился слуга
Въ ливреѣ, вышитой гербами.
Уже была его перстами
Разута барская нога;
Онъ волю барскую пугливо
Читалъ во взглядѣ, и привыкъ
Ходить на цыпочкахъ, но живо,
И преклоняться молчаливо,
Внимая брань иль грозный крикъ.
Но вечеръ весь шелъ тихъ и миренъ;
Князь въ этотъ разъ былъ вовсе смиренъ
И гладко-голое чело
Сіяло важно и свѣтло;

Князь чувствомъ счастья былъ подавленъ,
Что утромъ къ лентѣ былъ представленъ.

Въ богатой спальнѣ въ ту же ночь,
Въ тотъ самый часъ, уже лежала
Подъ мягкимъ шелкомъ одѣяла
Его молоденькая дочь,
На ложѣ медленно вздыхая,
Отъ тайныхъ думъ не засыпая.
И тутъ же у стѣны другой,
Въ постели мягкой гувернантка,
Временъ минувшихъ парижанка,
Съ своей дѣвической душой,
Съ лицомъ морщинистымъ и старымъ,
Съ главой, повязанной фуляромъ,
Жалѣла, что пора пресѣчь
Неистощаемую рѣчь.
Все было тихо въ этой спальнѣ...
Едва могъ долетать до ней,
Какъ отголосокъ смутно-дальній,
Съ морозныхъ улицъ скрипъ саней.
Лампада томная дрожала
И круглый отблескъ колебала
На потолкѣ, а снизу тьма
Была докучна и нѣма.
Сквозь щель опущенной гардины,
Упавшей на двѣ половины,
Насупротивъ былъ виденъ домъ,
И кровля длинная на немъ

Бѣлѣлась холодно, уныло;
По ней печальна и ясна
Мерцала кроткая луна,
И такъ все тихо, тихо было,
Что безотчетно сердце ныло.

О чемъ же думала княжна?
Съ бѣды ль прямой, иль съ небылицы
Такъ долго медлила она
Сомкнуть усталыя рѣсницы
И по лбу бѣлому порой
Водила медленно рукой?
Зачѣмъ тихонько грудь вздыхала,
Зачѣмъ нерѣдко выступала
На темно-синіе глаза
Тоски невольная слеза?
Въ ея лѣта воспоминанья
Не шевелятъ еще страданья,
Легко бы жизнь идти должна...
И гдѣ сыскать завиднѣй долю?
И юность, и богатства вволю,
Да и красавица она!
Все это такъ, княжна не знала,
Чего ей надо, но скучала.
Едва десятки школьныхъ книгъ —
Забвенья ради — склавъ на полку,
Она про мертвый ихъ языкъ,
Въ которомъ не добилась толку,
Безъ муки вспомнить не могла,

И умъ ребячески-пытливый
Сгоралъ въ тоскѣ нетерпѣливой,
И книгъ живыхъ она ждала,
И въ мглѣ загадочныхъ стремленій
Искала чудныхъ откровеній.
Но не съ кѣмъ было слова ей
О думѣ вымолвить своей.
Понять душевную тревогу
Едва ль могла мамзель Приве —
И только шила по канвѣ,
Болтала и молилась Богу.
А между тѣмъ княжна сама
Не находила тайной битвѣ
Исхода ни въ одной молитвѣ;
Съ отцомъ она была нѣма,
Князь вѣчно сухъ былъ и серьезенъ,
Но вовсе самъ не религіозенъ.
Недавно Мери привезли
Изъ тишины деревни дальней,
И въ шумъ столичный, говоръ бальный
Ее — стыдливую — ввели.
Ей было жаль деревни милой,
Ея лѣсовъ, ея полей,
И сада липовыхъ аллей,
И рѣчки тихой и унылой;
Была тамъ старой няни дочь
Ея подругой простодушной,
Въ затѣяхъ жизни мирно-скучной
Умѣла весело помочь;

Хоть Мери съ ней не говорила
Про все, но отъ души любила.
А здѣсь, между чужихъ, княжна
Такъ безпріютна, такъ одна...
Она любить бы такъ хотѣла —
И не любила никого,
А втайнѣ жаждала такъ смѣло
Всей жаждой сердца своего
И мысли новой и обильной,
И страсти пламенной и сильной.
Вотъ отъ чего ночной порой,
На ложѣ медленной тоской
Томилась Мери, и не знала,
Чего ей надо, но скучала.
А усталь стала брать свое:
Тускнѣли помыслы дѣвицы
И навѣвалось забытье,
Сомкнулись длинныя рѣсницы
И неподвижно — какъ была —
Осталась ручка близъ чела;
Сквозь трепетъ тайнаго броженья
Подкрались тихо сновидѣнья
Съ толпою образовъ своихъ
Безплотныхъ, странныхъ, но живыхъ.

Ей снилось — теплою струею
Пахнуло воздухомъ весны,
Долина спитъ подъ синей мглою
Въ сіяньи дремлющемъ луны.

Въ ночномъ серебряномъ покоѣ
Ручья паденіе живое
Ласкаетъ ухо шумомъ водъ,
Звучатъ невѣдомыя струны
И голосъ сладкій, голосъ юный,
Весь въ душу льющійся, поетъ:

Роза дѣвственная дремлетъ
Въ свѣжей зелени листовъ
И въ ночи спокойно внемлетъ
Звуку робкихъ голосовъ.
Но подъ утреннимъ привѣтомъ,
Подъ живымъ лобзаньемъ дня
Развернется пышнымъ цвѣтомъ
Роза юная моя,
И въ душистомъ пробужденьи,
Въ блескѣ жизни и красы
Заколеблетъ въ упоеньи
Капли свѣтлыя росы.
Сбрось, дитя, дремоту ночи,
Чуткимъ сердцемъ оживи,
Тихо вызови на очи
Слезы счастья и любви!...

Но голосъ смолкъ. Долина скрылась
И быстро въ сумракѣ луна
Дрожитъ и гаснетъ... Вдругъ княжна
На шумномъ балѣ очутилась.
Свѣтло какъ днемъ. Толпа гостей,

Усы, мундиры, фраки, шпоры,
Цвѣты, перчатки, блескъ очей,
Волосъ роскошные уборы;
Бѣлѣе томныхъ жемчуговъ
Красавицъ выпуклыя плечи;
Все вѣетъ запахомъ духовъ,
Сквозь общій гулъ мелькаютъ рѣчи,
И звуки музыки полны
Волшебной нѣгой и стремленьемъ...
Княжна танцуетъ съ увлеченьемъ;
Вотъ на нее обращены
Лорнеты, и она невольно
Краснѣетъ и собой довольна.
Но конченъ вальсъ. Княжна глядитъ
Съ неяснымъ чувствомъ утомленья.
Madame N.N. вблизи сидитъ
И съ гордостью пренебреженья
На Мери и ея нарядъ
Завистливый бросаетъ взглядъ
И, улыбаясь, вновь отводитъ
И съ кѣмъ-то злую рѣчь заводитъ.
Неловко Мери. Къ ней подсѣлъ
Столичный франтъ — и надоѣлъ;
Несносенъ говоръ, воздухъ душенъ
И балъ становится ей скученъ.
Но вотъ — мечта, иль тайный звукъ,
Или предчувствіе мелькнуло
И сердце ей пошевельнуло, —
Но Мери встрепенулась вдругъ

И смотритъ... Изъ толпы шумливой
Выходитъ юноша красивый.
Ей кажется, что съ нею онъ
Знакомъ съ младенческихъ временъ...
И гдѣ она его встрѣчала?...
И не во снѣ ль его видала?...
Чело открытое хранитъ
И смѣлость думъ, и гордый видъ;
Во взорѣ ясное сознанье
Какой-то силы молодой,
Въ себѣ носящей ключъ живой
Прямой любви и состраданья.
Онъ къ ней подходитъ, говоритъ
И въ голосѣ его звучитъ
Любимой пѣсни или сказки
Знакомый лепетъ, полный ласки,
И отголосокъ юныхъ сновъ
Она внимаетъ въ звукѣ словъ:

«Я знаю васъ. Я съ умиленьемъ
Слѣдилъ за вами съ дѣтскихъ лѣтъ,
На жизни розовый разсвѣтъ
Смотрѣлъ съ безмолвнымъ восхищеньемъ.
Вы расцвѣтали какъ цвѣтокъ,
Налюбоваться я не могъ!
Я все люблю въ васъ, всѣ движенья,
И цвѣтъ волосъ, и стройность рукъ,
Улыбки грусть и примиренье,
И вашей рѣчи милый звукъ;

Глаза... Въ нихъ столько страсти нѣжной
И столько кроткой тишины,
Они такъ сини и темны,
Какъ небо ночью безмятежной.
Я ваше сердце и вашъ умъ,
Весь тайный жаръ и чувствъ, и думъ,
Всѣ ваши чистыя стремленья,
Всѣ мысли, жгучія сомнѣнья,
Я все въ васъ знаю, все люблю,
Я вамъ всю душу отдаю.
Пойдемте вмѣстѣ дружнымъ ходомъ;
Какъ для меня, для васъ святы
Мои надежды и мечты;
Вы сердцемъ связаны съ народомъ;
Съ отцовской волею борьба
Въ васъ не страшила духъ упорный,
Вы заступались за раба,
Встрѣчая власти гнетъ позорный...
При васъ мнѣ на сердцѣ тепло,
Я понимаю такъ свѣтло
Всю прелесть нѣжности природной
И силу воли благородной.
И что̀ грядущіе года
Для насъ готовятъ въ этомъ мірѣ—
Работу ль полную плода,
Иль горечь тщетнаго труда,
Затишье жизни, даль Сибири...
Что бъ ни было — въ чаду тревогъ,
Въ глуши безрадостной пустыни—

Любовь намъ счастія залогъ
И мы найдемъ въ ея святынѣ
Для сердца теплый уголокъ.»

Ея рука уже лежала
Въ его рукѣ и крѣпко жала,
И чувства больше не тая,
Она шепнула: «я твоя!»
Кругомъ въ толпѣ недоумѣнье,
Шептанье, странное волненье,
Всѣ смотрятъ точно на пожаръ,
И Мери страшно и обидно.
Но вотъ зоветъ ее гусаръ
На польку; отказаться стыдно,—
Идетъ съ тревожностью лица,
Но не танцуетъ до конца,
На мѣсто прежнее уходитъ
И... никого тамъ не находитъ.
Исчезъ ея желанный другъ...
Она дрожитъ, она блѣднѣетъ,
Она собою не владѣетъ,
Глядитъ съ отчаяньемъ, — и вдругъ
Бѣжитъ, бѣжитъ искать по залѣ...
Всѣ лица прежнія на балѣ,
Родныхъ встрѣчаетъ кой-кого,
Но нѣтъ его, все нѣтъ его!
Вотъ дѣва зрѣлая, недавно
Знакомая, проходитъ плавно...
«Его вы видѣли?» — «Кого?» —

«Ахъ, Боже мой! Его, его,
Кого люблю, кого желаю...» —
«Ахъ, Мери! я его не знаю».
И Мери далѣ. У дверей
Стоитъ затянутый лакей;
Ея вопросъ его тревожитъ.
«Вамъ нужно папеньку, быть-можетъ?»
Онъ отвѣчаетъ, и княжна
Уходитъ прочь, огорчена.
Хозяйка дома ей навстрѣчу:
«Позвольте, Мери, я съ трудомъ
Сама рѣшаюсь, но замѣчу,
Что вы позорите мой домъ.»
Но Мери мимо, все печальнѣй...
Въ диванной старики втроемъ
Сидятъ за карточнымъ столомъ;
Одинъ изъ нихъ ей сродникъ дальній,
Съ губами тонкими старикъ,
Худой и дерзкій на языкъ.
Старикъ держалъ валетъ бубновый;
Вдругъ Мери, за руку его
Схвативъ, спросила у него:
«Его вы видѣли?» — «Да что вы,
Княжна? помилуйте, кого?» —
«Какъ вамъ не знать!... Онъ благороденъ,
Такъ простъ въ движеньяхъ и свободенъ,
Такъ сердцемъ чистъ, такъ въ мысляхъ смѣлъ...»
Старикъ, прищурясь, поглядѣлъ
И карты отложилъ направо,

И улыбнулся такъ лукаво,
Такъ губы сжавъ, что вмѣсто рта
Осталась злостная черта;
Взялъ табакерку золотую,
Открылъ, понюхалъ и сказалъ:
«Я, право, въ васъ не ожидалъ
Найти проказницу такую.
Его, княжна, я не видалъ;
Здѣсь никого нѣтъ въ этомъ родѣ,
И даже, если бъ было въ модѣ,
Чтобы такіе господа
Сюда являлись иногда, —
Вы имъ не вѣрьте. Въ нихъ, ей-Богу,
Играетъ кровь на мигъ одинъ,
А тамъ остынетъ понемногу,
И хуже тряпки господинъ
Такой выходитъ баринъ смирный —
Ничтожнѣй двойки некозырной.»

Едва дослушавъ до конца
Холодной рѣчи смыслъ суровый,
Княжна бѣжитъ на поискъ новый...
Вдругъ видитъ предъ собой отца.
Онъ съ кѣмъ-то щегольски одѣтымъ,
Чьи безполезно бровь и глазъ
Обезпокоены лорнетомъ.
«А! отыскали въ добрый часъ!»
Промолвилъ старый князь протяжно;
Звѣзда сіяла, и чело

Сіяло голо и свѣтло,
И онъ, взглянувъ на Мери важно,
Сказалъ торжественъ и тихъ:
«Вотъ это, Мери, твой женихъ!»
У бѣдной Мери грудь стѣснилась
И закружилась голова,
Она стоять могла едва
И сердце билось, билось, билось...

А между тѣмъ мамзель Приве
Уснула въ свой чередъ не даромъ,
И въ этой старой головѣ,
Тепло повязанной фуляромъ,
Свои перебѣгали сны,
Воспоминанія полны.
Сначала снилось ей — сбиралась
Куда-то на вечеръ она
И передъ зеркаломъ одна
Своимъ нарядомъ занималась.
Какая страшная тоска —
Сѣдыхъ волосъ и нивѣсть сколько!
Ихъ выщипать — дрожитъ рука,
Ну — просто больно да и только!
Взяла румяна. Боже мой!
О, годы! вы неумолимы!
Худыя щеки, носъ большой,
Слѣды морщинъ неисправимы...
Хлопочетъ, щиплетъ, мажетъ, третъ,
А дѣло все нейдетъ впередъ,

И все морщинка уцѣлѣла,
И все серебряной иглой
Мелькаетъ волосокъ сѣдой...
Она задумалась и сѣла.
Уже давно своимъ трудомъ,
Твердя Ноэля и Шапсаля,
Она живетъ — дѣтей печаля,
И не одинъ россійскій домъ
Ей благодаренъ за умѣнье
Съ раскатцемъ R произносить,
Цвѣтистымъ слогомъ говорить
И вздору придавать значенье.
Что жъ? Сколотила капиталъ,
Но онъ, къ несчастію, такъ малъ,
Что, какъ ни дѣйствуй осторожно, —
Жить на проценты невозможно.
А завтра замужъ выдь княжна,
Она останется одна,
Безъ мѣста, безъ друзей, безъ крова...
Куда подчасъ судьба сурова!
«О! гдѣ же годы тѣ, когда
Была я тоже молода?...»
И передъ ней воспоминанья
Такъ ясно начали сквозь сонъ
Вставать изъ тусклаго молчанья,
Что образы иныхъ временъ
Совсѣмъ воскресли, какъ живые;
Всѣ люди близкіе, родные,
И каждый стулъ, окно иль дверь —

Все живо вотъ какъ бы теперь;
И, видя прежніе предметы,
Она сама передъ собой
Опять является такой,
Какой была въ иныя лѣта.

Вотъ близъ столицы, ей родной,
Дряхлѣетъ монастырь святой
Съ своей оградой невеселой,
И корридорами, и школой.
Монахинь неослабный взоръ
За юнымъ женскимъ поколѣньемъ
Здѣсь держитъ бдительный надзоръ;
Въ саду играетъ съ увлеченьемъ
Дѣвченокъ маленькій народъ,
И бродятъ взрослыя дѣвицы;
Mam'selle Privé ихъ узнаетъ —
Давно знакомыя ей лица...
Межъ ними и сама она;
Она собою недурна,
И станъ довольно схваченъ ловко,
И очень милая головка
Съ глазами черными, съ косой
Какъ воронъ черной и густой,
Съ улыбкой милою, но строгой,
И носомъ сгорбленнымъ немного.
Она не прочь бы раздѣлить
Затѣи шалости невинной,
Но напередъ рѣшилась быть

Всегда послушною и чинной;
Къ тому жъ съ подругами она
Не хочетъ слишкомъ быть дружна,
Хотя и есть въ ней непонятный
Избытокъ нѣжности къ одной
Блондинкѣ рослой и прямой,—
Ну! та породы очень знатной.
Mam'selle Privé ведетъ себя
Со всѣми очень благонравно;
Она и учится исправно,
Напрасно время не губя;
Хотя варьяціи и шибки,
Она бренчитъ ихъ безъ ошибки;
Въ наукѣ вѣруетъ всему,
Чему прикажутъ, не желая
Навлечь сомнѣнія уму;
Она довольствуется, зная,
Что въ небѣ Троица святая,
А въ Римѣ папа, что народъ,
Державно милуя, пасетъ
Король законный — Карлъ десятый,
Отчизны истинный отецъ,
Но смертный; долженъ наконецъ
Такимъ отцомъ быть Генрихъ пятый
Она, изгнавъ изъ сердца грусть,
Все это знаетъ наизусть.
Къ монастырю, его покою,
Однообразію вещей,
Одеждъ, занятій и рѣчей —

Хотя и скучно ей порою —
Она привыкла, какъ въ тюрьмѣ
Привыкнуть можно годъ отъ году:
Глазъ привыкаетъ къ полутьмѣ,
Иль ухо къ часовому ходу.
И вотъ ей колокола звонъ
Звучитъ сквозь трепетъ сновидѣнья...
То часъ вечерняго моленья!
Готовясь на грядущій сонъ,
Монахини чредою чинной
Вступаютъ въ корридоръ пустынный;
Передъ Мадонною святой
Горитъ свѣча, и отблескъ длинный
Печально борется со тьмой,
И сестры, жертвуя святынѣ,
Поютъ (и все немножко въ носъ,
Какъ по привычкѣ завелось)
Свою молитву по-латынѣ.
Но между сестрами одна,
Въ душѣ нося любовь святую,
Къ mam'selle Privé привлечена,
Ей замѣняетъ мать родную,
Ей посвящаетъ каждый трудъ
Мольбой не занятыхъ минутъ.
Сестра Тереза ей предстала
Подъ сѣнью бѣлой покрывала.
Она въ томъ возрастѣ, когда
Тревожной юности года,
Разбивъ души невинной цѣлость,

Уныло переходятъ въ зрѣлость.
Сосредоточена, блѣдна,
Въ движеньяхъ медленныхъ достойна,
Среди сестеръ была она
Всегда печальна, но спокойна.
Хоть толки шли въ монастырѣ,
Что, предаваяся хандрѣ,
Она старается напрасно
Забыть обманъ любви несчастной,
Но никому до этихъ поръ,
Въ мигъ откровенности случайной,
Не довѣрялъ завѣтной тайны
Ея нешумный разговоръ
Или раздумья полный взоръ.
И если въ ней къ кому пристрастье
Рождало нѣжное участье,—
Такъ это къ голубю, давно
Къ ней прилетавшему въ окно.
Святого ль духа образъ вѣчный,
Занятье ль праздности сердечной
Ей были милы, но его
Она, какъ друга своего,
Любила, холила, кормила...
И умеръ онъ!... Она грустила
Сестрѣ подобно иль вдовѣ,
Потомъ внезапно полюбила —
Какъ голубя — mam'selle Privé.
И видитъ дѣва пожилая,
Лелѣя отроческій сонъ

Давно утраченныхъ временъ,—
Сестра Тереза, какъ живая,
Все той же ласковой рукой
Ее уводитъ за собой.
Мерцаетъ лампа, тихо въ кельѣ;
Сестра Тереза рѣчь ведетъ
О душъ загробномъ новосельѣ,
О томъ, какъ ангеловъ полетъ
На крыльяхъ радужныхъ прекрасенъ,
Какъ ликъ ихъ свѣтелъ, взоръ ихъ ясенъ
И сладокъ голосъ, какъ душа
Въ жилищахъ горнихъ хороша...
Сестра Тереза бы желала,
Чтобы любимица ея
Заботу міра промѣняла
На монастырское житье,
Вдали житейскаго волненья
Нашла бы вѣрный путь спасенья.
Въ душѣ mam'selle Privé самой
Къ сестрѣ Терезѣ на мгновенье
Мелькаетъ тайное влеченье,
Подобье дружбы молодой
Съ ея привязанностью нѣжной,
Какъ проблескъ утра безмятежной;
Но чаще въ ней передъ сестрой
Иное чувство обладаетъ,
И дружба мѣсто уступаетъ
Одной покорности тупой,
Наружно доброй, но сухой.

Ей странны въ инокинѣ милой
Усталый и спокойный видъ
И ликъ мечтательно-унылый;
Ей странно, что она глядитъ
Такъ грустно, грустно говоритъ:
«Одна святая вѣра въ Бога
Душѣ способна дать покой.
Ты молода еще, другъ мой,
Ты ждешь отъ жизни очень много...
О! выходя за нашъ порогъ,
Ты ждешь и счастья, и тревогъ
Все чрезвычайныхъ и безмѣрныхъ,
Неслыханныхъ и безпримѣрныхъ —
А жизнь скупа; ни сильныхъ бѣдъ,
Ни счастья сильнаго въ ней нѣтъ.
Какъ лучше объяснить бы это?
Тебѣ случалось ли одной
Сидѣть и слушать... Слышенъ гдѣ-то
Далеко въ тишинѣ ночной
Напѣвъ, мечтаемый тобой...
И вдругъ продребезжитъ карета,
Спѣша по темной мостовой...
Ну, что жъ? Кареты шумъ случайный
Не есть же признакъ грозныхъ бѣдъ;
А смолкъ блаженства голосъ тайный,
Исчезъ, исчезъ, простылъ и слѣдъ!...
Дитя, повѣрь мнѣ, въ жизни свѣта
Найдешь ты именно вотъ это,
Увидишь — какъ ни тяжело, —

Что вѣчно крошечное зло
Настолько счастью помѣшаетъ,
Что счастья вовсе не бываетъ,
А зло не важно... Жизнь мелка
И только скука велика.
Когда же отдаешься Богу,
Душа свѣтлѣетъ понемногу...»
Монахинѣ mam'selle Privé,
Вперивъ недвижный взоръ, внимаетъ
И ничего не понимаетъ.
У ней все смутно въ головѣ:
Молитва, папа, Богъ распятый,
Аѳины, credo, Римъ, символъ,
Лагарпъ, неправильный глаголъ,
Души безсмертье, Карлъ десятый, —
Все это истины; она
Имъ вѣкъ останется вѣрна...
Но отчего же постоянно
Сестра Тереза такъ грустна?
Чего же ждетъ еще она?
Все это какъ-то очень странно!
Но вотъ полгода наконецъ
Пройдутъ же, — время небольшое —
И въ фьякрѣ явится отецъ
И увезетъ дитя родное
Изъ школы скучной и святой
По шумнымъ улицамъ домой.
Ей платье новое готово,
Она людей увидитъ снова,

Начнутся танцы, говоръ, смѣхъ...
Ахъ! можетъ-быть, все это грѣхъ!...
Но вдругъ въ монастырѣ смятенье,
Всѣхъ разомъ охватилъ испугъ:
Отъ города пронесся вдругъ
Какой-то гулъ. Борьба? сраженье?...
Какъ грома дальняго раскатъ,
Слышна пальба, трещитъ набатъ;
Сестра Люси сама слыхала —
Надъ садомъ пуля просвистала;
Весь блѣдный, сторожъ прибѣжалъ
И вѣсть принесъ, что Карлъ десятый,
Народной силою прижатый,
Съ престола въ Англію бѣжалъ;
Всѣ въ страхѣ вытянулись лица,
Дрожатъ и сестры, и дѣвицы...
Mam'selle Privé сама въ бреду
Перевернулась, помычала,
И сны иные грезить стала,
Ловя былое на ходу.

И видитъ — вотъ ея отецъ,
Опрятный, толстенькій купецъ
Со взглядомъ мило-плутоватымъ
И носомъ бойко-крючковатымъ,
Контору заперъ и идетъ,
Къ обѣду весело зоветъ;
Спѣшатъ домашніе, тѣснятся,
И вотъ за столъ они садятся:

Отецъ, она, еще сестра
Madame Privé, давно покойной,—
Она глуха да и стара,—
Еще monsieur Ragout, достойный,
Хотя и юный адвокатъ,
Еще прикащикъ и... «Но врядъ
Еще кто будетъ ли?... Такъ что же?
Горячій супъ всего дороже!
Займемтесь!...» И monsieur Privé
И разливаетъ, и болтаетъ,
Смѣется, шутитъ, угощаетъ;
Хоть крѣпко помнитъ въ головѣ
Légion, продѣтую въ петлицу,
Но рѣжетъ жареную птицу
Отмѣнно быстро и умно...
Вдругъ злость въ глазахъ его блеснула:
«Опять на скатерти пятно!»
Mam'selle Privé съ нимъ заодно,
Вскочила съ рѣзкостью со стула —
Оскорблена, возмущена,
И позвала слугу она,
И показала, и сказала,
Что разъ ужъ вычетъ сдѣланъ былъ
За то, что онъ стаканъ разбилъ,
Но что впередъ, во что бъ ни стало,
Хоть будь проступокъ невеликъ,
Его прогонятъ въ тотъ же мигъ.
Monsieur Ragout сидитъ, вздыхаетъ;
Ее онъ любитъ и страдаетъ...

Онъ демократъ! — Ему была
Вся эта сцена, какъ пила
По сердцу...

Но къ концу обѣда
Живѣй становится бесѣда;
Monsieur Privé подать велѣлъ
Бордо — и вновь повеселѣлъ.
Не вѣдая сердечной муки,
Самодовольствомъ озарясь,
Себѣ онъ потираетъ руки
И говоритъ полусмѣясь:
«Да, не совсѣмъ-то нашу вѣру
Хранитъ моя родная дочь;
Но феодальную химеру
Поможетъ опытъ превозмочь.
Пока пускай себѣ мечтаетъ,
Пускай глядитъ себѣ въ окно,
Какой виконтъ тамъ проѣзжаетъ
Иль дюкъ... Мнѣ дорого одно:
Она къ хозяйству привыкаетъ!
Повѣрьте мнѣ, mon cher Ragout, —
Я опытенъ и я не лгу, —
Все это вздоръ, все это бредни —
Всѣ ихъ Шамборы и обѣдни;
И славный нашъ тридцатый годъ,
Нашъ коренной переворотъ —
Онъ вѣчность всю переживетъ!
Была бы собственность священна,

Порядокъ былъ бы сохраненъ,
И будетъ быстро излѣченъ
Недугъ народный совершенно.»
Ragout весь вспыхнулъ и вскочилъ,
Потомъ ступилъ назадъ три шага
И шагъ впередъ; въ лицѣ отвага;
Онъ руки на груди скрестилъ,
Закинулъ голову, глазами
Повелъ восторженно кругомъ
И началъ тихо, но мѣстами
Все голосъ возвышалъ потомъ:
«Клянусь святою тѣнью Брута
И тѣнью матери моей,
Прискорбнѣй тысячи смертей
Мнѣ жизни каждая минута!
Нѣтъ, нѣтъ! Еще не спасъ народъ
Мѣщанскій вашъ переворотъ.
Предвижу ваше я паденье,
Народа новое житье,
Гдѣ, сдѣлавъ общее имѣнье,
Отдѣлятъ каждому свое.
Была бъ любовь — и міръ свободный
Создастъ союзъ международный;
Вдобавокъ гильотина есть:
Она вашъ узкій безпорядокъ
Въ день, въ два (положимъ, въ шесть)
Въ священный приведетъ порядокъ.
Недолго Франціи народъ
Потерпитъ мнимую свободу,—

Повѣрьте, не пройдетъ и году,
И будетъ вновь переворотъ!»
Старикъ вспылилъ, возникли споры
И дѣло чуть нейдетъ до ссоры,
Кричатъ, кричатъ, бранятся... Но
Потомъ играютъ въ домино,
И вечеръ дружно, тихо млѣетъ...
  Но вотъ старикъ Приве блѣднѣетъ
И падаетъ... Что, что?... Глядятъ,
А онъ ужъ мертвый!... Всѣ молчатъ.
Ну! мертвый, мертвый совершенно,
Уже и холоденъ какъ ледъ;
Всѣхъ разомъ ужасъ обдаетъ,
Стоятъ, оцѣпенѣвъ мгновенно.
Но вотъ, жалѣя и любя,
Mam'selle Privé пришла въ себя
И плачетъ. Вносятъ гробъ дубовый
И положили старика;
Его отвислая щека
И носъ горбатый — видъ суровый
Лицу тупому придаютъ.
Проходитъ нѣсколько минутъ...
Вослѣдъ одѣтой въ трауръ свитѣ
Священникъ входитъ пожилой;
Старуха машетъ имъ рукой:
«Тс! тише!» — шепчетъ, — «не ходите —
Разбудите! Подите прочь!»
Всѣ шопотомъ жалѣютъ дочь.
Какой-то господинъ высокій

Вошелъ съ бумагой и сказалъ:
«Долговъ покойника далеко
Не превышаетъ капиталъ.»
Какъ? остается волей неба
Mam'selle Privé совсѣмъ безъ хлѣба?
Всплеснувъ руками, тихо къ ней
Идетъ Ragout и шепчетъ ей:
«Вы сирота и безъ имѣнья;
Молю любовію святой —
Не отрицайте предложенья
И будьте вы моей женой.»
Но, подавляя скорбь и муку,
Она спѣшитъ сообразить:
«Виконтъ предложитъ, можетъ-быть,
Свою породистую руку...»
И вотъ monsieur Ragout какъ-разъ
Она учтиво отклоняетъ
И, извиняя свой отказъ,
Его до двери провожаетъ...

Дверь распахнулась. На дворѣ
Мятель, и снѣгъ летитъ клоками,
Исчезли улицы съ домами,
И все темно въ ночной порѣ.
Кругомъ лежитъ пустое поле
Подъ снѣгомъ бѣлымъ, и надъ нимъ
Тоскуетъ голосомъ глухимъ
Бездомный вихрь, носясь по волѣ.
Mam'selle Privé одна, въ тоскѣ,

Усѣвшись на свои пожитки,
Дрожитъ отъ холода въ кибиткѣ.
Сидитъ ямщикъ на облучкѣ
И рядомъ съ нимъ, качаясь, дремлетъ
Въ тулупѣ, скорчившись, слуга;
Они все ѣдутъ, все вьюга
Знобитъ лицо и вой подъемлетъ.
Но наконецъ—село и домъ.
Ямщикъ къ воротамъ — и въѣзжаетъ.
Лакей мамзель передъ крыльцомъ
Изъ-подъ рогожекъ вынимаетъ.
Уже въ передней отъ сѣней,
Клубясь въ пару оледенѣломъ,
Докучный запахъ вслѣдъ за ней
Идетъ и пахнетъ въ домѣ цѣломъ;
Навстрѣчу баринъ, весь сѣдой,
Въ сѣдыхъ усахъ (онъ отставной —
Въ отставку вышелъ капитаномъ);
Вотъ барыня съ дебелымъ станомъ,
Съ лицомъ широкимъ, какъ луна...
«А, гдѣ же Варя?... Вотъ она!
Вотъ наша дочка. Что? Лихая?
У васъ тамъ встрѣтится ль такая?
Ну, ты, мадамъ, ее учи,
А бить не смѣй и не кричи!»
Но звуковъ языка чужого
Mam'selle Privé не поняла,
А по-французски ни полслова
Отъ нихъ добиться не могла.

И дни проходятъ... О, страданье!
Mam'selle Privé осуждена
На безконечное молчанье;
А хочетъ поболтать она
Хоть съ кѣмъ-нибудь, хоть бы съ сосѣдомъ...
Ужъ не бѣжать ли ей отсель?...
И видитъ бѣдная мамзель —
Ее обносятъ за обѣдомъ,
Жалѣя лакомый кусокъ;
При ней (о! гдѣ терпѣнью мѣра!),
Чтобъ знала Варенька урокъ,
Сѣкутъ Аксютку для примѣра!
И надо видѣть день за днемъ
Въ постыдной жизни вѣчно то же,
И то, что чувствуешь при томъ,
Съ морской болѣзнью какъ-то схоже!

Но сонъ таинственной рукой
Мѣняетъ скорбную картину
И кажетъ мирную долину:
Село большое; домъ большой
Весь убранъ на большую ногу;
Въ немъ вѣетъ барской стариной.
Mam'selle Privé здѣсь, слава Богу,
Находитъ роскошь и покой.
Здѣсь съ нею Мери молодая
И бабушка ея больная,
Старушка добрая; она
Привѣтлива, хоть и больна,

И лучше можетъ по-французски
Вести бесѣду, чѣмъ по-русски.
Породу барскую любя,
Mam'selle Privé здѣсь совершенно
Какъ дома чувствуетъ себя
И предается постепенно
Безперерывной суетѣ,
Дѣвичьей старости чертѣ;
Она всегда гостей встрѣчаетъ,
Хозяйку замѣнивъ собой,
И не смолкая день-деньской
Съ утра до вечера болтаетъ
О томъ, о семъ, о прошлыхъ дняхъ,
Погодѣ, кушаньѣ, чепцахъ,
Грѣхѣ, молитвѣ сердобольной...
Перерываяся едва,
Какъ бисеръ нижутся слова.
Порою Мери какъ-то больно
Звучитъ вся эта болтовня,
И все несноснѣй день отъ дня,
И говоритъ она невольно,
Съ досады внутренней дрожа:
«Mam'selle Privé, побойтесь Бога!
Мнѣ голосъ вашъ и вся тревога,
Какъ по тарелкѣ скрипъ ножа!»
Mam'selle Privé не отвѣчаетъ
И барскій домъ не оставляетъ.
Но вотъ пріѣхалъ старый князь;
Съ больной старушкой согласясь —

Какъ ей ни жаль — онъ дочь-дѣвицу
Съ mam'selle Privé везетъ въ столицу.
Внезапно у mam'selle Privé
Мечта мелькнула въ головѣ,
Что ей бы надо потрудиться
И въ князя стараго влюбиться,
Что онъ не старъ и что она,
Хотя въ лѣтахъ, но недурна.
И вотъ она хлопочетъ страстно,
И притворяется несчастной,
И все вертится вкругъ него,
Но князь не видитъ ничего;
Едва-едва сухимъ отвѣтомъ
Почтитъ ея вопросъ пустой,
Иль покиваетъ головой,
Иль съ гордымъ и нѣмымъ привѣтомъ
Изъ табакерки золотой
Съ алмазной яркою каймой
И императорскимъ портретомъ —
Въ безмолвьи, сродномъ старику,
Понюхать дастъ ей табаку.
И князя собственной особой
Прельстить нисколько не успѣвъ,
Mam'selle Privé притихла съ злобой,
Обычной сердцу старыхъ дѣвъ.

Но вдругъ изъ двери потаенной
Выходитъ мальчикъ молодой,
За нимъ и дядька пожилой,

Наружности весьма почтенной,
Въ простомъ, но чистомъ сюртукѣ,
Въ очкахъ и черномъ парикѣ.
Mam'selle Privé глядитъ, дивится...
«Неужто! Какъ могло случиться?
Monsieur Ragout? Какой судьбой?...»
Французъ протягиваетъ руку
И говоритъ, скрывая муку:
«Какъ видите, — удѣлъ такой!» —
«Но двадцать лѣтъ, какъ мы разстались!» —
«Да, да! Съ тѣхъ поръ, какъ не видались
Мы съ вами — многое прошло,
И въ Франціи есть перемѣна!...
Но вѣрьте мнѣ, чѣмъ больше зло,
Тѣмъ чище выйдемъ мы изъ плѣна,
И гильотина наконецъ
Положитъ дерзостямъ конецъ.
Ужъ въ эмиграціи свободной
Начатъ союзъ международный,
Повѣрьте — году не пройдетъ,
И будетъ вновь переворотъ.»
Но погрузилась въ размышленье
Mam'selle Privé. Прошло мгновенье —
Она французу говоритъ:
«Да! мнѣ теперь все стало ясно!
Насъ другъ для друга Богъ хранитъ, —
Женитесь! Я теперь согласна.» —
Французъ оторопѣлъ — и вдругъ
Бѣжать пустился во весь духъ;

Она за нимъ быстрѣе птицы,
Съ парадной лѣстницы и въ дверь,
Бѣгутъ съ крыльца, бѣгутъ теперь
Уже по улицамъ столицы...
Навстрѣчу вѣтеръ имъ свиститъ,
Съ monsieur Ragout парикъ летитъ,
Съ самой mam'selle Privé — какъ тряпка
Свалилась шаль, упала шляпка.
Она бѣжитъ, она спѣшитъ,
Пять, шесть шаговъ, — чуть не догнала,
Но сердце въ грудь стучитъ, стучитъ,
Дыханье давитъ и тѣснитъ,
И шагъ еще — она бъ упала...

Но тутъ проснулась и привстала.
На тощій локоть оперлась,
Глядитъ: княжна приподнялась,
И обѣ смотрятъ другъ на друга.
«Что съ вами, Мери? Вы больны?» —
«Нѣтъ, ничего... во снѣ... съ испуга...» —
«И! спите съ Богомъ! что̀ за сны!» —
И въ лихорадкѣ отъ волненья
Ложатся обѣ и молчатъ
И другъ отъ друга сновидѣнья
Въ безсонномъ ужасѣ таятъ.

И снова все затихло въ спальнѣ...
Уже не долеталъ до ней,
Какъ отголосокъ смутно-дальній,

Съ пустынныхъ улицъ скрипъ саней.
Лампада томная дрожала
И круглый отблескъ колебала
На потолкѣ, а снизу тьма
Была докучна и нѣма.
Сквозь щель опущенной гардины,
Упавшей на двѣ половины,
Опять былъ виденъ тотъ же домъ,
И кровля снѣжная на немъ
Бѣлѣлась холодно, уныло;
По ней печальна и ясна
Мерцала кроткая луна,
И все такъ тихо, тихо было,
Что безотчетно сердце ныло.

NOCTURNO.

Das Tragische im Leben ist das Gefühl des Nichts.

(Brief eines Reisenden.)

Уже и за полночь давно
Домой иду я одиноко;
Безмолвно, пусто и темно
На нашей улицѣ широкой...
И длинной... такъ что днемъ иди —
Конца не видно впереди.
Теперь не встрѣтишь ни собаки!
И даже самый альгвазилъ,
Наемный другъ гнетущихъ силъ,
Врагъ бѣдняка, смиритель драки,
Прогулкой не тревожа слухъ,
Таится, какъ незримый духъ;
И даже нищій мой, который
Здѣсь нѣгу сна вкушать любилъ,
Занять ночлегъ не приходилъ
На тротуарѣ у забора.
Есть фонари, но такъ блѣдны,
Какъ-будто только зажжены,

Чтобъ показать, какой глухою
Вкругъ нихъ все вѣетъ темнотою;
Да звѣзды сверху между крышъ
Дивятся на ночную тишь.
Звучитъ мой шагъ во тьмѣ унылой,
И этотъ звукъ такъ пустъ и дикъ,
Что если бъ я себѣ на мигъ
Далъ волю — мнѣ бы страшно было.
Стоятъ высокіе дома,
По окнамъ странный лоскъ блуждаетъ,
Какъ-будто въ нихъ мерцаетъ тьма,
И этотъ лоскъ напоминаетъ
Взглядъ незакрытыхъ, мертвыхъ глазъ,
Гдѣ жизни лучъ уже погасъ,
А что-то чудится живое,
Но непріязненно-нѣмое.

Вотъ виденъ свѣтъ въ одномъ окнѣ;
Свѣча въ печальной тишинѣ
Сквозь стору трепетно мерцаетъ;
По сторѣ чья-то тѣнь блуждаетъ.
Кто ты, безвѣстный мой сосѣдъ?
Зачѣмъ не спишь ты въ эту пору?
Какое чувство горькихъ бѣдъ
Мѣшаетъ сномъ сомкнуться взору?
А про меня, быть-можетъ, ты
Подумалъ: «Что тамъ за скиталецъ,
Какой непрошенный страдалецъ,
Протяжнымъ шагомъ о плиты

Нарушилъ миръ моей мечты?»—
Кто жъ говоритъ, что я страдаю?...
Мнѣ весело. Иду домой
Съ бесѣды милой и живой.
Тамъ были шумны разговоры;
О важныхъ лицахъ и дѣлахъ,
О самыхъ выспреннихъ вещахъ
Велися ревностные споры.
Мнѣ было весело. Со мной
Одинъ философъ записной
Проспорилъ цѣлый часъ о Богѣ.
Онъ самъ далекъ отъ той мечты,
Чтобъ средь небесной пустоты,—
Гдѣ по затверженной дорогѣ
Блуждаетъ мѣрно хоръ свѣтилъ,—
Вообразить себѣ . . . .
. . . .
. . . .
Но говоритъ весьма умно,
Что все есть что-то, чтó должно
Признать за Бога, чтò украдкой
На днѣ всего живетъ въ тиши,
Что это нужно для порядка
И для безсмертія души.
А я . . . .
. . . .
. . . .
. . . .
Онъ спорилъ рьяно, мудрено,

Я спорилъ холодно и сухо;
Его понятье — мнѣ смѣшно,
Мое — ему шло мимо уха,
Такъ что могли бъ мы безъ труда
Съ нимъ и не спорить никогда;
Но было весело! — А дамы
Рѣшили, что всего страшнѣй
Касаться до святыхъ вещей,
Что установленной программы
Держаться лучше потому,
Что съ ней покойнѣе уму,
Пріятнѣй сердцу безъ сомнѣнья,
Да и полезно для спасенья.—
Исполненъ внутреннихъ тревогъ,
Межъ дамъ, которыхъ тутъ я встрѣтилъ
Одну внезапно я замѣтилъ,
И глазъ отвесть съ нея не могъ.
Улыбки кроткой безмятежность
И взора вкрадчивая нѣжность
Напоминала мнѣ тотъ ликъ,
Который я любить привыкъ
Когда-то, въ молодые годы,
Въ дни поэтической свободы...
Мнѣ было весело, и вдругъ
Мной страшный овладѣлъ недугъ;
Я чувствовалъ, что жизни сила,
Что сердца жизнь во мнѣ остыла,
Что сердце выдохлось давно,
Какъ незамкнутое вино.

Такъ что жъ? Пускай! Есть жизнь иная,
Иная цѣль передо мной,
И трудъ достойный совершая,
Я занятъ мыслію иной,
Все — благо общее и дѣло...
Тутъ юноша подсѣлъ ко мнѣ,
Глядитъ такъ бодро и такъ смѣло,
Пророчитъ въ жгучей болтовнѣ,
Не спотыкаясь о сомнѣнье,
Народовъ юное движенье...
А я ему сказалъ въ отвѣтъ,
Что это вздоръ — надежды нѣтъ,
Чтобъ ѣхалъ онъ въ глухія степи
Искать иныя племена;
Для тѣхъ, на комъ преданій цѣпи,
Жизнь кончена, порѣшена...
И самому мнѣ стало больно,
Какъ я убилъ его невольно! —
Но занялъ насъ иной предметъ —
Потомъ — за позднею бутылкой:
Чтó лучше, спрашивалось пылко,
Clos de Vougeot, или Моэтъ?
Я предпочелъ неукоснѣло
Бургундское; огонь его
Мнѣ кажется дружнѣй всего
Съ печалью гордой мысли зрѣлой...

Но рѣчь идетъ не обо мнѣ:
Ты что, сосѣдъ неугомонный,

Свѣчи не гасишь въ тишинѣ,
Томимъ тревогою безсонной?
Что ты — жалѣешь или ждешь?
Грустишь о прошломъ или вѣришь?
Или упорно лицемѣришь
И міръ особый создаешь?
Быть-можетъ, не проживъ съ полвѣка,
Ты хоронилъ уже не разъ
Душѣ родного человѣка
И сна не знаешь въ поздній часъ?
Напрасно! Никакою силой
Не воскресишь; не спи ночей,
Ворочай въ памяти своей
Любимый образъ, голосъ милый,—
Все невозвратно, и могила,
Землей засыпавъ темный сводъ,
Безмолвныхъ жертвъ не отдаетъ.

А можетъ, въ возрастъ тотъ завидный
Едва вступая, гдѣ слегка
На верхней губѣ пухъ чуть видный
Крутитъ надменная рука,—
Ты такъ влюбленъ, что спать не можешь,
Огнемъ трепещешь и горишь,
И имя милое твердишь
И воздухъ дремлющій тревожишь?
Какъ знать? Она ль начнетъ чередъ,
Иль ты разлюбишь напередъ,
Иль страсть въ сожитьи охладѣетъ

И скука жизнью овладѣетъ?...
Но что-нибудь изъ этихъ бѣдъ
Придетъ же, бѣдный мой сосѣдъ,
Хоть ты теперь и полный вѣры
Не спишь, блаженствуя безъ мѣры.
А можетъ-быть ты не любимъ?
И только страстью одинокой,
Тоской и ревностью томимъ,
И о красавицѣ жестокой
Упорно думая всю ночь,
Сна врачеванье гонишь прочь?
Да! эта страсть продлится годы;
Таковъ законъ ея природы,
Затѣмъ, что человѣкъ упрямъ
И жадно льнетъ къ своимъ мечтамъ
И любитъ съ тайнымъ напряженьемъ
Дразнить себя пустымъ волненьемъ.
Увидишь послѣ многихъ лѣтъ,
Что страсть была ненужный бредъ.

Но я съ чего жъ воображенью
Далъ ходъ какъ мальчикъ иль хвастунъ?
Съ чего я взялъ, что ты такъ юнъ?
А ты, на зло такому мнѣнью,
Мужъ достославный по всему,
И по лѣтамъ, и по уму,
И брови съ просѣдью нависли,
И опытъ далъ здоровость мысли,
И ночь безмолвная безъ сна

Тобой труду посвящена:
Ты пишешь новое творенье,
Гдѣ есть загадкѣ разрѣшенье,
Гдѣ ты откроешь намъ пути —
Какъ человѣчество спасти.
Трудись, спѣши, спасай скорѣе,
Недугъ все съ каждымъ днемъ страшнѣе!
Надъ книгой ночь не станетъ спать
Современемъ твой почитатель,
Завѣта новаго искатель,
Чтобы нашъ міръ пересоздать,
И, самъ отъ горя изнывая,
Умретъ, тебя благословляя.

А можетъ ты, подобно мнѣ,
Трудиться любишь въ тишинѣ
Надъ риѳмой, и съ нѣмымъ вниманьемъ
Занявшись строчекъ окончаньемъ,
Грызешь съ досады до утра
Конецъ усталаго пера?...
Все для того, чтобъ какъ-то чудно
Сказать безъ нужды кой-кому —
Какъ въ жизни тяжело уму,
Какъ сердцу горестно и трудно!
Чтобъ тотъ, кто примется читать
Уныло-звучную тетрадь,
Едва вкусивъ самозабвенье,
Опять почувствовалъ мученье,
Опять бы въ сердцѣ могъ начать

Живыя раны растравлять!
Занятье истинно благое
И стоитъ, чтобъ ночей не спать.

А если ты совсѣмъ иное?
Ты, можетъ-быть, больной старикъ
И, морщась, сдерживаешь крикъ?
Цѣня терпѣніе тупое,
Скучаешь такъ, какъ не скучалъ
Никто отъ нравственныхъ началъ,
И ждешь: науки представитель
Пріѣдетъ докторъ, твой спаситель...
Не вѣрь ему, не жди его:
Наука только для того,
Чтобъ нервъ ощупать уязвленный,
Коснуться пальцемъ до него,
Понять болѣзни ходъ законный—
И только, больше ничего!
Пора, старикъ неугомонный,
Чтобъ напослѣдокъ понялъ ты
Всю власть бездонной пустоты,
Въ которой тѣни жизни бродятъ,
Родятся люди, люди мрутъ,
Народы въ битвахъ вѣкъ проводятъ
И гибнутъ... новые растутъ.
Пойми, слѣдя всѣхъ дѣлъ теченье,
Нуля предвѣчнаго движенье,
И въ этой мысли ты, другъ мой,
Сыщи незыблемый покой,

Чтобъ ни болѣзни, ни печали
Уже твой умъ не возмущали.

Но вдругъ — онъ погасилъ свѣчу, —
И остаюсь я одинокій
На нашей улицѣ широкой...
Чего я жду? чего хочу?
Зари ль улыбки жду цѣлебной?
Но все темно, но все враждебно...
Пойду домой — тревожный нравъ
Спокоить въ усыпленномъ тѣлѣ...
А можетъ-быть, сосѣдъ былъ правъ —
И я страдаю въ самомъ дѣлѣ!

РАЗСКАЗЪ ЭТАПНАГО ОФИЦЕРА.

I.

Да! право, бѣдность лишь одна
Заставить можетъ службу эту,
Кряхтя, вычерпывать до дна,
Не изведя себя со свѣту;
Не хуже каторги она.
А какъ тутъ быть? Чуть изъ пеленокъ,
Совсѣмъ дуракъ, совсѣмъ ребенокъ, —
А мать кричитъ: «ступай служить!
Мы нищіе, намъ надо жить!...»
Ну! и пошелъ. Пять лѣтъ въ тревогѣ
Хожу все по одной дорогѣ.
Я малый добрый, господа!
Готовъ кутнуть... А иногда
У насъ дѣла такого сорту,
Что все бы бросилъ, ну ихъ къ чорту!

Вотъ хоть недавно: на ночлегъ
Пригналъ я партію. Ей-Богу,
Усталъ. Прошелъ, хоть и не въ бѣгъ,

А все жъ не малую дорогу.
Прилегъ. Вдругъ слышу — межъ собой,
Прикованныхъ рука съ рукой,
Бранятся двое — хоть до драки.
Вскочилъ, кричу: Ахъ, вы, собаки!
Молчать! Вотъ я васъ, дураки!
Чуть пикнете — скую васъ строже,
Въ такіе завинчу тиски...
Эй! свѣчку! Дай взглянуть имъ въ рожи!
Пришелъ и сторожъ со свѣчей;
Смотрю — сидятъ передо мной,
Молчатъ. Одинъ — пожалуй молодъ,
Но рябъ и рыжъ; зато кулакъ
Здоровый — что желѣзный молотъ...
Другой пожиже — такъ, мозглякъ. —
Съ чего вы, чертово отродье?
А рыжій мнѣ: «Я — ничего,
Я смиренъ, ваше благородье;
Все это онъ, — пиструнь его.» —
Ты что, пострѣлъ? Вишь прыть какая!
Кажись, фигура небольшая,
Силенки чай-то ни на грошъ,
Туда же въ драку лѣзетъ тожъ!
Чего тебѣ? — Мозглякъ сварливый
Приподнялъ голову лѣниво
И на меня онъ посмотрѣлъ
Такъ какъ-то грустно, такъ уныло,
Что индо сердце защемило
И словно я оторопѣлъ.

Чего тебѣ? его я снова
Хотѣлъ спросить весьма сурово,
Но чувствую, что голосъ мой
Сталъ будто мягче самъ собой.
А онъ въ отвѣтъ: «Къ кому хотите
Меня прикуйте, хоть къ двоимъ;
Но съ нимъ меня вы развяжите,
Мнѣ страшно — я не свыкнусь съ нимъ.»
Тутъ рыжій, ротъ скосивъ, нагнулся
И мелкимъ смѣхомъ усмѣхнулся.
А я стою — совсѣмъ дуракъ —
Гляжу и, самъ не знаю какъ,
Сказалъ: Эхъ, братецъ, жаль мнѣ, право,
Но самъ я не имѣю права;
Пожди до города, скажу
Полковнику — и развяжу.

Поутру, выспавшись обычно,
Подумалъ: это не спроста;
Кажись, я человѣкъ привычный —
Съ чего жъ напала доброта?
Достойно ль это офицера?
Чего я имъ смотрѣлъ въ глаза
И не отвѣсилъ, для примѣра,
Имъ ни единаго туза?
Все это странно... Эй, ребята!
У кабака васъ угощу;
Но даромъ не бываетъ трата,
За это вотъ что съ васъ взыщу:

Разсказывай, смотри — какъ было,
Все безъ утайки, чортъ возьми!
За что въ Сибирь васъ угодило?
За что наказаны плетьми?

2.

Вотъ рыжій началъ: «Что же, баринъ!
За водку буду благодаренъ,
Да и корысти нѣтъ скрывать:
Своей судьбы не миновать,
Стыдиться тоже мнѣ не сродно, —
Такъ разскажу вамъ что угодно.
Я у отца былъ старшій сынъ;
Отецъ мой, родомъ мѣщанинъ,
Торговлю велъ чѣмъ ни попало,—
Веревки, деготь, мыло, сало, —
Такъ въ городишкѣ небольшомъ
Лавчонку содержалъ съ трудомъ.
Мы все бѣднѣли съ каждымъ годомъ;
Не то чтобъ чай водился съ медомъ,
Спасибо скажешь, не взыщи,
За хлѣбъ да за пустыя щи.
Мы, дѣти, оставались босы;
Отецъ придетъ изъ кабака,
Да мать почнетъ таскать за косы
И намъ, не то чтобы слегка,
Дастъ мимоходомъ тумака.
Я росъ въ нуждѣ, въ тревогѣ дикой,
Завистливъ, золъ и плутъ великій,

И думалъ: скоро ты большой,
Такую жизнь себѣ устрой—
Чего ни спросишь—тутъ и было бъ,
Всего бы вволю, ѣшь да пей!
Тебя тронуть никто не смѣй,
А самъ другихъ пожалуй бей,
Все ни почемъ, все съ рукъ сходило бъ.
Вина захочешь—наливай!
Пей до упаду, дна не знай!
Закуску надо — не хлопочешь,
Идешь къ купцу, берешь что хочешь,
Звенишь тяжелою мошной—
Все золотой да золотой!
А у купца есть дочь-дѣвица,
Кровь съ молокомъ и круглолица
И съ темнорусою косой...
Позвалъ — иди! и безъ запинки —
Повязку прочь, долой косынки,
Чтобъ были плечи на-голо!
Гляди умильно и свѣтло,
Люби меня во что-бъ ни стало,
Съ утра и до другого дня
Ласкай меня, цѣлуй меня,—
Она бъ меня и цѣловала
Такъ, что всего бы въ жаръ бросало.
Вотъ жизнь такъ жизнь! А это что?
Чепанъ дырявый да побои...
Добро! поплакалъ, но за то
Добьюсь же, понатѣшусь вдвое...

«Но какъ начать? Въ пятнадцать лѣтъ
Ни силы, ни умѣнья нѣтъ.
Эге! подумалъ,—кладъ готовый!
Въ день улучу часокъ-другой
И шмыгъ — то къ станціи почтовой,
То къ церкви. Грязный да босой
Начну съ слезами и рыданьемъ
Копить деньжонку подаяньемъ.
Кто незнакомъ — тому какъ знать?...
Подастъ затѣмъ, что видитъ — нищій;
А кто знакомъ — подастъ опять:
Знать, у семьи молъ нѣту пищи,
Должно-быть, пакостный отецъ
Спился-де съ кругу наконецъ.
Разсчетъ не дуренъ, промышляю;
Когда жъ, случится, запоздаю —
Отцу и матери солгу;
Сестрѣ и братьямъ ни гу-гу!
Прахъ ихъ возьми! Въ судьбѣ убогой
Ползи они своей дорогой.
И сталъ я грошики на дворъ
Таскать и прятать подъ заборъ.
Недѣли шли, а толку мало,
Казны не много прибывало.
Путь длиненъ... Какъ бѣдѣ помочь?.
Вотъ и купецъ просваталъ дочь...
Что, думаю, ушла невѣста,
А съ горстью мѣди ты ни съ мѣста?
Нѣтъ! видно, надобно, другъ мой,
Придумать промыселъ иной.

«У насъ въ то время, подъ горою,
Жилъ Сидоръ Карпычъ — старовѣръ,
Съ сѣдой и длинной бородою;
Крестился на иной манеръ.
Бывало, лобъ наморщитъ лысый,
Очки натиснетъ и сидитъ,
Листами за полночь шурститъ
Въ старинныхъ книгахъ, словно крысы.
Чего отъ этихъ книгъ онъ ждалъ,
Какую правду въ нихъ сыскалъ?...
Богъ вѣсть! Ему оно ни мало —
Съ утра до ночи круглый годъ
Обмѣривать честныхъ господъ
И брать съ нихъ втрое — не мѣшало.
Гдѣ можно взять — не проронитъ
Копейки даромъ, истый жидъ.
Подбился я къ нему искусно:
Я, Сидоръ Карпычъ, говорю,
И крестъ по вашему творю;
А мнѣ на бѣломъ свѣтѣ грустно,
Попамъ не вѣрю, а отецъ
Все бьетъ и разорилъ въ конецъ.
Возьмите въ лавку! я вамъ буду
Служить какъ песъ, куда ни шло бъ,
За кормъ да обувь,— и по гробъ
Благодѣянья не забуду.
Ну! и разжалобилъ. Купецъ
Въ сидѣльцы принялъ наконецъ.
Торгую славно на починѣ

И тоже слушаю порой
Разсказъ, какъ чортъ кого въ пустынѣ
Смущаетъ бабой иль казной,
А тутъ же съ стороны другой
Спѣшитъ напутствовать святой.
Старикъ, въ чаду благоговѣнья,
Иной разъ плакалъ — и потомъ,
Крестяся, о земь бился лбомъ;
Я тоже съ видомъ умиленья,
А самъ смотрю: у старика
Какъ ключъ добыть отъ сундука?
Но какъ ни думалъ, — нѣтъ, опасно!
Должно-быть, будетъ трудъ напрасный,
А надо съ ловкостью смекнуть —
Изъ лавки какъ бы что стянуть.
Вотъ я и началъ понемногу
(Конечно, помоляся Богу)
Что день — съ продажи кое-какъ
Утаивать хоть четвертакъ.
Подмѣтилъ лысый чортъ, да въ зубы:
И ты, молъ, лѣзешь въ душегубы!..
Да за воротъ, да въ часть привелъ:
Сѣчь, сѣчь тебя! А тамъ пошелъ —
Сиди хоть двадцать лѣтъ въ острогѣ.
А я ему бултыхъ да въ ноги:
Эй, Сидоръ Карпычъ, пощади!
Хоть пожалѣй лѣта младыя,
Еще исправлюсь, погоди,
Авось помилуютъ святые!

Старикъ молчитъ, но съ виду золъ;
А тутъ исправникъ подошелъ,
Да такъ взглянулъ, что такъ вотъ въ душу
Насквозь и смотритъ, какъ въ стекло,
Иному бъ просто духъ свело;
Но онъ смекнулъ, что я не трушу,
И молвилъ: — Карпычъ, не замай!
Ты лучше мнѣ его отдай;
Исправлю, не шути со мною,
А парень выйдетъ съ головою. —
Старикъ махнулъ себѣ рукой
Да плюнулъ — и пошелъ домой.
Исправникъ далъ мнѣ въ поученье
Пинка — и принялъ въ услуженье.

«Живу и грамотѣ учусь,
Не устаю себѣ, тружусь,
Какая ни была бы скука;
И скоро мнѣ далась наука:
Пишу — хоть тотчасъ въ писаря
Годился бъ даже у царя.
Исправникъ началъ брать въ разъѣзды;
Извѣстно — дѣло хоть куда:
У насъ огромные уѣзды,
Такъ деньгу зашибешь всегда.
Идешь въ кабакъ — берешь все даромъ,
Исправнику приводишь бабъ;
По селамъ наша прыть могла бъ
Сравниться развѣ что съ пожаромъ;

Исправникъ важный человѣкъ,
Пилъ, грабилъ, ...ѣлъ и сѣкъ.
А ты при немъ весь день хлопочешь,
За то и пользуйся чѣмъ хочешь.
Я жъ былъ усерденъ да и лихъ,
И съ мужиковъ, и съ становыхъ —
Не брезгалъ — бралъ рубли и гривны...
Но дѣвки были мнѣ противны:
Такую дай — была бъ точь-въ-точь
Какъ та купеческая дочь,
Что замужъ отдали въ ту пору,
Какъ я былъ парень безъ призору.
Такъ вотъ она съ ума нейдетъ...
Терпи молъ, думаю, — ты малый
Оно не то что безудалый,
Терпи — придетъ и твой чередъ.

«Ну! такъ годовъ прошло немало
Живу... всего бы доставало,
А скучно что-то. Но самъ Богъ
Распорядился и помогъ.
Изъ волости, у насъ съ уѣздомъ
Почти-что смежной, къ намъ въ обѣдъ
Купецъ заѣхалъ мимоѣздомъ,
Пріятель съ самыхъ давнихъ лѣтъ.
Народъ скупой, дорогой бойкой
Самъ правитъ собственною тройкой,
Одинъ какъ шишъ, чтобъ какъ-нибудь
Копейки лишней не смахнуть.

Со стужи ль думалъ подкрѣпиться,
Или хотѣлъ повеселиться,—
Но онъ подвыпилъ... ну болтать;
Исправникъ началъ подливать,
Знай подавай за фляжкой фляжку;
Гляжу, купецъ мой нараспашку —
Расхвастался про то, про се,
Что онъ какъ баринъ, что другого
Нѣтъ по губерніи такого,
И что плевать ему на все;
Что у него пятнадцать лавокъ
И денегъ куры не клюютъ,
Что онъ на ярмарку вдобавокъ
Съ собой теперь везетъ, вотъ тутъ
(Рукой пощелкалъ по карману),
Запасъ немалый чистогану
И скупитъ все, на чемъ тотчасъ
Онъ рубль на рубль возьметъ какъ-разъ.

«Смекнулъ исправникъ. Тутъ-де ближе
Дорога есть,—и мнѣ сказалъ:
Ты хорошенько проводи же,
Чтобъ онъ пути не потерялъ.
А самъ мигнулъ. Я понялъ четко.
По дѣлу, говорю, схожу,
А тамъ ихъ милость погожу
У рва за городской слободкой.
Жду. Смерклось. Таяло слегка,
И мѣсяцъ чуть сквозь облака

Виднѣлся, и несло погодкой,
И какъ нарочно ночь была
Ни тьма, ни свѣтъ,—а только мгла.
Вотъ и бубенчикъ звякнулъ въ полѣ,
Ползетъ кибитка наконецъ
И подъѣзжаетъ мой купецъ...
Постойте жъ, захватите, что ли! .
И я вскочилъ на облучокъ:
Давайте возжи, спите съ Богомъ;
Извѣстенъ здѣсь по всѣмъ дорогамъ
Мнѣ каждый пень или сучокъ.
Онъ тутъ же завалился спьяну
И по ухабамъ сталъ, сонной,
Бить о рогожу головой,
Какъ по какому барабану.
Въѣзжаемъ въ лѣсъ. Нѣтъ ни души;
Все только ельникъ длиннорукій
Кой-гдѣ сучкомъ тряхнетъ въ глуши
И ссыплетъ снѣгъ... Опять ни звука.
Пустилъ я шагомъ. Тотъ все спитъ.
Я тише, тише... Тройка стала.
Онъ и не чуетъ, все храпитъ,
Не пошевельнется нимало.
Я слѣзъ, и — кажется, не трусъ —
А все чего-то я боюсь.
Вотъ, шеей потною махая,
Вдругъ зазвенѣла пристяжная
И паръ кругомъ пошелъ какъ дымъ...
Я вздрогнулъ — и середь ухаба

Стоялъ съ минуту недвижимъ...
Да что же, думаю, Богъ съ нимъ —
Онъ мнѣ не сродникъ, я не баба,
Взялся — кончай! И вотъ я въ мигъ
Ему распуталъ и откинулъ
У шубы лисій воротникъ,
Свой ножъ изъ-подъ рубахи вынулъ,
Да такъ по горлу имъ черкнулъ,
Что онъ не пикнулъ, не вздохнулъ.
Я опросталъ ему карманы,
Бумажникъ кожаный нашелъ,
Еще мѣшечекъ полотняный —
Онъ былъ и звонокъ и тяжелъ.
Отъ сапога и до косынки
Себя потомъ я осмотрѣлъ;
Все ладно, полушубокъ цѣлъ
И ни на чемъ нѣтъ ни кровинки;
Ножъ вымылъ начисто о снѣгъ
И до дому пустился въ бѣгъ.
А тройка?... Пусть бредетъ со скуки;
Наткнется на кого-нибудь:
Украдетъ — съ Богомъ, добрый путь!
Не то доставитъ намъ же въ руки.
Теперь уйти бъ мнѣ одному
Подальше съ кладомъ... Да боюся,
Исправникъ ловокъ — попадуся...
Нѣтъ! лучше все отдамъ ему.
Домой пришелъ я до разсвѣта,
Никто меня и не видалъ,—

Ну! стало, крыто дѣло это...
Исправникъ деньги сосчиталъ:
Вотъ, молвилъ, лучше всякихъ взятокъ,
И далъ тысченокъ мнѣ съ десятокъ.
Потомъ онъ слѣдствіе завелъ,
Ну, ничего и не нашелъ;
Таскались мы по всѣмъ селеньямъ
И драли тоже не слегка,
Въ острогѣ даже мужика
Держали съ годъ подъ подозрѣньемъ,
Но, не дознавшись ничего,
Мы отпустили и его.
Потомъ исправникъ взялъ отставку,
Купилъ деревню, самъ большой;
А я въ губерніи другой
Открылъ себѣ спокойно лавку,
И никогда меня никто
Не заподозрѣлъ ни за что.

«И шло бы дѣло по порядку,—
Я торговалъ и съ барышомъ,—
Какъ вдругъ однимъ безпутнымъ днемъ
Встрѣчаю бабу я — солдатку.
Судьба! Она была точь-въ-точь
Какъ та купеческая дочь.
Я обомлѣлъ. Знакомлюсь съ нею,
И въ лавку привожу съ собой,
Кажу товаръ: бери любой,
Все радъ отдать, не пожалѣю.

Поладить не великъ былъ трудъ,
И не прошло и двухъ минутъ —
Она мнѣ бросилась на шею.
Ну! пиръ пошелъ во всѣ концы...
Добро, коль разъ середь недѣли
Заглянешь въ лавку; молодцы
Тамъ торговали какъ хотѣли;
У насъ все пѣсни, да вино...
А пожилъ — хорошо оно!
Пируешь за полночь съ обѣда
И спи пожалуй до полдня;
Тамъ гости, смѣхи, да бесѣда...
Она, бывало, у меня
Подвыпьетъ, разгорятся щеки,
Затѣетъ пляску, руки въ боки,
Распуститъ косы изъ-подъ лентъ,
На сарафанѣ позументъ
Горитъ какъ искры издалече,
Рубашка бѣлая дрожитъ,
Такъ все и ходитъ — грудь и плечи,
И только полъ подъ ней трещитъ.
Когда же гости разойдутся...
Да что объ этомъ толковать!
Вотъ какъ припомнишь все опять —
Такъ вотъ всѣ жилки и забьются,
На волю хочется рвануться.
А какъ же княжески тогда
Я разодѣлъ ее, злодѣйку,
Припасъ ей къ зимѣ душегрѣйку —

Все шелкъ да соболь — хоть куда!
Да какъ пустились на буланой
На тройкѣ съ сбруей серебряной,
Пошли по городу катать,
Да звонко пѣсни распѣвать —
Такъ индо баринъ разъ, усатый,
Остановился, шапку снялъ,
Да такъ-то ею замахалъ,
Кричитъ: знай нашихъ! ай да хваты!

«Да! хорошо, а пожилъ я...
Какъ прахъ по вѣтру, все пропало, —
Въ годъ не хватило капитала
И лавка рухнула моя.
А какъ она лишь увидала,
Что у меня нѣтъ ничего,
Она тотчасъ и убѣжала,
И я остался безъ всего:
Безъ денегъ, безъ вина, безъ бабы...
Глядѣлъ сердито, самъ не свой,
Подумалъ думу день-другой;
А силы, чувствую, не слабы,
Взялъ ножъ, да въ лѣсъ, да и давай —
Будь кто пѣшкомъ иль въ экипажѣ,
А отъ меня не ускользай
И поплатись-ка всей поклажей.
Въ Сибирь и угодилъ теперь,
Иду въ цѣпяхъ, какъ лютый звѣрь;
Но расшибу еще я цѣпи,

Урвусь — въ лѣса ли или въ степи,
А вамъ меня не удержать...
И бабу отыщу опять
И заживу, во что бъ ни стало,
Опять не хуже генерала.
Ну! вотъ и все — повѣрь на честь;
Теперь и надобно поднесть.»

3.

Покончилъ рыжій. Два-три раза
Онъ оживалъ въ пылу разсказа,
Сжималъ кулакъ и станомъ росъ,
Широко раздувался носъ,
Глазенки дерзкіе сверкали,
Блѣднѣли губы и дрожали;
А тутъ — гляжу я на него,—
Опять молчитъ лицо рябое,
Не разгадаешь ничего;
Что въ немъ сидитъ? что онъ такое?
Лукавъ и скрытенъ, или такъ —
Не-то уменъ, не-то простакъ?
Поднесть, я говорю, признаться,
Я поднесу, хоть и не радъ;
А сдамъ тебя охотно, братъ,
И дай Богъ больше не встрѣчаться.

Ну! ты, мозглякъ, не бось, впередъ!
Разсказывай, знай свой чередъ.

Мозглякъ поникнулъ головою
И началъ тихо, будто онъ
Какой-то длинный, страшный сонъ
Припоминаетъ самъ съ собою:

4.

«Въ господской дворнѣ я рожденъ.
Середь села нашъ флигель старый
Доселѣ — низенькій, поджарый —
Стоитъ, подпертъ со всѣхъ сторонъ.
Отца не помню. Помню смутно,
Какъ умеръ онъ, какъ безпріютно
Осталась наша вся семья.
А тамъ и мать пошла къ покою,
И я остался сиротою.
Вотъ барыня велѣла взять
Въ хоромы — съ барченкомъ играть.
Въ ту пору мнѣ лѣтъ восемь было,
Меня одѣли казачкомъ,
И мнѣ, мальчишкѣ, сильно льстило,
Что поступилъ въ господскій домъ.
А барыня была богата;
Зачѣмъ въ деревнѣ все жила —
Какъ знать! Скупа ль она была,
Пугала ль городская трата,
Иль нашихъ мѣстъ, глухихъ сторонъ
Затѣмъ покинуть не хотѣла,
Что мужъ ея тутъ схороненъ, —
Не знаю хорошенько дѣла.

А думаю — пришлося ей
Такъ по нутру: живетъ, хлопочетъ,
Заводитъ тысячу затѣй
И дѣлаетъ себѣ что хочетъ;
Чего же больше? Лучше встарь
Пожалуй не жилъ самый царь.
А барченка она любила...
Ужъ сколько было съ нимъ тревогъ!
Бывало, дня не проходило —
Всѣ няньки пособьются съ ногъ.
То не тепло его одѣли,
То напоили холодно,
То дать варенья пожалѣли,
То окормить его хотѣли,
Всѣ сговоряся заодно, —
И то не такъ, и то не кстати,
И крикъ, и брань, и бѣготня,
То-есть покою нѣтъ ни дня.
А вскочитъ прыщикъ у дитяти —
Бѣда! За докторомъ скорѣй
Шлютъ въ городъ барскихъ лошадей
Да черезъ часъ, боясь погоды,
Чтобъ докторъ запоздать не могъ,
Плутая въ ночь середь дорогъ,
Шлютъ двѣ мужицкія подводы.
А барченокъ со мной, межъ тѣмъ
Какъ барыня ворчитъ и плачетъ,
По стульямъ беззаботно скачетъ
Да и смѣется надо всѣмъ.

«Почти мы были однолѣтки,
И хоть я чувствовалъ порой,
Что все жъ онъ властенъ надо мной,
Но ссоры между нами рѣдки
Бывали въ дѣтскіе года;
Все заодно мы съ нимъ шалили
И, признаюся я, тогда
Другъ-друга даже мы любили.
Прошло безъ малаго лѣтъ пять,
Рѣшила барыня, что нужно
Сынка наукамъ обучать,
А что самой ей недосужно
И мало учена притомъ...
И вотъ француза взяли въ домъ.
Французъ былъ просто плутъ, пройдоха;
Учился баринъ больно плохо,
А онъ твердитъ полушутя:
Вашъ сынъ чудесное дитя!
А самъ все вьется вкругъ застоленъ
За дѣвками — взамѣнъ наукъ...
И такъ былъ баринъ своеволенъ,
Тутъ вовсе выбился изъ рукъ;
Такой сталъ мальчикъ прихотливый,
Не золъ, а какъ-то свысока,
И мнѣ подчасъ нетерпѣливо
Не въ шутку скажетъ дурака.
Ну!... наше дѣло подневольно,
А все же... вмѣстѣ мы росли —
И становилось индо больно.

А годы исподволь все шли,
Шестнадцать лѣтъ подкрались тихо,
Великъ сталъ баринъ, смотритъ лихо;
Хочу-де въ полкъ, пора служить...
Старуха-барыня тужитъ:
У насъ-де онъ такой смиренный,
А тамъ убьютъ-де непремѣнно...
Но ни слезами, ни мольбой
Растроганъ не былъ баринъ мой.
За что терять младыя лѣта?
Давай коня да эполеты!
Мундиромъ бредитъ наяву.
Смирилась мать. Хоть годы стары —
Для сына, говоритъ, живу.
Французъ отправился въ Москву,
А мы отправились въ гусары.

«Служилъ мой баринъ года два,
Но службой занятъ былъ едва.
Кутилъ все время; денегъ много —
Ну, жилъ, какъ всякій, напримѣръ,
Живетъ богатый офицеръ.
Солдатъ своихъ держалъ не строго,
То ихъ поитъ и вмѣстѣ пьетъ,
То раскричится и побьетъ,
Такъ — сдуру, только для угрозы,
Чтобъ знали: властенъ-де и я!
Случалось — треснетъ и меня,
А тамъ обниметъ, да и въ слезы:

Алеша! я и самъ не радъ,
Прости меня, я виноватъ.
Какъ ни досадно, какъ ни стыдно,
Смолчишь, простишь — хоть и обидно

«Но вотъ случись — старуха-мать
Въ Успенье ѣздила къ обѣднѣ;
Вернулась — ни души въ передней.
Ну! и пошла она кричать.
Дворецкій прибѣжалъ въ испугѣ...
А! ты мирволить сталъ прислугѣ!..
Да такъ взвела себя во гнѣвъ,
Что, покраснѣвъ и посинѣвъ,
Упала на полъ, растянулась,
Да вѣчнымъ сномъ и задохнулась.
Прикащикъ тотчасъ пишетъ къ намъ:
Знать Богу такъ угодно стало —
Скончались маменька. Но вамъ
Пріѣхать къ намъ бы не мѣшало;
Я радъ служить вамъ до конца,
Но жить нельзя намъ безъ отца.
А баринъ мнѣ кричитъ: Алеша!
Пиши на почту поскорѣй:
Спустилъ все въ карты, нѣтъ ни гроша,
Пусть денегъ вышлетъ мнѣ злодѣй!...
Пождали денегъ три недѣли,
Тамъ и поѣхали домой.
Ну! по пріѣздѣ баринъ мой
Сперва о маменькѣ жалѣли,

Потомъ соскучились они,
Нашли, что долго идутъ дни,
И въ полкъ вернуться захотѣли.
Да нравъ-то шатокъ былъ у нихъ...
Сосѣдъ подбился къ намъ въ ту пору
И продалъ барину — борзыхъ
Собаки три, да гончихъ свору.
Пошла охота цѣлый день;
Съ утра мой баринъ въ полѣ чистомъ
Верхомъ чрезъ кочку, ровъ и пень
Летятъ съ атуканьемъ и свистомъ.
А тамъ извѣстно — вечеркомъ
Пошелъ кутежъ, и къ намъ, бывало,
Гостей сбиралось полонъ домъ,
Все ѣло, пило, ночевало.
А тамъ, гляжу я, баринъ мой
Совсѣмъ въ деревнѣ обжилися
И волокитствомъ занялися —
Потѣшить возрастъ молодой...
Я до собакъ былъ не пристрастенъ,
Ни до гостей, ни до проказъ —
Но что же дѣлать? Я подвластенъ
И волѣ барской не указъ;
Велятъ посводничать — работай
Равно неволей иль охотой.
Сперва — обычно у господъ —
Дворовыхъ дѣвокъ шелъ чередъ;
А тамъ — какъ все понадоѣло —
Пошло смѣлѣй: мужикъ-де рабъ,

Все стерпитъ молча; ну! такъ дѣло
Дошло и до крестьянскихъ бабъ.
А я-то барину въ подмогу—
По глупости (а то съ чего-бъ?)
Народу въ скорбь, въ противность Богу,
Служилъ съ усердьемъ, какъ холопъ!...

«Но вотъ и отпускъ былъ просроченъ,
И мысль на барина нашла,
Что въ полкъ имъ хочется не очень,
Да не пускаютъ и дѣла;
Хозяйства не швырнешь подъ лавку,
И что за служба, что за спесь?...
И лучше ужъ остаться здѣсь...
Ну, мы и подали въ отставку,
И можно было угадать,
Что намъ въ деревнѣ вѣковать.

«Одна изъ дѣвушекъ успѣла
Отъ барской прихоти уйти;
Изъ дворни, изо всей почти,
Она одна и уцѣлѣла.
По случаю: ея отецъ—
Дворецкій барыни покойной—
Просилъ, какъ милость наконецъ,
Оставить дѣвку жить пристойно,
И тронулъ барина слегка,
И пощадилъ онъ старика.
И то спасибо—безъ печали

Хоть дни дѣвичьи миновали!...
И дѣвка — впрямь — умна, мила,
Не хуже барышни была;
Домашній бытъ вела исправно,
Одѣта скромно, ходитъ плавно,
И пѣсни — то-есть такъ поетъ,
До слезъ всю душу надорветъ.
Въ нее я подлинно влюбился,
Да вижу — и она не прочь,
Согласны и отецъ, и дочь;
Пошелъ я къ барину, спросился,
И баринъ, къ радости моей,
Тотчасъ мнѣ свадьбу разрѣшили,
И подарили сто рублей,
И образомъ благословили.
И былъ я счастливъ, счастливъ... да!
Какъ не бываетъ никогда
Нашъ братъ... Хоть мы и не злодѣи,
А все же низкіе лакеи —
Не надо бъ чувствовать совсѣмъ;
Знать, рождены мы не затѣмъ!...

«Зима прошла быстрѣй минуты,
И снѣгъ сошелъ, пришла весна,
Но и сыра, и холодна.
Вдругъ занемогъ отецъ Анюты,
Все боль стояла въ головѣ,
Помаялся недѣльки двѣ —
И умеръ. Плакали мы много,

Старикъ хорошій былъ у насъ,
И сердцемъ добръ, и жизни строгой,
И за обѣдней каждый разъ,
И по постамъ, и въ воскресенье,
Протяжно — всѣмъ на удивленье —
Апостола, надѣвъ очки,
Читалъ получше, чѣмъ дьячки.
И такъ по немъ намъ горько стало,
Такъ намъ его недоставало,
Какъ-будто что-то съ нимъ ушло,
Какъ-будто счастье все прошло.
И впрямь прошло! Случился къ лѣту
Въ судьбѣ на худо поворотъ:
Меня сталъ баринъ гнать со свѣту,
Бранится, только что не бьетъ;
Пошло все на иную ногу, —
Что день, сердитѣй баринъ мой...
Вотъ замѣчаю понемногу —
Смѣются люди надо мной,
За что, про что — и самъ не знаю,
И ничего не понимаю.
И вижу я — моя жена
Со мною странно холодна;
Приходишь днемъ — она уходитъ
И даже рѣчи не заводитъ,
Приходишь ночью — все молчитъ,
Или прикинется, что спитъ.
Частенько плачетъ втихомолку,
Худѣетъ такъ, что страхъ взглянуть;

А спросишь — не добьешься толку:
Я-де не плакала ничуть...

«Мнѣ становилось не въ терпѣнье,
Дай — разомъ порѣшу сомнѣнье,
И говорю, пришедъ домой:
Анюта! что ты — Богъ съ тобой -
За что меня ты будто гонишь
И отъ себя меня сторонишь?
Повиненъ въ чемъ — я не солгу,
А этакъ жить я не могу. —
Она мнѣ бросилась на шею:
Алеша! и сказать не смѣю!
Ты знаешь, какъ тебя люблю —
Оставь, оставь меня, мой милый!
Боюсь, тебя я погублю...
Меня взялъ баринъ, взялъ онъ силой
(Въ ту ночь ты — помнишь — уѣзжалъ,
Тебя онъ въ городъ посылалъ...)
Да говоритъ: смотри, Анютка,
Не смѣй ты быть женой его;
Но чтобъ не зналъ онъ ничего,
А свѣдаетъ — да хоть бы шуткой
Съ сердцовъ перечить мнѣ начнетъ,
Ну! это знай ты напередъ,
И плачь не плачь, а жди тогда ты —
Какъ-разъ отдамъ его въ солдаты,
Иль въ домъ рабочій упеку,
Иль вовсе на смерть засѣку. —

Алеша! я его, злодѣя,
Смерть ненавижу — ты повѣрь,
И мнѣ противенъ онъ какъ звѣрь;
Но каплю жалости имѣя
Къ моей судьбѣ, молю тебя —
Не погуби ты самъ себя!

«Стою я — точно какъ испугомъ
Къ землѣ прикованъ. Боже мой!
Такъ голова и ходитъ кругомъ...
Смотрю: Анюта предо мной
Блѣдна, какъ мертвая какая,
И плачетъ, изрѣдка рыдая.
Я крѣпко вдругъ ее прижалъ
Къ моей груди — и побѣжалъ...
И чувствую, что весь сгораю,
Тоска, и злоба, и печаль
Такъ вотъ меня и гонятъ вдаль.
Иду — куда, и самъ не знаю.
Прошелъ село. Вотъ въ сторонѣ
Кладбище въ поздней тишинѣ.
Иду — какъ Каинъ окаянный...
Вотъ знаю мѣсто — крестъ стоитъ
Полусогнившій, деревяный:
Тутъ мой отецъ въ гробу зарытъ,
А возлѣ мать. Я поклонился,
Задумался, перекрестился,
На землю у креста припалъ
И горько, горько зарыдалъ.

Отецъ родной и мать родная!
Простите мнѣ — съ ума схожу!
Я ль виноватъ, иль доля злая —
Но я его не пощажу:
Убью его, не пожалѣя,
Какъ вошь, какъ гадину, какъ змѣя
Молитесь за душу мою!
Мое невольно преступленье —
Молитесь за душу мою!
Авось Господь пошлетъ прощенье.
Не помню, долго ли лежалъ
Я надъ могилами родными,
Но помню, что, когда я всталъ,
Въ послѣдній разъ простился съ ними
И оглядѣлся, — ночь была
И молчалива, и свѣтла,
И стало на сердцѣ потише,
Какъ-будто, сжалясь, кто-то мнѣ
Благословенье подалъ свыше,
И я забылся какъ во снѣ...
Но вдругъ опять, какъ звѣрь, очнулся, —
Нѣтъ! говорю, ужъ такъ и быть,
Судьбы никакъ не измѣнить —
И быстрымъ шагомъ вспять пустился.

«Вхожу на кухню. Вдоль стола
Нашъ поваръ спитъ точь-въ-точь убитый,
Полштофъ тутъ возлѣ недопитый.
Я допилъ. Съ печки изъ угла

Досталъ, пошаривъ, ножъ забытый,
И робко поглядѣлъ кругомъ —
И побѣжалъ въ господскій домъ.
Все спитъ. Иду по тусклой залѣ,
Двѣ половицы затрещали;
Дрожитъ въ гостиной свѣтъ и тѣнь
И мѣсяцъ ясенъ словно день.
Иду какъ воръ. Вотъ спальня. Ноги
Въ колѣняхъ гнутся отъ тревоги
И сердце бьется и стучитъ,
Едва дышу, въ ушахъ шумитъ...
Я отперъ дверь: лежитъ сердечный
И разметался, спитъ безпечно.
Свѣча горитъ. Изъ сонныхъ рукъ
Упалъ черешневый чубукъ...
Кажись, что усъ пошевельнулся.
Боюсь я, какъ бы не проснулся —
И вдругъ, съ разбѣгу, что есть силъ,
Я въ брюхо ножъ ему всадилъ.
Онъ страшно вскрикнулъ — дикій голосъ —
Привсталъ весь блѣдный, дыбомъ волосъ,
И что-то онъ хотѣлъ сказать,
Но покатился на кровать,
Вздохнулъ и умеръ. Въ домѣ цѣломъ
Все спало тѣмъ же крѣпкимъ сномъ,
А я, какъ вкопаный, съ ножомъ
Одинъ стоялъ надъ мертвымъ тѣломъ.
Еще красна, еще тепла
Кровь на ножѣ моемъ была,

Гляжу — все смутно въ мысляхъ бродитъ,
Всего такъ знобомъ и поводитъ;
Я ножъ мой на полъ отшвырнулъ
И вышелъ изъ дому. Свѣтало,
Навстрѣчу воздухъ мнѣ пахнулъ,
И въ головѣ яснѣе стало...
Куда идти?... Э! все равно,
Такъ, видно, Богомъ рѣшено.
Пошелъ къ прикащику всѣхъ мимо:
Вставай! — Что, что? — Да ничего,
Сейчасъ зарѣзалъ я его. —
Кого? — Да барина, вѣстимо. —
Алеша! что ты? что съ тобой?
Въ умѣ ли ты? Бѣги скорѣе! —
Не убѣгу я, братецъ мой,
Останусь мертваго смирнѣе.
Теперь и дѣло не о томъ,
Теперь мнѣ все ужъ ни почемъ;
На прочихъ не было бъ гоненья, —
За становымъ безъ замедленья
Сейчасъ же ѣхать прикажи.
А обо мнѣ ты не тужи!
Я кончилъ. Жизнь мнѣ не отрада,
Пусть будетъ то, чему быть надо.

«Сижу. Совсѣмъ ужъ разсвѣло,
Все такъ красиво и свѣтло...
А въ домѣ поднялись тревоги,
Какъ? что?... и всѣ ко мнѣ спѣшатъ

И какъ на чучело глядятъ.
Жена пришла. Упала въ ноги:
Алеша! говоритъ, любя
Совсѣмъ сгубила я тебя!
Ее я обнялъ. Сердце ныло.
Заплакалъ я. — Что бъ тамъ ни было,
А ты иди себѣ домой,
Прости меня, Господь съ тобой!

«Пріѣхалъ становой. Сурово
Распорядился всѣмъ, какъ могъ;
Потомъ свезли меня въ острогъ...
А остальное вамъ не ново.—
Подчасъ и барина мнѣ жаль,
Какъ вспомнишь, какъ дѣтьми мы были,
Рѣзвились вмѣстѣ и шалили...
А пуще все томитъ печаль:
Жена ко мнѣ придетъ ли въ ссылку?
Иль я одинъ сойду въ могилку?...
А впрочемъ — пусть другой возьметъ,
Авось ей счастье Богъ пошлетъ!»

5.

Мозглякъ замолкъ. Я вижу — слезы;
Конечно, тутъ не до угрозы!
Что мнѣ еще его терзать?
И приказалъ я расковать.

Авось ли самъ за состраданье
Не попадусь подъ наказанье!
И средство есть: придешь — отдай
Съ харчей полковнику свой пай, —
И помиримся съ нимъ на этомъ.

Полковникъ, точно, деньги взялъ,
Подернулъ лѣвымъ эполетомъ
И дружелюбно мнѣ сказалъ:
«Ты молодъ, на умѣ все шалость,
А поживешь — забудешь жалость.» —
И былъ по прежнему хорошъ...
Мнѣ, вправду, дорогъ каждый грошъ,
Но тутъ дѣла такого сорту,
Что все бы отдалъ — ну ихъ къ чорту!
Да бѣдность, бѣдность — вотъ бѣда...
Ну — такъ кутнемте, господа!

РАДАЕВЪ.

ПОЭМА.

(ОТРЫВОКЪ).

Посвященіе.

И день прошелъ! Я наконецъ одинъ,
Моей мечты безспорный господинъ.
Какую цѣль ей въ тьмѣ ночной поставлю?
Куда полетъ задумчивый направлю?
О! знаю, знаю!... Какъ ни отучай,
Къ гнѣзду летитъ затерянная птица —
На родину! Какъ-будто чуждый край —
Просторная, но грустная темница!
Нѣтъ, нѣтъ! Тебѣ съ тоскующей мечтой
Не совладать, изгнанникъ добровольный!
Ей нужды нѣтъ, легко тебѣ иль больно, —
Вспорхнетъ себѣ и полетитъ домой.
И тамъ, бродя въ кругу воспоминаній,
Упрямая, отыскивать начнетъ
Картины тусклыя — народный гнетъ,
Унынье лицъ, безмолвіе страданій...
А сердце,— сердце глухо задрожитъ,
Холодный знобъ по тѣлу пробѣжитъ.

Иль вдругъ мечта, вниманье напрягая,
Подслушаетъ внутри родного края
Живую жизнь, и съ вѣстію весны
Надъ родиной съ лазурной вышины
Въ сіяньи утра крыльями забьется
И пѣснію серебряной зальется,
А сердце, вѣруя, на звукъ живой
Откликнется тревогой молодой.
Продержитъ ли, озарена денницей,
Моя мечта свой радостный полетъ,
Иль съ высоты подстрѣленною птицей
Она на степь безмолвную падетъ,
И сердце съ всей горячею любовью
Заглохнетъ вовсе, обливаясь кровью, —
Что бъ ни было — придется ль отпѣвать
Умершихъ заживо, у ихъ постели
Весь пошлый хламъ ихъ жизни поднимать,
Иль пѣсни пѣть у новой колыбели,—
Что бъ ни было — за чуждые края,
На родину лети, мечта моя,
И съ трепетомъ надежды и кручины
Отыскивай знакомыя картины...

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

Преданія.

ГЛАВА I.

Вдоль снѣжной улицы заборъ,
За нимъ широкій бѣлый дворъ;
Между людскими и сараемъ,
До оконъ снѣгомъ заметаемъ,
Приземистый господскій домъ;
Навѣсъ досчатый надъ крыльцомъ.
Въ передней свѣчка нагорѣла;
На койкѣ, прислонясь къ стѣнѣ,
Безъ развлеченій и безъ дѣла,
Лакей храпитъ въ неровномъ снѣ.
Въ столовой пусто; втихомолку
Блуждаетъ лампы тощій свѣтъ,
Часы стѣнные безъ умолку
Снотворно стукаютъ: да — нѣтъ...
Въ гостиной пусто и печально:
Передъ диваномъ столъ овальный,
Горятъ двѣ свѣчи на столѣ;

Уныло кресла въ полумглѣ,
Пустыя ручки простирая,
Кругомъ стоятъ, какъ бы взывая —
Когда же кто, о небеса!
Одушевляя кругъ нашъ тѣсный,
Въ объятья наши полновѣсно
Опуститъ тучныя мяса!
Но ихъ взыванье безотвѣтно...
Одинъ, свидѣтель тишины,
Какой-то баринъ со стѣны,
Впередъ склонясь едва замѣтно,
Недвиженъ въ рамѣ золотой,
Лукаво смотритъ какъ живой,
Съ улыбкой черствой, желчно-важенъ,
Во фракѣ, чопорно приглаженъ,
И въ бѣломъ галстукѣ съ узломъ
Подъ красной лентою съ крестомъ.
Но возлѣ, въ комнатѣ угольной,
По взгляду первому невольно
Узнаетъ каждый этотъ ликъ:
Высокій сгорбленный старикъ —
Да, это онъ! Хоть старѣй много,
Но тотъ же взглядъ лукаво-строгій.
Немало, знать, мелькнуло лѣтъ
Съ тѣхъ поръ, какъ писанъ былъ портретъ!
Теперь и голова сѣдая,
Улыбка, съежась, стала злая,
Наморщенъ лобъ, нависла бровь,
И вмѣсто фрака, пригрѣвая

Уже дряхлѣющую кровь,
Надѣтъ пальто, да потеплѣе;
Одно какъ прежде: крестъ на шеѣ.
Старикъ за письменнымъ столомъ
Сидитъ, въ разсчеты погруженный;
Предъ нимъ бумаги листъ, кругомъ
Исписанный и разграфленный;
Слѣдитъ за цифрой зоркій взглядъ,
По счетамъ пальцами сухими
Рука, скользя изъ ряда въ рядъ,
Стучитъ кружками костяными.
Хотя бъ одинъ сторонній звукъ!...
И слышно въ тишинѣ суровой
Все только счетовъ бѣглый стукъ,
Да ровный ходъ часовъ въ столовой,
И время крадется впередъ...
Старикъ провѣрилъ свой приходъ,
Рука притихла, смолкли счеты;
Часы въ столовой, изъ дремоты
Съ внезапнымъ шипомъ пробудясь,
Пробили звонко девять разъ,
И снова съ мѣрностью упорной
Пошли постукивать снотворно.
Морщины жесткаго чела
Старикъ, насупясь, грозно сдвинулъ
И счеты въ сторону откинулъ,
Взялъ колокольчикъ со стола,
Звонитъ... звонитъ... Но нѣтъ отвѣта.
Трепещетъ гнѣвная рука...

Вдругъ, будто пущенъ изъ лука
Иль выстрѣленъ изъ пистолета,
Лакей бѣжитъ, стучитъ, бѣжитъ —
И сталъ въ дверяхъ у кабинета.
Старикъ въ лицо ему глядитъ,
И у лакея дрожь-злодѣйка
Прошла по тѣлу бѣглой змѣйкой.
— «А ты ходи, да не стучи!
Добромъ васъ, видно, не учи!
Все спишь, мошенникъ! Розгу знаешь?
Иль ты ее позабываешь?
Напомнить, что ли? говори,
Напомнить?... То-то же — смотри!
Позвать бурмистра!» — Вслѣдъ урока
Лакей на цыпочкахъ ушелъ,
Какъ бы боясь попортить полъ,
И было слышно издалека,
Какъ взвизгнулъ блокъ во весь размахъ
И дверью хлопнуло въ сѣняхъ.
Старикъ встаетъ, какъ тѣнь сухая,
И ровно, медленно шагая
По комнатамъ взадъ и впередъ,
Въ углахъ свершая поворотъ,
Блуждаетъ, точно духъ пустынный
Въ тиши обители старинной,
И вторитъ шороху шаговъ
Глухое стуканье часовъ.
Пришелъ бурмистръ и сталъ въ столовой,
А баринъ ходитъ и молчитъ;

Всегда грозы боясь новой,
Мужикъ опасливо глядитъ,
То робко ноги переставитъ,
Погладитъ бороду, вздохнетъ,
Иль кашлянетъ, кушакъ поправитъ,
Или, блѣднѣя, пальцы мнетъ.
Соскучившись прогулкой мѣрной,
Подходитъ баринъ наконецъ:
—«Ну что? пріѣхалъ твой купецъ?»
—«Ждемъ съ часу на часъ. Будетъ вѣрно.»
—«Ты у меня смотри, подлецъ,
Надуть меня съ нимъ хочешь вмѣстѣ?...»
—«Какъ можно-съ! Провалюсь на мѣстѣ...»
—«Задатокъ въ руки! И смотри,
Чтобъ было у всего обоза
Зерно получше сверху воза,
А дрянь, что ни на есть, внутри;
Да улучай и день пріема,
Когда купца не будетъ дома.»
—«Кузьма просился на базаръ...»
—«Забылъ, чѣмъ пахнетъ полугаръ?
Али онъ сѣченъ не былъ съ роду?
Не смѣть! Назначь его въ подводу.
Пошелъ!» — И вышелъ вонъ мужикъ.
Опять молчанье домъ объемлетъ,
Опять лакей на койкѣ дремлетъ,
Опять по комнатамъ старикъ
Пошелъ бродить, какъ духъ пустынный
Въ тиши обители старинной,

И снова шорханье шаговъ,
И снова стуканье часовъ,
И въ вечеръ зимній, вечеръ длинный,
Васъ такъ и давитъ и гнететъ
Глухое чувство тайной муки,
Тоски подавленной и скуки,
И время крадется впередъ.
А на дворѣ свое молчанье,
На небѣ мѣсяцъ и свѣтло,
По снѣгу робкое мерцанье,
Морозно, пусто и бѣло.
Въ саду деревья сѣды, голы,
Стоятъ недвижные ихъ стволы,
Всѣ сучья кверху устремивъ,
Какъ-будто и у нихъ порывъ
Какой-то былъ, покуда жили,
Да тутъ же навѣкъ и застыли.
И ни вблизи, ни сдалека,
Среди безмолвія глухого,
Не чуешь ничего живого,
И давитъ страшная тоска.

Такъ жизнь тянулась годы, годы,
Сегодня такъ же, какъ вчера,—
Старикъ считалъ свои приходы,
Все такъ же длились вечера.
Изъ службы выгнанный когда-то,
Но вѣрный цѣли всѣхъ трудовъ,
Копилъ онъ постоянно злато

Въ деревнѣ, купленной съ торговъ,
Все прочее считалъ за шалость;
Въ хозяйствѣ видя идеалъ,
Онъ къ мужику не вѣдалъ жалость,
Давилъ работою и獄 дралъ.
Въ замѣну взятокъ, съ страстью новой
Онъ полюбилъ обманъ торговый,
Любилъ процессы по судамъ
Вести кривой дорогой самъ;
Съ своимъ сосѣдомъ и сосѣдкой
Не ладя, онъ видался рѣдко;
Изъ слабостей мірскихъ къ одной
Благоговѣніе питая,
На шеѣ крестъ носилъ онъ свой,
Въ уединеньи выжидая:
Заѣдетъ ли купецъ какой
Въ недружелюбную трущобу, —
Чтобы тотчасъ передъ собой,
Взглянувъ, почувствовалъ особу;
Иль навернется какъ-нибудь
Судья ли, членъ ли непремѣнный, —
Не преминулъ бы униженно
«Превосходительство» ввернуть.
Но эта слабость мимоходомъ
Шла, не вредя любви къ доходамъ.
Кому старикъ и для чего
Копилъ съ безуміемъ недуга?
Богъ вѣсть! Ни сродника, ни друга
Не появлялось у него.

Хотя въ ребячествѣ когда-то
Онъ зналъ двоюроднагс брата,
Но жизнь ихъ врозь пошла давно,
И что съ нимъ сталось — все равно.
Одно живое наслажденье —
Что годъ, то прикупить имѣнье,
Одна томительная страсть —
Наживъ и мелочная власть...
И жилъ старикъ, какъ духъ пустынный
Въ тиши обители старинной,
И все дряхлѣлъ изъ года въ годъ,
И напослѣдокъ въ свой чередъ
Онъ умеръ какъ-то незамѣтно,
Скупую жизнь доживъ бездѣтно.
И долго послѣ грустный домъ
Между людскими и сараемъ,
До оконъ снѣгомъ заметаемъ,
Стоялъ въ забвеніи глухомъ.
Лишь мѣсяцъ, по небу гуляя,
Сквозь сучья голые блеснувъ
И робко въ окна заглянувъ,
Лучомъ по комнатамъ блуждая,
Бросалъ безмолвно мертвый свѣтъ
На неколеблемый портретъ;
Часы молчатъ, свѣча задута,
Лакей ушелъ, и дверь замкнута,
Въ дому нигдѣ не шелохнетъ,
И время крадется впередъ...

ГЛАВА II.

Разъ у околицы, зимою,
Въ пустую даль черезъ ухабъ
Сѣдой мужикъ глядѣлъ и зябъ,
И слушалъ съ робкою тоскою —
Кого съ утра Господь сулитъ?...
А колокольчикъ все звенитъ,
То притихая по сугробью,
То заливаясь мелкой дробью,
Все громче, громче... вотъ вдали,
По слѣду узкому, какъ свора,
Тѣснится тройка, съ косогора
Катя въ серебряной пыли.
Вотъ съѣхали, вотъ близко, близко...
И вотъ, въ ухабъ ударясь низко,
Кибитка, вымахнувъ съ прыжка,
Мелькнула мимо мужика,
Его оставивъ безъ движенья
Съ раскрытымъ ртомъ отъ удивленья,
Летитъ селомъ во весь опоръ;
Вотъ передъ ней мелькнулъ заборъ,
И вотъ, качнувшись съ поворота,

Она въ скрипящія ворота
Нырнула на господскій дворъ,
И колокольчикъ, замирая,
Смолкъ у крыльца. Слуга спрыгнулъ
И, полость мерзлую стряхая,
Ее проворно отстегнулъ;
И что-то тамъ внутри кибитки,
Въ глубь, подъ рогоженный навѣсъ
Совсѣмъ ушедшее въ пожитки,
Закопошилось, и полѣзъ
Тяжелымъ звѣремъ изъ берлоги,
Съ трудомъ выпутывая ноги,
Какой-то баринъ или грузъ,
Гдѣ только шуба да картузъ,—
И въ домъ пошелъ. Его впуская,
Отверзлась съ визгомъ дверь сѣнная;
Лакей, вкушавшій нѣгу сна
На койкѣ въ оны времена,
Воскресъ опять; съ заботой новой
Часы опомнились въ столовой,
Портретъ безмолвно со стѣны
Встрѣчалъ движенье новизны.
Но кто же гость неприглашенный?
Съ какого горя вздумалъ онъ
Нарушить многолѣтній сонъ,
И вноситъ въ домъ неблагосклонный
Заботу чуждую свою?
Не хочетъ ли для перемѣны
Вдохнуть въ замолкнувшія стѣны

Онъ жизни рѣзвую струю?
Или, покойнику подобно,
Найдетъ, что и ему удобно
Здѣсь молча жить изъ года въ годъ,
И все по прежнему пойдетъ,
И въ жизни все одно и то же
Потянется, на смерть похоже...

Пріѣзжій снялъ не безъ труда
Одежду зимнюю въ передней,
И вышелъ баринъ хоть куда —
Въ пальто короткомъ, ростомъ средній,
Ни худъ, ни толстъ, и въ тѣхъ годахъ,
Когда сѣдинъ морозъ осенній
Не серебрится въ волосахъ,
А нѣжный цвѣтъ поры весенней
Уже навѣкъ сбѣжалъ съ лица:
Достигла юность до конца,
Черты всѣ рѣзки, нѣтъ ужъ болѣ
Въ глазахъ веселости живой,
Въ улыбкѣ мягкости родной,
И втайнѣ спросишь поневолѣ,
Предъ человѣкомъ становясь:
Что̀ это сердце—скорбно ль, пусто ль?
Что̀ тутъ—раздумье или усталь?
Какъ жизни ломка пронеслась?
Здоровость силъ ли въ немъ созрѣла
И ринется въ живое дѣло,
Иль только жизнью данъ ему

Безплодный холодъ ко всему?
Слуга пріѣзжаго спокойно
Съ нимъ обращался и достойно
Покорно звалъ: Матвѣй Ильичъ;
Но все жъ, стремглавъ, дрожа заранѣ,
Не бѣгалъ на господскій кличъ.
На принесенномъ чемоданѣ,
На мѣдной маленькой доскѣ,
Въ мудреныхъ буквахъ чуждыхъ краевъ,
Хотя на русскомъ языкѣ,
Читалось явственно: Радаевъ.

Радаевъ наскоро спросилъ
(Что сдѣлалъ всякій бы съ дороги,
Уставъ отъ грязи и тревоги)
Умыться и бѣлье смѣнилъ,
Напился чаю, сну предался,
И за обѣдомъ доказалъ,
Что бурь житейскихъ грозный шквалъ
Его желудка не касался
И свято человѣкъ хранитъ
Въ юдоли бѣдъ свой аппетитъ.
Удобствъ желанія имѣя,
Радаевъ пересилилъ лѣнь —
Взявъ въ помощь стараго лакея,
Свой домъ устроилъ въ тотъ же день:
Столы и стулья переставилъ,
Слугѣ пріѣзжему убрать
Велѣлъ пожитки и кровать,

И книгъ запасъ въ тотъ шкафъ прибавилъ,
Гдѣ молча жилъ изъ года въ годъ
Законовъ многотомный сводъ,—
Покойника въ уединеньи
Одно усидчивое чтенье.
Потомъ по ящикамъ въ столахъ
Радаевъ сталъ, порядка ради,
Раскладывать свои тетради
И письма въ связкахъ и листахъ,
Гдѣ почеркъ мелокъ, буквы дружно
Толпятся, жмутся въ тѣснотѣ,
И много сердцу было нужно
Сказать на маленькомъ листѣ.

Но рано день склонялся томный,
Насталъ и вечеръ длинный, темный.
Была, какъ въ прежни времена,
Въ столовой лампа зажжена,
Въ гостиной свѣчи. Домъ устроенъ,
Радаевъ могъ ужъ быть спокоенъ,
И отпустилъ усталыхъ слугъ,
Чтобъ дать имъ отдыхъ и досугъ;
Иль можетъ-быть, хоть тутъ ужъ мало
Людолюбиваго начала,
Хотѣлось наконецъ ему
Остаться просто одному.

Какая тишь! Какъ одиноко!...
Какъ близко ждешь ударовъ рока!

Почти-что страшно, — эта тьма,
Въ окно глядящая докучно,
Въ углахъ бродящая беззвучно,
Весь этотъ домъ... Что̀ онъ? Тюрьма?
И гдѣ исходъ изъ заточенья,
Гдѣ звукъ хоть дальній искупленья?
Здѣсь даже прошлымъ не могло
Повѣять какъ-нибудь тепло.
Портретъ двоюроднаго дяди!...
Старикъ вѣкъ прожилъ не любя,
Глядѣлъ на одного себя;
И вотъ, наслѣдственности ради,
Закона страннаго путемъ
Попалъ Радаевъ въ этотъ домъ:
Онъ дяди не знавалъ и сроду,
Ему старикъ, и домъ его,
И жизнь его вся годъ отъ году
Не представляла ничего.
Здѣсь не было воспоминаній,
Того знакомаго слѣда
Былыхъ людей, живыхъ преданій,
Неизгладимыхъ никогда;
Здѣсь тихо дѣтскому веселью
Ничей не радовался глазъ;
Никто, съ любовію склонясь,
Не пѣлъ надъ дѣтской колыбелью,
Никто здѣсь по полу порой
Шаговъ знакомыхъ не направилъ;
Никто на вещи ни одной

Прикосновенья не оставилъ;
На что ни взглянетъ онъ — ему
Чужое все во всемъ дому,
И только то ему извѣстно,
Что дядя нажилъ грабежомъ
И что наслѣдовать по немъ
Почти-что даже и нечестно.
Тоска, тоска! Невольно тутъ
Радаевъ сталъ искать пріютъ
Среди своихъ воспоминаній,
Среди своихъ родныхъ преданій,
И образы тутъ вспомнилъ онъ
Иныхъ людей, иныхъ сторонъ.
Онъ вспомнилъ, какъ во дни забавы,
Когда онъ мальчикъ былъ кудрявый,
Чтобъ слабый возрастъ охранять,
Ему сопутствовала мать,
Высокая со станомъ стройнымъ,
Съ лицомъ задумчиво-спокойнымъ
И лаской въ голосѣ самомъ.

Онъ вспомнилъ, какъ она сидѣла,
Онъ на колѣняхъ передъ ней,
Не отводилъ съ нея очей,
Часы глядѣлъ бы, день бы цѣлый;
Пускай не могъ онъ понимать,
Но взоры дѣтскіе искали
На кроткомъ ликѣ разгадать
Значенье думы и печали.

Разъ онъ засталъ ее въ слезахъ;
Отецъ его, веселый малый,
На этотъ разъ, какъ полинялый,
Стоялъ съ газетою въ рукахъ.
Они тревожно разговоръ
Вели все шопотомъ...

. . . .

. . . .

Ребенокъ ужасомъ объятъ,
Съ ума нейдетъ все этотъ дядя;
Онъ къ нимъ недавно пріѣзжалъ
Въ мундирѣ съ саблей; тихо гладя
По головѣ, его ласкалъ:
«Будь, милый мальчикъ, другъ народа,
А тамъ ужъ что ни суждено...»

. . . .

. . . .

А при гостяхъ — онъ такъ кричалъ,
Такъ какъ-то рѣзко выражался,
Старикъ съ звѣздой его боялся
И, втайнѣ злясь, при немъ молчалъ.

Потомъ прошло еще съ полгода,
Цвѣла зеленая природа,
И было лѣто, и дитя
Въ саду рѣзвилося шутя;
Вдругъ вѣсть достигла дальнимъ слухомъ...

. . . .

. . . .

А сердце женское изныло,
И мать не вынесла бѣду,
Она слегла, звала въ бреду
Свое дитя и говорила:
«Мой сынъ, мой сынъ, храни, храни,
Храни завѣтъ страдальцевъ сильныхъ...
. . . .
. . . .
Дитя мое, храни, храни...»
Смолкъ голосъ, сила упадала,
Въ девятый день ея не стало;
Лицо какъ мраморъ, блѣдный лобъ,
Попы и пѣнье, свѣчи, гробъ...
Радаевъ вскрикнулъ. Все, что было,
Такъ ярко память воскресила,
Душа его потрясена,
Живая дрогнула струна;
Такъ вотъ оно,—его преданье!
Вотъ, вотъ святое завѣщанье!
О! Тутъ съ былымъ святая связь
Внутри его не порвалась.
Пусть все вокругъ пока чужое,
Внутри преданье есть живое,
Ему въ дни скорби и труда
Не измѣнялъ онъ никогда.
Пусть тьма ночная глухо бродитъ,
Мятель тоскливо пѣснь заводитъ,
Онъ чувствуетъ, что сохранилъ
Упорство воли, бодрость силъ;

А много въ жизни шумнокрылой
Прошло и мыслей, и страстей,
Ошибокъ, слабостей, скорбей,
Паденій горькихъ, взмаховъ силы,
И все жъ еще, на зло судьбѣ,
Не утомился онъ въ борьбѣ.
Онъ вспоминалъ про годы школы,
И рѣзвыхъ мальчиковъ семью,
И про латинскіе глаголы,
Про дружбу первую свою,
Про безотчетное стремленье
И юной мысли пробужденье,
И какъ, сквозь школьный хламъ тѣснясь,
На свѣжій путь она рвалась.
Сначала въ школѣ шло свободно
И обращались благородно,
Безъ оскорбленій, и съ дѣтьми
Учтивы были, какъ съ людьми.
Но хуже стало. . . . .
. . . .
. . . .
И гдѣ друзья общины школьной,
Товарищи весны привольной,
Дѣлившіе между собой
Порывы жизни молодой,
И первый пылъ негодованья,
И робкой мысли начинанья,
Восторги, скорбь, надежды, трудъ
И прелесть искреннихъ минутъ?

Всѣ разбрелися, какъ попало,
Ихъ жизнь по свѣту разметала...
Блаженны тѣ, кого ужъ нѣтъ,
Кто въ гробъ сошелъ во цвѣтѣ лѣтъ
Безъ грязныхъ пятенъ, сердца жара
Не заглушивъ въ чаду угара,
И не торгуя, какъ иной,
Своей душевной чистотой
За деньги, барство, блескъ столицы,
За блюдо . . . . чечевицы.
Кто жъ уцѣлѣлъ? Да, рѣдкій тотъ,
Кто могъ въ себѣ сквозь сонъ и гнетъ
Спасти завѣтъ . . . . .
. . . .
Преданье чистое одно.
Радаевъ вспомнилъ, какъ, въ угоду
Отцу, служилъ онъ больше году
Въ блестящемъ городѣ Петра,
Въ одномъ изъ зданій многолюдныхъ,
Въ одномъ изъ заведеній чудныхъ,
Гдѣ пишутъ съ самаго утра,
Спѣша . . . .
Съ неутомимостью потока
Справлять дѣла, дѣла, дѣла,
Рѣшенія добра и зла,
Свершенныя . . . .
Порядкомъ . . . . канцелярской.
Радаеву навѣялъ сплинъ
Ходъ государственныхъ пружинъ...
. . . .
. . . .

Радаевъ съ жизнью не свыкался;
Весь чадъ тревоги городской,
Бездушный, дикій и пустой,
Его томилъ. Онъ задыхался,
Рвался на волю, и уйти
Хотѣлъ съ служебнаго пути.
Но чувство увлекло иное
Его въ тѣ памятные дни:
Искало сердце молодое
Любви и счастья,—и они,
Они пришли тепло и ясно,
Со всей мечтательностью страстной
Съ тѣмъ мягкимъ воздухомъ весны,
Гдѣ мирно слиты жизнь и сны.
Радаевъ вспомнилъ утро мая:
Прогулку раннюю свершая
Въ садахъ лицея вмѣстѣ съ ней,
Онъ шелъ подъ сѣнію вѣтвей.
Какъ солнце весело вставало
И блескомъ розовымъ сіяло!
И какъ свѣтла была вода
Спокойно-гладкаго пруда,
Въ студеной влагѣ отражая
И въ глубь отрадно погружая
Верхи деревьевъ и кустовъ!
Какъ пахло свѣжестью листовъ,
Густая зелень чуть шептала,
Роса блестѣла и дрожала!
А въ сердцѣ что за полнота!
Любовь просилась на уста,
И пролетѣлъ какъ бы украдкой

Влюбленной рѣчи лепетъ сладкій.
Радаевъ помнилъ...
Пожатье бѣленькой руки
И личко, полное участья,
Улыбку счастья, слезы счастья.
О! какъ хорошъ, какъ чистъ былъ онъ,
Сердечной жизни первый сонъ!
И всѣ надежды, все страданье,
Свое завѣтное преданье,
Весь міръ своихъ любимыхъ грезъ
Въ свою любовь Радаевъ внесъ,
И сердце дѣвичье, казалось,
На все созвучно отзывалось,
И силы вызвали любовь,
И въ жизнь повѣрилося вновь.
И чѣмъ же кончилось все это?
Жениться рано, тамъ и тутъ
Отцы согласья не дадутъ.
Въ мечтахъ любви промчалось лѣто;
Нашелся въ Питерѣ зимой
У Вареньки женихъ другой,
Три года старше и богаче.
Радаевъ близокъ былъ ему
По направленью и уму;
Но Варя разочла иначе . . . .
И къ другу сердца въ пять-шесть дней
Замѣтно стала холоднѣй.
О дружбѣ говорила только,
А о любви уже нисколько,
И стала требовать совѣтъ:
Идти ей замужъ или нѣтъ?

Ударъ былъ данъ по самой ранѣ.
Радаевъ помнилъ, какъ въ туманѣ,—
Онъ, самъ не зная какъ, тогда
Пролепеталъ: конечно, да!
Потомъ онъ помнитъ—вкругъ налоя
Взявъ роль шута или героя,
Вѣнецъ надъ милой головой
Носилъ онъ собственной рукой;
Потомъ въ саняхъ скакалъ онъ прытко
По темнымъ улицамъ въ метель,
И дома, весь измученъ пыткой,
Рыдая бросился въ постель.
У! Вдругъ какъ пусто въ жизни стало,
Какъ-будто умеръ кто, и онъ
Вернулся съ чьихъ-то похоронъ.
Иль это что-то умирало
Внутри его, и въ цвѣтѣ силъ
Свое онъ сердце хоронилъ?
Какъ всѣ предметы стали блѣдны,
Какъ всѣ надежды стали бѣдны!
Да и на чемъ онъ строилъ ихъ
Въ мечтахъ восторженныхъ своихъ?
Кругомъ осталось все какъ было,
Все такъ же пошло, такъ же гнило,
. . . .
. . . .
Радаевъ службу, наконецъ...
Оставилъ, жаждя воли, воли...
Куда? въ Москву уѣхать, что ли?
Тамъ жилъ тогда его отецъ
Въ своемъ вдовствѣ давно утѣшенъ
Тѣмъ, что былъ . . . . . грѣшенъ.

Онъ сыну нехотя урокъ
Прочелъ слегка и не въ упрекъ
Сказалъ, что онъ не одобряетъ
Отставки, что поступокъ глупъ,
Но, впрочемъ, жилъ бы самъ какъ знаетъ,
И, засмѣясь, поѣхалъ въ клубъ,
Гдѣ ставилъ мазы на валета
Отъ ранней ночи до разсвѣта.

Но изъ среды воспоминанья
На мигъ Радаевъ отвлеченъ
Былъ мыслью страннаго свиданья.
Да! Вареньку увидитъ онъ:
Она теперь его сосѣдка,—
Въ деревнѣ съ мужемъ здѣсь живетъ,
Верстъ за десять — ужъ пятый годъ —
Съ дѣтьми... чай стала какъ насѣдка
И хлопотлива, и жирна...
И будетъ встрѣча ихъ смѣшна!
Но онъ насмѣшкою презрѣнья
Не омрачитъ прошедшихъ дней
И взглянетъ съ чувствомъ примиренья
На грезы юности своей.
Такъ въ полдень душный, въ вечеръ мглистый
Отрадно вспомнить про разсвѣтъ,
Про утро съ свѣжестью душистой
Про теплый солнечный привѣтъ.
Не все жъ на женскую измѣну
Досаду дѣтскую питать,

Когда онъ самъ... но тутъ опять,
Уставя взоръ въ пустую стѣну,
Радаевъ началъ проводить
Былого прерванную нить.

Въ Москвѣ его ждала иная
Бѣда безумная, тупая...
Ударъ судьбы! Бѣды страстей,
Какъ ни жестоки, но сноснѣй —
Ихъ ждешь какъ молніи съ грозою,
А тутъ, какъ ни бери въ разсчетъ
Причинъ и слѣдствій стройный ходъ,
А все жъ судьба передъ тобою —
Топоръ слѣпого палача,
Безумно рубящій сплеча.
Радаевъ доблестнаго друга
И мыслью сильнаго бойца
Засталъ подъ вѣяньемъ недуга,
Въ чахоткѣ — мѣсяцъ жить наврядъ...
Чуть внятный шопотъ, мутный взглядъ,
Лица и тѣла исхудалость,
И безпокойство и усталость;
Страшна она, страшна, дика
Людей предсмертная тоска!
Все кончилось... еще могила!

Такъ молодъ, а уже идти
Пришлось на жизненномъ пути,
Какъ по кладбищу, и уныло,

Въ туманъ и мглу глядя впередъ,
Считать, кого недостаетъ.
Что жъ это? Вотъ не стало друга,
Мечта любви унесена,
Какъ въ тѣнь юркнувшая волна,
И средь безвыходнаго круга,
Гдѣ жизнь лепечетъ жалкій бредъ,
Оплотъ потерянъ, вѣры нѣтъ...
Свободы гордое призванье,
Его завѣтное преданье —
Оно не нужно никому:
Всѣ придышалися къ ярму.
Онъ чувствовалъ, что трауръ носитъ
И по своимъ, и по чужимъ,
Равно по мертвымъ и живымъ.
Тоска души покоя проситъ;
Въ Москвѣ не по себѣ ему
Въ лѣнивомъ, легонькомъ шуму.
И съ наступившею весною
Онъ въ путь пустился поскорѣй
Въ деревню, гдѣ онъ росъ дитею,
Къ пріюту кроткихъ, мирныхъ дней,
Къ могилѣ матери своей.

Письмо къ Варенькѣ.

Твое письмо меня нашло
Въ хандрѣ, унылаго, больного,
Такъ что въ весеннее тепло
Боюся вѣтра я сквозного.
Мнѣ вреденъ дождь, несносна пыль,
Съ стола не сходитъ стклянка съ бурой
Непроглотаемой микстурой.
Дышу съ трудомъ, въ глазахъ все мутно
И кашель душитъ поминутно.
Но на меня письмо твое
Пахнуло жизнью благодатной:
Сердечный голосъ пѣсни внятной
Смягчилъ страданіе мое.
Я даже — а со мною это
Такъ не случалося давно —
Рѣшился отворить окно,
Опять взглянуть на Божье лѣто.
Все къ настроенью духа шло:
И мягкій воздухъ, и тепло;

И солнце, къ вечеру склоняясь,
Не зная, медлить иль уйти,
Казалось, стало на пути:
Дай, говоритъ, еще, прощаясь,
Минутку лишнюю одну
На землю мирную взгляну.
Сосѣдній садъ передо мною
Сіялъ зеленою листвою,
Сосѣдней кровли скатъ крутой
Желтѣлъ, свѣтясь какъ золотой;
Сосѣднихъ оконъ томный глянецъ,
Зари мерцающій румянецъ,—
Безмолвный праздникъ шелъ по ней,
По бѣдной улицѣ моей,
Съ тѣмъ мягкимъ воздухомъ весны,
Гдѣ мирно слиты жизнь и сны.

СТРАННИКЪ.

«Сего ради не являйся ты орле, и крилѣ твои грозныя, и перійца твоя строптивая, и главы твоя лукавыя, и ногти твоя злѣйшія, и все тѣло твое суетное. Яко да прохладится вся земля, и обратится свободна отъ твоея силы, и уповаетъ на судъ и милосердіе Того, Иже сотвори ю.»

(*3 книга Ездры, глава 11*).

Въ глухомъ бору, удалена
Отъ шумнолюднаго поселья,
Стоитъ пуста, стоитъ одна
Моя бревенчатая келья.
Вернусь ли я въ нее, иль нѣтъ?
Во имя истины бродяга —
Найду ль свой кровъ къ исходу лѣтъ?
Замру ль въ мятель середь оврага?
Не знаю. Смерть вездѣ тиха!...
Отъ зла міpского и грѣха
Бѣжалъ я молодъ въ боръ сосновый,
Бѣжалъ неторною тропой,
И прорубилъ мой просѣкъ новый
И ставилъ срубъ семивѣнцовый
Своею собственной рукой.
Топоръ звенѣлъ, щепа летѣла
И птица близко сѣсть не смѣла...
Но быстро я кончалъ мой трудъ:
Мнѣ нуженъ, нуженъ былъ пріютъ
И строгихъ думъ, и покаянья —
Душа искала врачеванья.

Богатъ былъ торгомъ мой отецъ,
Хотѣлъ, чтобъ былъ и сынъ купецъ;
Бывало, брань ввернетъ сурово
Въ свое напутственное слово,
Такъ что сгораешь со стыда, —
И пуститъ парня молодого
На прибыль — въ села, въ города.
И буйно шли мои года!
Года горячки, денегъ кипа —
Живи да празднуй безъ просыпа!

Случилось близко къ генварю —
Селомъ я ѣду. Ночь и холодъ.
Озябъ, морозъ пробралъ да голодъ.
Держи къ избѣ! Вхожу, смотрю:
Горятъ двѣ свѣчи восковыя,
Глядятъ двѣ головы хмельныя —
Исправникъ съ бариномъ рядкомъ
Передъ полштофомъ, за столомъ.
«Купецъ знакомый не помѣха!
Садись!» — сажусь, пошла потѣха.
Кто выпьетъ чарку похмельнѣй,
Кто скажетъ слово посрамнѣй,
Тому и слава! Хохотъ, пѣсни...
«Разсыльный Митька! ты хоть тресни,» —
Кричатъ лихіе господа,—
«А дѣвокъ намъ веди сюда!»
Вотъ ихъ и вводятъ, въ дверь толкая,—
Красотокъ пара молодая!

Гляжу сквозь хмель: изъ нихъ одна
Дрожитъ, какъ листъ, какъ смерть блѣдна;
Другая только плачетъ, плачетъ,
Въ рукавъ лицо тихонько прячетъ.
Какъ взноетъ сердце, — я вскочилъ,
Со злости задрожали губы,
Кричу: злодѣи! душегубы!
Да кулакомъ, что было силъ,
Хватилъ исправника по рожѣ,
И барину досталось тоже —
Обоихъ на полъ повалилъ...
Догнать погоня не посмѣла,
Отецъ далъ денегъ — скрыли дѣло.
Но въ эту зиму я притихъ,
Смирился и кутежъ оставилъ,
Дичился встрѣчныхъ и своихъ,
И свѣтъ постылъ и не забавилъ.
Сталъ думать. Изъ ума не шло —
Отколь страданіе и зло?
Зачѣмъ повсюду плачъ и горе,
Зачѣмъ народъ живетъ въ позорѣ,
И люди злобны и грѣшны
И даже жалки и смѣшны?
Зачѣмъ я самъ на зло способенъ,
Развратенъ, дикъ, скотоподобенъ?
Гдѣ слово правды? Гдѣ покой?...
И слышу шопотъ надъ собой:
«Спасайся!» — Холодомъ объяло
При этой мысли, духъ сперся

И дыбомъ встали волоса,
И будто къ полу приковало,
Такъ въ этотъ заповѣдный мигъ
Восторгъ и ужасъ былъ великъ.
Отецъ сталъ сильно недоволенъ,
Ругалъ: ты песъ, а не торгашъ!
Сбирался сѣчь, но лѣкарь нашъ
Сказалъ, что я, должно-быть, боленъ.
Гадать ходили на бобы,
Но не развѣдали судьбы.
Пришла весна, снѣга сбѣжали,
Я говорю отцу: «прощай!
Не злобствуй на мои печали,
А деньги младшимъ завѣщай;
Дай жить мнѣ помысломъ нешумнымъ,
Да подаяніемъ мірскимъ...»
Отецъ почелъ меня безумнымъ,
Народъ почелъ меня святымъ.

Ка̀къ я вздохнулъ свободнымъ вздохомъ,
Когда надъ кельею покрылъ
Я кровлю хворостомъ и мохомъ,
Да печь нехитрую сложилъ!...
Готовъ пріютъ!... Къ концу недѣли
Былъ приносимъ, въ обычный день,
Въ дупло знакомой старой ели
Посильный даръ изъ деревень,
И благостынною крупицей
Дѣлился я съ лѣсною птицей.

Близъ кельи, у корней древесъ,
Чуть слышно сквозь обрывъ песчаный
Сочился змѣйкой ключъ студяный,
Былъ тихъ и шуменъ древній лѣсъ
И вѣялъ влагою смолистой.
Я сквозь навѣсъ его иглистый
Глядѣлъ далеко въ глубь небесъ:
Зачѣмъ же въ людяхъ плачъ и горе
И бури на житейскомъ морѣ?...

Я жилъ одинъ. Веснѣ вослѣдъ
Томило сушью жаркихъ лѣтъ,
И вслѣдъ за осенью глухою
Шли зимы бѣлой чередою.
Святую книгу я читалъ
И духа истины искалъ,
Извѣдалъ много думъ палящихъ,
Молитвъ сердечныхъ, слезъ скорбящихъ,
И сколько прожилъ зимъ и лѣтъ —
Не въ силахъ дать себѣ отвѣтъ;
Я не считалъ зари восходы,
Я не видалъ, какъ длились годы...
Теперь я знаю, что сѣда
И голова, и борода.
Въ послѣдній годъ въ тиши дремучей
Мнѣ трижды снился сонъ могучій,
Пророческій!... Я помню ночь —
Въ бору носилась тьма сырая,
Лилъ дождь, и вѣтеръ во всю мочь

Рвался, свистя и завывая;
А сосны бьются и трещатъ
И шишки сыплются какъ градъ,
А я, колѣнопреклоненный,
Въ безмолвной келіи моей
Стоялъ надъ книгою священной,
То тайный смыслъ гадая въ ней,
То взоръ впѣривъ съ нѣмой отрадой
На озаренную лампадой,
Ко мнѣ склоненную съ креста
Главу распятаго Христа.
Раскрылись вѣщія страницы
И сонъ смежилъ мои рѣсницы.
И вижу я — все степь кругомъ,
И на землѣ зноепалимой
Среди степи необозримой
Спитъ человѣкъ тяжелымъ сномъ,
Въ тяжеломъ снѣ дрожитъ отъ муки,
Раскинувъ немощныя руки.
На немъ сидитъ орелъ степной
И вкругъ поводитъ головой,
Сверкая дико, какъ огнями,
Желтобагровыми глазами,
И въ плоть, качаясь съ бока въ бокъ,
Вонзаетъ когти жесткихъ ногъ,
И шея горбится клоняся,
И жесткій клювъ теребитъ мясо,
И крылья темныя простеръ
Орелъ надъ жертвой какъ шатеръ;

И изъ-подъ перьевъ, въ взмахъ крылатый,
Свалились хищные орлята,—
Наглѣе стараго врага
Клюетъ и топчетъ мелюзга,
И жадный хрипъ и посвистъ дикій
Въ степи гласятъ про пиръ великій.
А съ человѣка льется кровь,
Но тѣло заростаетъ вновь,
И спитъ онъ, спитъ, дрожа отъ муки,
Раскинувъ немощныя руки,
И не воленъ ни глазъ поднять,
Ни рта раскрыть, ни простонать.
Чело я въ ужасѣ понурилъ
И въ самомъ снѣ глаза зажмурилъ,
Но съ устъ невидимыхъ исшелъ
Ко мнѣ торжественный глаголъ:

«Возстань, силенъ, какъ левъ косматый,
И, духа истины глашатай,
Въ житейскій міръ опять иди
И человѣка разбуди,
Чтобъ онъ открылъ живыя очи
И послѣ долгой, долгой ночи
Въ единый взмахъ спугнулъ орла,
И разлетѣлись бы орлята,
Живой святыни супостаты,—
Зане землѣ пора пришла
Съ отлетомъ птицы плотоядной
Дышать свободно и прохладно.»

Проснулся. Ночь. Лампады блескъ,
Въ лѣсу все дождь, и гулъ, и трескъ.
Я думалъ — это духъ гордыни
Смущаетъ миръ моей пустыни,
И я ли — кающійся духъ —
На звукъ грѣховный столько глухъ,
Что призванъ къ подвигу святыни!
Вторая ночь была зимой,
Пришла съ такою тихой тьмой,
Что слышно было, какъ сыпучій
Стряхался снѣгъ съ сосновыхъ сучій.
Передъ лампадой и крестомъ
Листы ворочалъ я перстомъ.
Разверзлись вѣщія страницы
И сонъ смежилъ мои рѣсницы;
И та же степь зноепалима,
И жертва спитъ непробудимо,
И такъ же голосъ рекъ: «иди
И человѣка разбуди.»
И вѣра духъ мой охватила,
Сомнѣнье стлѣло какъ въ огнѣ,
И я почуялъ, что во мнѣ
Растетъ восторженная сила.
На третью ночь была весна,
Надъ свѣжимъ боромъ шла луна...
Раскрылись вѣщія страницы
И сонъ смежилъ мои рѣсницы.
Я внялъ видѣнью моему,
И взялъ я посохъ и суму,

Пошелъ, исполненъ свѣтомъ чуднымъ,
Бродить по селамъ многолюднымъ
Неутомимою стопой,
Доколѣ хватитъ силъ и вѣка,
Вѣщая видѣнное мной
И пробуждая человѣка.

А тамъ, въ бору, удалена
Отъ шумнолюднаго поселья,
Стоитъ пуста, стоитъ одна
Моя бревенчатая келья.
Вернусь ли я въ нее иль нѣтъ?
Сложу ль въ ней ношу долгихъ лѣтъ?
Засну ль въ ея тиши священной
Кончиной мирной, несмущенной?...
Не знаю!... Но прожитыхъ въ ней
Ночей несчитанныхъ и дней,
Безмолвныхъ думъ, и слезъ скорбящихъ,
И сновъ, грядущее гласящихъ,
Поста, восторга и труда—
Я не забуду никогда.

---

* * *

За столомъ сидѣлъ сѣдой дѣдушка,
Да сидѣла сѣдая бабушка,
Да молодка, млада красавица,
Да прохожій мужикъ, неизвѣстно кто,
Коренастъ, и бородка жидкая.
А Иванъ пришелъ со двора барскаго.
«Что Иванъ ты нашъ пригорюнился?
Аль на барскомъ дворѣ-то высѣкли?»—
—«Нѣтъ,»—Иванъ говоритъ,—«не высѣкли;
А вы лучше меня послушайте.
Прихожу вотъ я на господскій дворъ,
Подхожу къ дверямъ ко стекляннымъ,
Двери расперты, вижу въ комнатѣ
Сидитъ баринъ самъ, сидитъ барыня,
Дѣти малыя у окошечка
Все глядятъ молодыми глазками,
Такъ глядятъ, ничего не дѣлаютъ.
Вижу, барыня сидитъ гнѣвная,

Говоритъ она, слышу, барину:
«Сударь, мужъ ты мой, Лука Өедорычъ,
Ну, скажи теперь ты на милость мнѣ,
Что надѣлалъ ты да напакостилъ?
Какъ намъ быть да жить, что намъ ѣсть да пить?
Все имѣньишко, что осталося,
Что осталося да послѣднее
Отъ богатыхъ селъ, отъ большихъ домовъ,
Крѣпостныхъ людей нашихъ собственныхъ,
И оно уйдетъ, съ молотка пойдетъ,
По одной твоей, сударь, милости.
Сударь! Бога ты побоялся бы!
На дѣтей взгляни, все подросточки,
Воспитать, сударь, нужно-надобно,
По французскому, по нѣмецкому
И по всякому надо выучить.
И сама-то я — что я барыня,
Разъѣзжала я съ малолѣтныхъ лѣтъ
Четверней, сударь, со форейторомъ,
Со двумя, сударь, со лакеями,
Галуны на нихъ гербомъ шитые,
А колясочка такъ и катится,
Какъ качается, и не чувствуешь;
А теперь, сударь Лука Өедорычъ,
Что, пѣшкомъ мнѣ, что ль, идти по грязи?
На пирахъ въ гостяхъ являлася —
Не графиней, а царицею!...
Наряжалася въ перья-жемчуги,
Одѣвалася въ блонды-бархаты;

А теперь, сударь Лука Ѳедорычъ,
Не прикажешь ли нарядиться мнѣ
Въ юбку толстую, затрапезную,
Вотъ какъ носятъ здѣсь босоногія
Наши дѣвушки, судомоечки?
А скажи-ка, кто протранжирилъ все?
Это ты, сударь Лука Ѳедорычъ,
Со друзьями все, съ забубенными,
Да за картами за игрецкими,
Да съ блудницами низкородными,
А жену свою ты законную
Изъ дворянскаго роду-племени —
Ни во грошъ не счелъ, ни въ копеечку.
Охъ! Куда пойду, горемычная?
Охъ! заѣлъ, сударь Лука Ѳедорычъ,
Охъ! заѣлъ ты всю мою молодость,
Посѣдѣть велѣлъ прежде старости,
Народилъ со мной дѣтокъ малыихъ,
Да пускаешь насъ, сударь, по міру.»
Взвыла барыня воемъ съ привзвизгомъ,
Понахмурился Лука Ѳедорычъ,
Сталъ свой усъ щипать черный съ просѣдью
И тихонько такъ ей вымолвилъ:
«Ядовитыя рѣчи женскія!
Пожалѣла бъ ты, Марья Дмитревна,
Хоть бы дѣтушекъ недоросточковъ,
Пощадила бы ихъ младенчество,
Да при нихъ меня не корила бы,
Не скребла бы ты языкомъ своимъ

Какъ ножомъ какимъ меня по сердцу,
Грязью въ рожу мнѣ не кидала бы.
Да скажи-ка ты, какъ по твоему —
Самому небось жить мнѣ весело?
Доканать меня, что ль, ты вздумала,
Баба-барыня ядовитая?
Какъ подумаешь, да подумаешь...»
Тутъ какъ взбѣсится Лука Ѳедорычъ,
Да какъ со стула вскочитъ на ноги,
Кулакомъ своимъ треснетъ по столу,
Инда окны всѣ зашаталися,
Дѣти малыя испужалися.
Возопилъ онъ тутъ, Лука Ѳедорычъ,
Громкимъ голосомъ да и жалобнымъ:
«А что скажетъ,» молъ, «моя тетушка,
Пересмѣшница Анна Павловна?
А что скажетъ,» молъ, «генералъ крутой,
Андрей Павловичъ, родной дядюшка!
Да сестрица моя безталанная
Съ моимъ зятюшкой завидущімъ?
Всѣ начнутъ кричать однимъ голосомъ —
По дѣломъ ему, по дѣломъ ему,
И женился онъ не спросясь родныхъ,
Всѣ дѣла свои велъ по своему;
Вишь умнѣе былъ своихъ сродниковъ;
Ну! такъ вотъ ему и разоръ пришелъ,
Дураку судьба и дурацкая! —
Да не то чтобы одни сродники
(Чтобы чортъ ихъ всѣхъ на хвостѣ испекъ), —

Всѣ, сударыня Марья Дмитревна,
Всѣ знакомые, незнакомые,
Всѣ ругать начнутъ, не жалѣючи,
Сколько сраму-то и невидимо!
Ужъ чего сказать — вонъ подлецъ Михей
Сапоговъ моихъ ужъ не вычистилъ,
Тожъ чай думаетъ: мы-де вольные,
А у барина спесь дворянская,
А башка-то, знать, все жъ дурацкая.
Вѣдь, сударыня Марья Дмитревна,
Всякій въ рожу мнѣ наплюетъ теперь;
А виной тому, Марья Дмитревна,
Твое чванство да твои важности,
Разъѣзжала ты четверней лихой,
Наряжалася въ перья-жемчуги,
Одѣвалася въ блонды-бархаты,
Все хотѣла быть вездѣ первая,
Моднымъ баринкамъ въ утѣшеніе,
Моднымъ барынямъ въ позавидливость.
Разорила ты, Марья Дмитревна,
Вовсе въ лоскъ меня положила ты,
А теперь меня при дѣтяхъ корить,
При малюточкахъ при невинныихъ?
Нѣтъ, возьми укоръ себѣ на душу,
На своихъ плечахъ его вынеси,
Подавись ты имъ, Марья Дмитревна!»
Поблѣднѣла со злости барыня,
Все лицо у ней вкось задвигалось,
Инда духъ у ней въ горлѣ приперло,

Долго слова не могла вымолвить,
А ужъ тамъ зато пошла косить:
«Такъ вы такъ-то, молъ, Лука Ѳедорычъ,
Меня въ грязь топтать вы задумали,
Какъ съ кухаркой обращаетесь!
Не позволю, сударь, вамъ этого,
Я пойду, сударь, отъ васъ къ батюшкѣ,
Просьбу въ судъ, сударь, онъ на васъ подастъ,
Васъ съ безумными запереть велятъ!
Ну! пойдемте,» — говоритъ, — «дѣтушки,
Вашъ отецъ, онъ совсѣмъ съ ума сошелъ,
Непристойно вамъ на него глядѣть,
Оставаться съ нимъ въ одной комнатѣ.»
И взяла она дѣтокъ малыихъ,
И взяла она ихъ за рученьки,
Повела она ихъ испуганныхъ
Гордой поступью вонъ изъ комнаты,
Оглянулася, усмѣхнулася,
И дверьми за собою захлопнула.
Призадумался Лука Ѳедорычъ,
Да головушку склонилъ на руки,
Закачалъ ею во всѣ стороны.
Я и самъ — таить грѣха нечего —
Поглядѣлъ, братцы, опечалился.
Чай теперь до меня имъ дѣла нѣтъ,
Приходить велятъ въ ино времячко.
Почесалъ себѣ я въ затылкѣ-то,
Да надѣлъ шляпу и пошелъ домой,
Только вымолвилъ: прости, Господи!“

Призадумался старый дѣдушка:
«Ужъ на что,»—говоритъ,—«онъ лихъ у насъ,
А все жаль какъ-то его, барина.»
Призадумалась тожъ и бабушка:
«Ужъ на что,»—говоритъ,—«лиха она,
А все жаль какъ-то ее, барыньку.»
А молодка, молода красавица,
Слезы дѣвичьи рукой вытерла:
«Жаль мнѣ, жаль,»—говоритъ,—«ихъ дѣтушекъ,
Что глядятъ молодыми глазками.»
А прохожій мужикъ-отъ взялъ рукой
Да погладилъ бородку жидкую:
«Ахъ! ты дѣдушка, ты неопытный,
Ахъ! ты бабушка, ты сердечная,
И съ чего,»—говоритъ,—«вы бьетеся?
Хорошо было намъ тогда тужить,
Когда купитъ кто хуже прежняго,
А теперь-то что? Да кто хошь купи —
Только знай: наше дѣло вольное.
А тебѣ, молода красавица,
О господскіихъ о дѣтенышахъ
Плакать нечего, ни кручиниться.
Что жъ, что слабые, безпріютные? —
Нужда-матушка силу выроститъ!»

РОВЕСНИКИ.

ПОЭМА.

(ОТРЫВОКЪ).

Предисловіе.

Въ часы, когда надъ сонною землей
Безмолвія летаетъ ангелъ мирный, —
Во мнѣ еще не дремлетъ голосъ лирный;
Таинственно я слышу въ тьмѣ ночной
И ритма звукъ, и мѣрное паденье,
И звонкихъ риѳмъ согласное движенье.
Я образы стараюсь подстеречь
Сквозь легкій паръ прозрачнаго тумана..
Но какъ начать? Я не придумалъ плана...
Единствомъ я намѣренъ пренебречь,
И чувствую, что разсержу всю школу;
Но наобумъ пишу — по произволу.
Единства я и въ жизни нахожу
Не больше, чѣмъ въ картинной галлереѣ,
Гдѣ невзначай иль по своей затѣѣ
Въ уныніи я медленно брожу

От блудных нимф къ мадоннамъ кротко-строгимъ,
Отъ грустныхъ жертвъ къ сатирамъ козлоногимъ.
Кто собралъ ихъ недружныя черты
Подъ длинный сводъ безвыходнаго зданья?
Что нужды въ томъ? Отстать отъ созерцанья
Я не могу. А скорбныя мечты
Раздумьемъ мнѣ все портятъ поневолѣ...
Но отъ него уйти не въ нашей волѣ,
Оно внутри и требуетъ языкъ.
Но къ предисловіямъ я не привыкъ —
И потому безъ церемоній сразу
Я приступлю торжественно къ разсказу.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

1.

Числа и дня, когда былъ мой герой
Рожденъ на свѣтъ въ Москвѣ первопрестольной, —
Не помню я... Я самъ былъ той порой
Иль очень малъ, иль вовсе произвольно
Существовалъ — не въ качествѣ лица,
А въ помыслахъ у моего отца,
Мечтавшаго о сынѣ небываломъ,
Что выростетъ онъ штатскимъ генераломъ.

2.

Навѣрно я скажу, что мой герой
Уже весной тринадцатаго года
Могъ съ молокомъ мѣщанки молодой
Всосать всю славу русскаго народа.
Достойный годъ! Самъ нѣмецъ, ободрясь,
Выглядывалъ героемъ изъ-за насъ,
И солнце перваго Наполеона
Скрывалося за тучностью Бурбона.

3.

Насчетъ крестинъ героя моего
Преданіе подробнѣе хранится

Отчасти въ метрикахъ — и изъ того,
Что могъ я самъ узнать отъ очевидца;
А оный мужъ приходскимъ былъ дьячкомъ
И самъ тогда купель доставилъ въ домъ,
И сонмъ . . . .
«Аминь», «подаждь» и «Господи помилуй».

4.

Родильница лежала въ день крестинъ
Въ постели пышной, такъ сказать парадной
Подъ сѣнью желтой шелковыхъ гардинъ,
Была блѣдна отчасти, но нарядна.
Всѣ гости ей дарили на зубокъ —
Кто золотой, кто только пятачокъ,
И подъ подушку каждый, другъ преданью,
Сложилъ свой даръ, смотря по состоянью.

5.

Ровнехонько передъ обѣдомъ въ часъ
Купель была поставлена въ столовой,
Гдѣ сонмъ гостей, въ волненіи тѣснясь,
Разсматривалъ обрядъ не вовсе новый.
Воспринимали же (и тутъ родство —
А не капризъ — рѣшило кумовство)
Лѣтъ подъ сорокъ дѣвица и мужчина,
Иванъ Ѳомичъ и тетушка Арина.

6.

. . . .

7.

Но какъ назвать героя моего,
Отецъ и мать рѣшали три недѣли;
Ну! Какъ назвать? Въ честь именно кого?
Отецъ хотѣлъ его назвать Савелій
Въ честь своего отца, но думалъ — тесть
Того гляди, обидится какъ есть,
И, наконецъ, былъ сынъ съ большимъ усильемъ
Въ святомъ крещеньи нареченъ Васильемъ.

8.

Но тетушка, стараясь быть мила,
Хоть молодость исчезла невозвратно,—
Смѣялася и плюнуть не могла,
Отъ дьявола отрекшись троекратно,
И думали иные не шутя,
Что чортъ смутитъ современемъ дитя;
Иванъ Ѳомичъ, напротивъ, вотъ какъ дунулъ,
Что даже свиснулъ, и серьезно плюнулъ.

9.

Отецъ былъ радъ; старался доказать,
Что весь въ него младенецъ первородный,
Потомъ нашелъ, что онъ похожъ на мать;
Но мой дьячокъ, какъ скептикъ благородный,
Нашелъ, что онъ почти что безъ волосъ,
Слюноточивъ, подслѣповатъ, курносъ,
Ну, словомъ такъ, какъ всѣ бываютъ дѣти,
Послѣ рожденья въ день второй иль третій.

10.

Обряду вслѣдъ крестинный былъ обѣдъ
Со стерлядью, шампанскимъ и желеемъ;
Но свѣдѣній у насъ подробныхъ нѣтъ,
Намъ ничего (и мы весьма жалѣемъ)
Не сообщилъ дьячокъ о пирѣ томъ:
Конечно, попъ обѣдалъ за столомъ,
Но самъ дьячокъ, чинъ чина почитая,
Въ буфетѣ ѣлъ и пилъ не унывая.

11.

Василій! да! Фамилья же громка,
Сказать ее — поступокъ неприличенъ,
А выдумать — задача не легка:
Какъ быть? Герой мой мелодраматиченъ;
На *овъ* — боюсь — все пошлы имена,
На *скій* — взойдешь въ чужія племена;
Оставить же нельзя мнѣ безъ фамильи:
Разсердятся всѣ прочіе Васильи.

12.

Конецъ на *инъ* мнѣ кажется нѣжнѣй
Всѣхъ остальныхъ; ну, напримѣръ: Понуринъ?
Отличное названіе, ей-ей!
И звукъ его въ стихѣ весьма недуренъ.
Да! я забылъ: герой мой не одинъ,
Я многихъ звалъ принять геройскій чинъ.
Враги! друзья! сбирайтесь понемногу,
Всѣмъ укажу приличную дорогу.

13.

Но полно! мнѣ наскучилъ этотъ тонъ
И шутка, вдругъ испуганная думой,
Бѣжитъ, бѣжитъ за дальній небосклонъ,
Гдѣ облака сбираются угрюмо,
Все сѣрыя, сырыя облака;
Въ ихъ очеркахъ ищу издалека
Я смутное подобіе съ чертами
Знакомыхъ лицъ, тускнѣющихъ съ годами.

14.

И образы, чьи помню я черты,
Еще такъ полныя живыхъ движеній,—
Колеблются и вялы и пусты,
Какъ призраки унылыхъ сновидѣній.
Мнѣ кажется, я холодно брожу
Между могилъ и мертвецовъ бужу,
И вотъ они, задорны и кичливы,
Опять встаютъ и лгутъ, что будто живы.

15.

Зачѣмъ ты лжешь, знакомый мнѣ мертвецъ?
Давно растратилъ ты живыя силы.
Взгляни, иль самъ пощупай наконецъ —
Твой мозгъ заглохъ, не бьются кровью жилы..
Застыла мысль въ понятіяхъ тупыхъ,
Ты хвастаешь сознаньемъ чувствъ живыхъ,
Ты отжилъ вѣкъ неясный и безплодный,
Умѣй понять, что ты мертвецъ холодный!

16.

Я чувствую кругомъ себя одно:
Предвѣчный нуль мнѣ вѣетъ пустотою
Въ томъ, что прошло недавно иль давно,
Въ томъ, что пройдетъ своею чередою,
И тщетно я на днѣ души моей
Повѣрить бы хотѣлъ въ живыхъ людей,—
Невольно въ нихъ я вижу только тѣни
Минующихъ, ненужныхъ поколѣній.

17.

Но признаюсь — разсказъ мой о нулѣ
Не новое, а только повторенье;
Уже о немъ въ какой-то поздней мглѣ
Я говорилъ... Но къ чорту извиненье:
Я знаю, что, сердяся иль любя,
Давно привыкъ я повторять себя...
Естественно — все мысль одна и та же
Мнѣ давитъ мозгъ — и съ каждымъ днемъ все гаже

18.

А иногда отъ мысли роковой
Способенъ я широко оторваться,
И хочется или въ глуши степной,
Или въ лѣсу безпечно затеряться;
Безъ разсужденій такъ бы все глядѣлъ
И наслаждался бы, иль даже бъ пѣлъ
Про тишину, любовь или свободу —
Все потому, что я люблю природу.

19.

Но перейдемъ теперь къ иной судьбѣ:
Въ тотъ годъ, въ тотъ день, въ губерніи далекой,
Въ простой, гнилой, бревенчатой избѣ
Рожденъ на свѣтъ былъ мальчикъ одинокій;
Отецъ съ утра отправился пахать,
Безъ помощи родя, томилась мать,
Пока на крикъ сосѣдка-старушонка
Взошла, крестясь, и приняла ребенка.

20.

Все счастливо. Старушка сгоряча,
Ни гроша взять за трудъ не помышляя,
Безъ устали болтала, хлопоча:
«Аксиньюшка! Ложись, ложись, родная!
Я вымою, и въ люльку уложу,
И люльку возлѣ на шестъ привяжу...»
И, прослезясь въ волненіи веселомъ,
Глаза отерла масленнымъ подоломъ.

21.

Пріѣхалъ мужъ; казалося, былъ радъ,
Пошелъ къ попу и долго торговался,
И долго попъ никакъ не шелъ на ладъ
И на двугривенный не соглашался:
Дай четвертакъ! и далъ мужикъ кряхтя
Попъ окрестилъ, не утопивъ дитя,
Хоть и пришелъ онъ въ церковь полупьянымъ;
Младенецъ же былъ нареченъ Иваномъ.

22.

Мужикъ женѣ сказалъ: «спасибо, сынъ,
То-есть въ дому у насъ теперь работникъ;
Господня воля! Былъ я все одинъ,
А онъ у насъ пожалуй выйдетъ плотникъ.»
Но мужика раздуміе брало:
Пока сынъ малъ — кормить-то тяжело;
А дѣлать нечего — купилъ косушку,
И выпилъ самъ, и угостилъ старушку.

23.

И вотъ онѣ такъ ясны предо мной,
Знакомыя двѣ эти колыбели;
Въ одной дитя свободно день-деньской
Кричитъ себѣ близъ шелковой постели;
Другая же, повиснувъ съ потолка,
Качаема безжалостно — пока
Младенецъ тощій смолкнетъ безъ движенья,
Впадая въ сонъ отъ качки съ одурѣнья.

24.

Вкругъ первой нянекъ глупая семья,
А близъ другой, въ раздольи грязноватомъ
Спросонокъ хрюкая, даетъ свинья
Себя сосать голоднымъ поросятамъ.
А жизнь и тутъ, и тамъ одна и та жъ,
И у ребятъ одна и та же блажь,
И какъ пойдутъ два ровныя начала
Впередъ и врознь — понять бы не мѣшало.

25.

Но кончу тутъ я первую главу:
Рожденье есть болѣзнь, а дѣтство тупо,
И долго длить начальную канву
Я думаю, что даже было бъ глупо.
Пускай креститъ или хоронитъ попъ,
Родятся ли или идутъ во гробъ, —
Но я займусь вотъ этимъ колебаньемъ
Межъ первымъ голодомъ и издыханьемъ.

26.

Не знаю я, куда пойдутъ они,
Новорожденные мои герои,
Коротки ихъ, иль долги будутъ дни,
Полна ли жизнь, иль такъ себѣ — пустое,
И кто изъ нихъ иль прытче, иль смирнѣй...
Но вотъ теперь что́ мнѣ всего страшнѣй:
Что наслажденье (кто къ нему не падокъ?) —
Уже само болѣзненный припадокъ.

27.

И я боюсь за этихъ двухъ дѣтей!
Я вызвалъ ихъ: куда жъ толкнетъ волненье
Порывовъ чистыхъ и слѣпыхъ страстей,
И ясныхъ думъ, и смутнаго броженья?
Куда бъ ни шло, я не солгу ни въ чемъ,
Какъ мнѣ ни жаль, что жизненнымъ путемъ
Межъ люлькою и гробомъ колебанье
Шутя идетъ какъ тяжкое страданье.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

1.

Въ глуши степной, когда посыплетъ снѣгъ
И бѣлое кругомъ замерзнетъ поле,—
Помѣщику, рожденному средь нѣгъ,
Становится уныло поневолѣ.
Что занесло его въ пустую дичь?
Долги, долги — господской жизни бичъ!
Хозяйничать помѣщикъ уѣзжаетъ
И думаетъ, что честь свою спасаетъ.

2.

Такъ поступилъ и Васенькинъ отецъ;
А маменька... какъ имя?... Лизавета...
По батюшкѣ — не вспомню наконецъ,
Да кажется, что и не нужно это.
По матушкѣ — у насъ выходитъ брань,
По батюшкѣ — все тоже какъ-то дрянь:
Васильевна, Ѳедотьевна, Сергѣвна —
Не хорошо, хоть будь она царевна.

3.

То былъ октябрь. Ужасная пора!
Замерзнетъ вдругъ, потомъ опять растаетъ;
Въ чемъ выѣхать, не знаешь, со двора —
Въ коляскѣ ли, въ саняхъ ли — чортъ ихъ знаетъ.
Но баринъ все-жъ поѣхалъ по полямъ,
Все обозрѣть онъ лично хочетъ самъ,
Все вѣря въ мощь помѣщичьяго взора;
А озими растутъ и безъ надзора.

ИСПОВѢДЬ ЛИШНЯГО ЧЕЛОВѢКА.

СЦЕНА 1.

Улица въ Вёве.

Двѣ дѣвочки и мальчикъ.

1-я дѣв. Не шуми, Леля, дома все слышно; мамаша не велѣла шумѣть. Папаша очень боленъ и станетъ сердиться. Мамаша велѣла, чтобы мы были очень смирны.

2-я дѣв. Да вѣдь я отсюда ему не мѣшаю, папашѣ. И когда же онъ сердится? Онъ только сталъ какой-то странный. Не любитъ ласкать. Подзоветъ на минуту да и прогонитъ. А шумлю я на улицѣ или нѣтъ— ему все равно.

1-я дѣв. Ахъ, какая ты! Сказано—не шумѣть, ну и не шуми.

Мальч. А нѣтъ ли чего поѣсть, Надя? Я голоденъ.

1-я дѣв. Погоди, сейчасъ будетъ ветчина. Мамаша сама пошла въ лавочку.

Мальч. Ну, хорошо — подожду. Только ужъ какъ ѣсть-то хочется!

2-я дѣв. И мнѣ хочется, а я все-же ничего не говорю.

1-я дѣв. А вотъ и мамаша.

Дама (въ шляпкѣ и съ корзиной на рукѣ). Пойдемте, дѣти.

(Всѣ входятъ въ домъ.)

СЦЕНА 2.

Комната.

Больной въ постели (полулежа на высоко за спину заложенныхъ подушкахъ) и докторъ.

Больн. Что? Плохо, докторъ? А и то плохо, что я вамъ ничего не могу заплатить за труды.

Докт. Полноте объ этомъ говорить; на то я и соотечественникъ. Лучше покажите еще разъ ноги... Гм! Дайте еще послушать. Я вамъ просто всю правду скажу; чай вы не трусъ. Плохо, Николай Петровичъ. Болѣзнь сердца ощутительная. Ожиреніе ткани, гипертрофія лѣваго ушка. Не долго поживете, будьте храбры. Тутъ помочь мудрено, болѣзнь органическая.

Больн. А какъ вы думаете, докторъ, дня два еще проживу?

Докт. Можетъ быть и проживете... не знаю.

Больн. Спасибо вамъ за откровенность. Я не хотѣлъ бы умереть неожиданно; оно какъ-то глупо...

Докт. Я такъ и думалъ, что у васъ такая идея, оттого и говорю прямо. А въ сущности я съ вами не согласенъ: то ли дѣло свалиться нежданно-негаданно... Смерть—такая вещь: чѣмъ незамѣтнѣе придетъ, тѣмъ легче. Но все-же я вамъ совѣтую держаться какъ можно спокойнѣе—безъ тревожныхъ думъ: можетъ лишній день и проживете. Что вы улыбаетесь?

Больн. Постараюсь, докторъ.

Докт. Я вамъ пропишу кое-что успокоительное. (Отворяетъ дверь въ другую комнату.) Варвара Ивановна, дайте-ка бумаги и чернилъ.

Варенька. Взойдите сюда.

Докт. Ну, такъ прощайте пока, Николай Петровичъ. Ужо опять приду. (Выходитъ.)

Больн. Прощайте, докторъ. (Думаетъ.)

Да! избѣгать тревожныхъ размышленій —
Легко сказать, а выполнить нельзя.
Не то чтобъ смерть меня пугала слишкомъ,
А мысль о томъ, что дѣти и жена
Останутся безъ хлѣба, безъ пріюта,
Бросаетъ вдругъ въ тупой, холодный ужасъ,
И позабыть бываетъ свыше силъ.

Да, жизнь моя прошла довольно странно,
Или промчалася... И подъ конецъ
Ни одного не остается друга,
Которому я могъ бы поручить
Мою семью съ той полной, полной вѣрой,
Что онъ ее не броситъ никогда
И трудовой свой рубль не пожалѣетъ
На кормъ, на кровъ, на воспитанье ихъ...
Ни одного не остается друга!...
Кто виноватъ? друзья ль мои ушли,
Почувствовавъ весьма практичный холодъ,
Или я самъ ихъ дико разогналъ
Заносчивымъ, безплоднымъ самолюбьемъ?

Какъ это знать!... Мнѣ ясно лишь одно,
Что я ужъ вовсе не религіозенъ—
А покаяніе передъ собой,
Предсмертное, мнѣ дорого и нужно.

Варенька (входя). Тебѣ должно быть очень больно, другъ мой,—ты блѣденъ. Что сказалъ тебѣ докторъ? Мнѣ онъ ничего не хотѣлъ сказать, только почмокалъ губами, пожалъ мнѣ руку и ушелъ.

Больн. Да и зачѣмъ тебѣ спрашивать, Варя,—успѣешь горевать, когда придетъ время. Мнѣ одно жаль, что я твою молодую жизнь сгубилъ ни за что. Счастья я тебѣ не принесъ. Моя любовь, можетъ быть, поволновала ненадолго тебя,—счастья, настоящаго счастья, спокойнаго счастья я тебѣ не принесъ... А оставляю тебя на горе...

Вар. Полно, полно! Слыхала я все это не разъ. Ты только меня мучаешь по пустякамъ, а самому становится хуже. Я дѣтей накормила и послала опять играть на улицу, а то шумятъ.

Больн. Ты все-же ихъ ужо приведи ко мнѣ взглянуть на нихъ... хоть на минуту.

Вар. Какъ же!... Только ты не жалѣй обо мнѣ и старайся быть спокойнымъ. Богъ дастъ—станетъ лучше. Я вотъ здѣсь сяду бѣлье чинить, а ты постарайся уснуть. Ты ночью такъ страдалъ.

Больн. Да, Варя, постараюсь. (Закрываетъ глаза и продолжаетъ думать.)

Какъ много силъ, растраченныхъ безъ цѣли!
Чего хотѣлъ, къ чему стремился я?

Съ чего была восторженная вѣра
Въ свой геній собственный, въ свой страшный умъ,
Которому доступны были мысли
Громадныя — не впору никому?
Съ чего во мнѣ такъ жарко билось сердце,
Желанія не вѣдали границъ?
Съ чего себя великимъ человѣкомъ
Я чувствовалъ? И что же сдѣлалъ я?
Вездѣ, куда перстомъ я прикоснулся,
Я людямъ сдѣлалъ зло — невольное,
Ничуть не думая о томъ, что дѣлалъ.
И тѣмъ пошлѣй! Я, стало, просто былъ
Игрушкой призраковъ — отнюдь не больше
Такъ что дошелъ теперь до убѣжденья,
Что человѣкъ не можетъ отвѣчать
Ни въ чемъ нисколько за свои поступки.
Поступокъ — слѣдствіе своихъ причинъ...
Но гдѣ же прокъ и въ этой вѣрной мысли?
Она вредна. Скажи ее глупцу —
Онъ мерзость всякую себѣ позволитъ...

Вар. А вѣдь ты не спишь и какъ-то тяжело дышишь?

Больн. Ничего, Варя, немножко тяжело, но это не помѣшаетъ уснуть. Работай себѣ спокойно.

Вар. Что это лекарство долго не несутъ?

Больн. Все равно, Варя, не много поможетъ. (Закрываетъ глаза и продолжаетъ думать.)

Невольно мысль стремится къ прошлымъ днямъ
И въ дальнія идетъ воспоминанья.

Чѣмъ далѣе, тѣмъ лучше, тѣмъ свѣжѣй...
Ребячество и юность... домъ отцовскій...

(Дверь тихонько отворяется, служанка кличетъ шопотомъ:
Madame, madame!)

Вар. (встаетъ и спрашиваетъ въ дверяхъ шопотомъ). Qu'y a-t-il, Marie?

Служ. Le pharmacien ne fait pas crédit.

Вар. Mon Dieu, Marie, voilà ma bague, portez la au mont de piété. Je suis sûre que vous arrangerez tout cela parfaitement bien.

Служ. O! certainement, madame.

Больн. Что ты съ ней такое шепчешь, Варя? Ничего не слышу.

Вар. Ничего, ничего, дѣло домашнее, нечего и слушать. Спи себѣ.

Больн. (закрываетъ глаза и продолжаетъ думать).

Богатый домъ и садъ, оранжереи...
Полсотня слугъ... Съ нелѣпымъ нѣмцемъ братъ,
Сестра съ своей мадамой безотлучной...
И самъ отецъ, который съ нами въ день
Бесѣдовалъ три раза очень важно
И коротко, — а на ночь подходилъ
Къ постелямъ — дать свое благословенье,
И исчезалъ какъ царственная тѣнь.
Знакомый, но какой холодный образъ!

Весеннимъ днемъ (мнѣ было восемь лѣтъ, —
За мной еще присматривала нянька)

Въ саду, въ травѣ, я рвалъ и ѣлъ шавель,
И стало мнѣ невыносимо скучно.
Въ платкѣ, въ очкахъ, старуха свой чулокъ
Вязала и считала тихо петли,—
И мнѣ она до смерти надоѣла.
Я чувствовалъ — я какъ-то всѣмъ чужой
И самъ не зналъ, чего мнѣ было надо.
Мнѣ было жаль старуху, но меня
Присутствіе ея томило страшно.
И начался какой-то переходъ
Отъ дѣтскаго безпечнаго снованья
Къ сознанію или къ пустой мечтѣ,
Къ чему-то новому...

Служ. (въ дверяхъ, шопотомъ). Madame! Voici la médecine — 1 fr. 50, deux francs d'intérêts et 2 pièces d'or, que voilà et le reçu.

Вар. Bien, Marie, je vous donnerai 1 fr., dès que j'aurai du change.

Служ. Merci, madame, vous n'êtes pas riche, mais toujours bonne, que Dieu vous bénisse.

Больн. Что такое, Варя?

Вар. Принесли лекарство. Три раза въ день по ложкѣ. Прими же ложку.

Больн. Давай, пожалуй!

(Варенька подаетъ лекарство и смотритъ на больного.)

Больн. Не жалѣй, Варя. Что тебя обманывать? Я, вѣроятно, скоро умру. Не жалѣй меня слишкомъ. Встрѣтишь человѣка добраго—выходи за него замужъ. Онъ

и дѣтей пригрѣетъ. Да и ты, можетъ, будешь счастливѣе, чѣмъ со мной

Вар. Полно говорить все такое. Душѣ больно. Лежи спокойно и старайся уснуть.

Больн. Прости, Варя,—такъ съ языка срывается. А кажется, начинаетъ смеркаться?

Вар. Да, я зажгу лампу да пойду ворочу дѣтей и усажу ихъ внизу, у хозяйки, за лото или что-нибудь такое. А ты постарайся успокоиться.

Больн. Хорошо, Варя.

(Варенька зажигаетъ лампу съ абажуромъ, опускаетъ сторы и уходитъ.)

Больн. (продолжаетъ думать).

Охъ! это мнѣ ненужное лекарство!
О чемъ бишь я хотѣлъ припоминать?...
Да! няньку я почти что ненавидѣлъ,
Отца боялся я. И (разность лѣтъ)
Чуждался я равно сестры и брата,
О прочихъ нечего и говорить.
Сама мадамъ и даже рыжій нѣмецъ
Меня всегда щадили свысока...
Добра со мной бывала развѣ дворня,
Вся дворня безъ различія чиновъ;
Лакей, стопникъ, буфетчикъ, кучеръ, прачка,
Всѣ думали — вотъ маленькій барчукъ,
И ласково со мной подчасъ играли.
Я къ нимъ привыкъ и мнѣ ихъ было жаль,
Мнѣ думалось, что жить имъ очень жутко,
Мнѣ думалось, что кто-то былъ не правъ;

А кто — тогда сообразить не могъ я.
Такъ я и росъ. Меня всему учили.
Въ младенчествѣ я страшно былъ лѣнивъ —
До дерзости. Разъ (живо помню) нѣмца
Схватилъ я за ноги и чуть не сшибъ,
И въ уголъ сталъ — наказанный, но гордый...
А все-жъ болталъ на разныхъ языкахъ...
Но отрокомъ я къ чтенью сталъ прилеженъ,
Съ упорностью. Изъ классовъ уходилъ
И все читалъ такія книги, книги,
Которыя мнѣ памятны теперь,—
И каждый разъ все больше ненавидѣлъ
Я этихъ всѣхъ моихъ учителей,
И думалъ — подросту, такую книгу
Я напишу, что ихъ повергну въ прахъ.
Не замѣчалъ никто моихъ стремленій,
Ни ближніе, ни нѣмцы, ни мадамъ...
И выросло во мнѣ высокомѣрье,
Какъ въ схимникѣ. Я думалъ — я рожденъ
На подвиги великіе, святые...
Куда уйти? Отъ ближнихъ какъ спастись?
Ни силъ, ни средствъ, а жизнь все давитъ, да-
витъ...
Неужто жъ былъ я отрокомъ несчастливъ?

О нѣтъ! Я помню, помню тѣ года,
Я счастливъ былъ и скорбію, и вѣрой,
И помысломъ, растущимъ каждый день,
И чувствомъ, каждый день кипѣвшимъ жарче.

И все тогда влекло меня впередъ:
И жажда знать законы общей жизни,
Судьбы великія людского рода,
Въ которыя не вѣрю я теперь,
И двигала меня еще живая память...
По ихъ слѣдамъ слагалась жизнь моя,
Я призванъ былъ работать для свободы
И побѣдить иль величаво пасть.

Когда отецъ, свершивъ ночной обходъ,
Ложился спать, и домъ стихалъ глубоко,
Я подходилъ къ лампадкѣ и писалъ,
Писалъ стихи — плохіе, вѣроятно,—
Но съ трепетомъ, но крадучись какъ воръ,
Но внутреннимъ исполненный блаженствомъ,
И жизнь мою, мою живую жизнь
Отъ нихъ отъ всѣхъ я пряталъ съ наслажденьемъ.
Вдругъ отъ стиховъ я перешелъ къ наукѣ.
Въ моемъ умѣ невольной чередой
Тѣснилися вопросы за вопросомъ,
Безъ отдыха, безъ страха, безъ конца...
Безплодныя, но страстныя попытки!—
А тутъ пришла дѣйствительная жизнь
И обстановку всю перевернула.
Братъ лихо въ полкъ уѣхалъ въ Петербургъ,
Потомъ сестра пріятно вышла замужъ;
Исчезло все — и нѣмецъ, и мадамъ,
И я одинъ съ моимъ отцомъ остался.
(Я матери не помню; дважды въ годъ

Отецъ меня возилъ къ ней на могилу.)
Я выпросилъ, съ великою борьбою,
Чтобъ онъ позволилъ мнѣ идти въ студенты;
Онъ наконецъ согласье далъ, а самъ
Уѣхалъ жить въ далекую деревню.
Вотъ я одинъ... Усердный математикъ!
(Да и теперь, да и всегда, всегда
Стремилась мысль къ своей завѣтной цѣли,
И я въ рядахъ событій и вещей
Слѣдилъ ихъ формулу... Иного знанья
Безъ вымысловъ признать не можетъ умъ...)

Гм! Я совсѣмъ вѣдь не объ этомъ думалъ
Я думалъ о давно-прошедшихъ дняхъ
Довѣрчивыхъ надеждъ и юной дружбы...
Здѣсь началась она такъ горячо,
Казалось, ей конца не будетъ вовсе.
Я помню разъ — тогда была весна,
И талый снѣгъ едва кой-гдѣ бѣлѣлся,
И мутные ручьи текли вдоль улицъ...
Я съ другомъ шелъ куда-то далеко —
Край города... тамъ третій жилъ товарищъ.
Мы бодро шли, толкуя межъ собой
И шлепая калошами по грязи.
Я помню комнатку аршиновъ въ пять,
Кровать да стулъ, да столъ съ свѣчею сальной..
И тутъ втроемъ, мы — дѣти декабристовъ
И міра новаго ученики,
Ученики Фурье и Сенъ-Симона —

Мы поклялись, что посвятимъ всю жизнь
Народу и его освобожденью,
Основою положимъ соціализмъ,
И чтобъ достичь священной нашей цѣли,
Мы общество должны составить втайнѣ
И втайнѣ шагъ за шагъ распространять.
Товарищъ нашъ, глубоко религіозный,
Торжественно предъ нами развернулъ
Большую книгу въ буромъ переплетѣ
Со сдержками... И мы клялись надъ ней,
И бросились другъ-другу мы на шею,
И плакали въ восторгѣ молодомъ...
И въ жизни слезъ я не припомню чище!...

И что жъ потомъ? что жъ вышло?—Ничего!—
Одинъ въ Сибирь отправился на службу;
Сперва писалъ, потомъ все рѣже, рѣже...
Я также и — вотъ скоро десять лѣтъ —
Я слышалъ разъ о немъ, и то случайно.—
Уроками печально жилъ другой...
Я какъ-то навѣстилъ его проѣздомъ;
Онъ сердцемъ чистъ остался, какъ и былъ,
И съ радостью меня безмѣрной встрѣтилъ;
Но рано онъ обзавелся семьей
И уходилъ угрюмо въ религіозность,
А этому на помощь нищета!...
Онъ показался мнѣ какимъ-то пошлымъ...
Онъ умеръ молодъ и семью оставилъ...
А я, а я — великій человѣкъ —

Я, сверху внизъ взирая на страдальца,
Къ нему уже потомъ не заѣзжалъ,
А въ городѣ бывалъ-таки нерѣдко.
Онъ, говорятъ, меня передъ концомъ
Тоскливо звалъ и плакалъ, что нейду я,
А я, а я — я объ его семьѣ
Не справился!... Какъ это гадко, гадко!
То былъ мой первый грѣхъ!...
Какъ въ сердцѣ стукнуло... Что это — finis?
Нѣтъ, отошло... Чай испугалъ ее?...
Ахъ, да! Она внизу съ дѣтьми. Тѣмъ лучше! —
Но вотъ она. Я притворюсь, что сплю.

(Варенька входитъ на цыпочкахъ, смотритъ на больного и молча садится у стола за работу.)

Больн. (продолжаетъ думать).

Нѣтъ, нѣтъ! то былъ уже не первый грѣхъ!
И какъ же я не сразу это вспомнилъ?
Иль судъ внутри — за давностію лѣтъ —
Кончаетъ, какъ гражданская палата?
Иль что прошло — скользнуло какъ волна
По памяти и холодно забылось?
Какъ ты легка, недремлющая совѣсть!...

Едва усы пробилися какъ пухъ,
А я уже безумно сдѣлалъ мерзость.
Подруга бѣдная безпечныхъ дней,
Забытая, несчастная Анюта,
Приходитъ же однако образъ твой
Тревожить мнѣ конецъ безплодной жизни...

А я любилъ, какъ любятъ въ первый разъ,—
Когда конца любви и не предвидишь.
Позабывалъ я свой научный трудъ
И проводилъ съ тобой и дни и ночи,
Часъ безъ тебя мнѣ былъ невыносимъ...
Но мысль одна и тутъ держалась цѣло
И даже въ страсть вносила жизнь свою—
Мысль о борьбѣ за общую свободу...
И помню я — бывали сны въ ночи
Про будущій переворотъ народный;
И я будилъ тебя и говорилъ
О томъ, какъ міръ быть долженъ перестроенъ
И какъ собой я жертвовать готовъ...
Ты слушала — не знаю, понимала ль.
Въ сочувствіе я вѣровалъ охотно.
Да! Я любилъ въ мальчишескомъ бреду,—
Любилъ съ полгода, да потомъ и бросилъ.
За что? зачѣмъ?... Соскучился любить?
Ты жъ изъ простыхъ была—легко и бросить.
А впрочемъ нѣтъ! Разсчета подлаго
Я не имѣлъ, а самъ не зналъ, что дѣлалъ...
Взялся опять за свой научный трудъ,
Но съ этихъ поръ я какъ-то дико, разомъ
Внутри себя духъ стоика носилъ,
И жажду дѣлъ могъ замѣнять разгуломъ—
Каррикатурою эпикурейца.
Я бъ могъ сказать, какъ многіе,—среда!
Среда... И я — великій человѣкъ —
Силъ не имѣлъ въ ней удержаться чистымъ.

Я помню разъ — на улицѣ я встрѣтилъ
Студента одного... изъ плохенькихъ,
Такъ, дурачка, и подлаго вдобавокъ.
«А знаете вы новость»,—говоритъ,—
«Вѣдь родила на-дняхъ Анюта ваша,
Но мальчикъ вашъ не прожилъ даже дня;
Я отъ ея знакомой это слышалъ,
Которую сбираюсь бросить самъ:
Она мнѣ тоже больно надоѣла.»—
Я думалъ, я совсѣмъ схожу съ ума,—
Все вспыхнуло—раскаянье и жалость
И даже стыдъ, что съ этакимъ скотомъ
Я становлюсь теперь на ту же доску...
Духъ гордости и тутъ не измѣнилъ!
Нѣтъ, не среда—я, человѣкъ, былъ гадокъ.

А! (вскрикиваетъ, приподнимается и опять опускается на подушки).

Вар. (подбѣгая къ нему). Что съ тобой?

Больн. (переводя духъ). Ничего, ничего, Варя. Я только хотѣлъ сказать, что послѣ курса я вступилъ въ военную академію.

Вар. Ты что-нибудь во снѣ видѣлъ, другъ мой, и еще бредишь. Можетъ — испугался?

Больн. Нѣтъ, не испугался; а точно что-то во снѣ видѣлъ—про старое время, должно быть. Ничего, теперь легче.

Вар. Ты такъ необычайно вскрикнулъ...

Больн. Да, что-то вдругъ больно стало; теперь ничего.

Да ужъ не поздно ли, Варя? Ты бы привела ко мнѣ дѣтей проститься.

Вар. Сейчасъ, т.-е. скоро... Подожди съ четверть часа; ихъ приходъ тебя всегда волнуетъ. Лучше подожди немного.

Больн. Какъ хочешь.

Вар. (идетъ къ двери и кличетъ вполголоса). Marie, Marie!

Служ. Plait-il, madame?

Вар. Courez vite chez le docteur; dites lui de venir tout de suite.

Служ. Bien, madame.

Больн. Что ты тамъ, Варя? Кажется, посылаешь за Андрей Лукичемъ?

Вар. Да, другъ мой.

Больн. Испугалъ я тебя! Да что жъ онъ сдѣлаетъ?

Вар. Все лучше. И мнѣ, да и тебѣ самому спокойнѣе.

Больн. А впрочемъ—пусть придетъ. Онъ хорошій человѣкъ, я его люблю, и пока еще есть сколько-нибудь силъ, я радъ буду съ нимъ повидаться. (Закрываетъ глаза.)

Вар. (стоитъ и смотритъ на него).

Больн. (думаетъ).

А я не золъ, я даже сердцемъ добръ,—
Откуда же бралась вся эта жостокость?
Какъ объяснить? Среда да организмъ...
Безвольное движеніе поступковъ!
А тамъ пришло сознаніе грѣха...
Сознаніе! — да и оно невольно.

(Раскрываетъ глаза; Варенька въ томъ же положеніи стоитъ и смотритъ.)

Больн. Тебѣ жаль меня, Варя. Ты мнѣ прощаешь, что я тебя довольно помучилъ въ этотъ почти десятокъ лѣтъ нашей жизни вмѣстѣ?

Вар. Если ужъ на то пошло, то не тебѣ, а мнѣ приходится просить прощенья. Я объ этомъ часто думаю. Я тебя не всегда понимала и часто оскорбляла моимъ упорнымъ противорѣчіемъ...

Больн. Да и я всегда ли требовалъ правды, или былъ только раздражителенъ? Не знаю, Варя, можетъ оно и глупо, что мы стали снисходительны другъ къ другу и нѣжны — только когда поняли, что мнѣ недолго жить. Если тебѣ нужно мое прощенье — я его даю искренно и кромѣ любви къ тебѣ ничего не имѣю въ мысли... (Протягиваетъ ей руку.) А себѣ я прошу прощенье по праву умирающаго. Я не жду ни прощеній, ни магарычей на томъ свѣтѣ, поэтому мнѣ нужно, пока еще живъ, прощеніе людей мнѣ близкихъ... Оно мнѣ нужно, Варя, глубоко нужно.

(Варенька наклоняется и нѣжно цѣлуетъ его въ лобъ.)

Больн. Да, это такъ, теперь мнѣ легче. А если бы и тѣ могли простить меня?—Варя, ты напоминай дѣтямъ обо мнѣ; говори имъ, что я ихъ любилъ... больше даже, чѣмъ они думаютъ. Мнѣ не хочется, чтобъ они меня забыли... Неужто и это съ моей стороны слабость?...

Вар. (сквозь слезы). Перестань ради Бога, ты себя только волнуешь...

(Ручка у двери тихо повертывается, входитъ докторъ.)

Вар. Вотъ онъ!

Докт. Ну что, что?...

Больн. Потревожили васъ, докторъ?

Докт. Какой потревожили—я и безъ того къ вамъ шелъ и встрѣтился съ вашей Marie на дорогѣ.

Вар. Онъ такъ вскрикнулъ...

Больн. Да ничего — отошло...

Докт. (садится на постель). Разумѣется—въ лицѣ усталь. Должно-быть, боль схватила шибко. (Щупаетъ пульсъ.) Ну, а теперь какъ?

Больн. Эхъ, Андрей Лукичъ, не удалось намъ съ вами поработать. Хоть поговоримте еще разъ, насколько голосу хватитъ...

Докт. Эге! да вы вотъ какъ! голова-то осталась свѣжохонька. Поговоримте, Николай Петровичъ. Оно даже можетъ-быть и хорошо подѣйствуетъ. Наука— дѣло спокойное, свѣтлѣй всего остальнаго.

Больн. Намъ бы съ вами хорошо было работать, докторъ; во мнѣніяхъ, кажется, расходиться не случалось — хоть даже и въ томъ, что мы оба не вѣримъ въ медицину...

Докт. Что и говорить, Николай Петровичъ! Когда-то еще леченье будетъ наукою,—а покамѣстъ только изслѣдованіе болѣзни, или лучше сказать — жизни, сколько-нибудь подходитъ подъ значеніе науки. Варвара Ивановна смотритъ на меня, какъ-будто сказать хочетъ: да зачѣмъ же ты, дурень этакій, лечишь?— Лечу, Варвара Ивановна, потому что это мой хлѣбъ насущный. Но на сто случаевъ — можетъ разъ лечу сознательно, а то все по традиціи-съ, немногимъ ум-

нѣй деревенской знахарки. И интересуетъ-то меня больше процессъ болѣзни, чѣмъ леченье. Вѣдь только въ болѣзни и поймешь сколько-нибудь самый процессъ жизни. Помните, Николай Петровичъ, какъ вы мнѣ предложили вмѣстѣ начать рядъ изслѣдованій?...

Больн. Вчера еще объ этомъ думалъ, докторъ. Взять бы хоть какую эпидемическую болѣзнь, самую простую— оно нагляднѣе — да изслѣдовать ее до-тла... ну—хоть корь например.

Докт. Да! вѣдь что вы называете до-тла — то дѣло нешуточное. Сколько способовъ придумать надо...

Больн. Это было бы ваше дѣло. Я бы вамъ посильно помогалъ въ наблюденіяхъ, а главное — помогалъ бы въ неупущеніи ни одного вопроса, ни одного сведенія сложныхъ явленій жизни на простой физическій, или лучше механическій процессъ, который можно привести въ математическую формулу, т.-е. придти въ самомъ дѣлѣ къ научному пониманію...

Докт. Ну, хорошо—возьмите хоть корь. Съ чего же бы вы начали изслѣдованіе?

Больн. Лишь бы силъ хватило, докторъ, дайте досказать. Мы не выбьемся изъ двухъ координатъ—среда и организмъ. Начнемте съ среды. Наблюденіе воздуха—микроскопическое (потому что тутъ не обойдется безъ живого заразительнаго матеріала), химическое (потому что живой матеріалъ изъ чего-нибудь да возникъ), физическое (потому что самый организмъ человѣка—только особый видъ движенія). При этомъ все нужно знать: электро-магнитное напряженіе, и самое напра-

вленіе хода заразительнаго матеріала, образованіе температуры...

Докт. Милый мой Николай Петровичъ, вотъ вы будто и повеселѣли. Зачѣмъ это вы давно не посвятили себя наукѣ?

Больн. Зачѣмъ? Мало ли зачѣмъ, докторъ. Зачѣмъ я весь вѣкъ во всемъ человѣчески - хорошемъ былъ аматеръ, а во всемъ ненужномъ—maestro! Опять среда и организмъ... Отъ этого я и отжилъ свой вѣкъ лишнимъ человѣкомъ...

Докт. Только вамъ говорить-то трудно. Отдохните немного; ужъ лучше я поболтаю и займу васъ...

Вар. (тихо доктору). Я думаю, теперь можно привести дѣтей?

Докт. (задумчиво). Приведите, Варвара Ивановна.

Вар. Я пойду за дѣтьми, другъ мой.

Больн. Хорошо, Варя.

Докт. Странный человѣкъ! Сколько еще силы. Да не ошибся ли я? Не принялъ ли какую-нибудь иную компликацію за... Пожалуй, и ухо иной разъ обманетъ?.. Зачѣмъ же я его встревожилъ? Впрочемъ, мудрено ошибиться. Будь я немножко похладнокровнѣе—что за интересный субъектъ для изученія!—Я вотъ что вамъ хотѣлъ сказать, Николай Петровичъ: ужъ одно наблюденіе воздуха потребовало бы цѣлой ассоціаціи ученыхъ, да еще какихъ! А какъ же вы ихъ сведете вмѣстѣ? Подите-ка! Даже и у хорошихъ людей, и у тѣхъ столько личныхъ цѣлей, что не соберете вы ихъ вокругъ одного предмета, на общую работу...

Больн. И не надо ихъ много, докторъ, довольно трехъ-четырехъ человѣкъ, ярко понимающихъ вопросъ и искренно преданныхъ дѣлу...

Вар. (вводитъ дѣтей). Ну—подите, проститесь съ отцомъ.

Больн. Надя! Надя! Моя бѣлокурая Надя! Докторъ, пустите ее ко мнѣ на постель.—Надя! Дай посмотрѣть на твои добрые сѣрые глаза. Ты ужъ большая, Надя, скоро девять лѣтъ. Люби сестру и брата, будь имъ другомъ, учи ихъ...

Надя (держа его за руку). Какъ у тебя голосъ дрожитъ, папа. Зачѣмъ ты такъ печально глядишь на меня?

Больн. Я не печально, Надя, а такъ ужъ очень люблю тебя и мнѣ тебя жаль... Ну! А ты, Соня? Нарѣзвилась? И ты, Ваня? Что вы дѣлали?

Мальчикъ. Игралъ, папа.

Соня. А я, папа, ужъ въ книжкѣ читаю.

Больн. Вотъ какъ! Ну, а ты, Ваня?

Ваня. Я, папа, картинки смотрѣть умѣю.

Больн. (молча смотритъ то на того, то на другого). Ну, поцѣлуйте меня, дѣти, и пора вамъ спать. Можетъ не скоро увидимся. (Цѣлуетъ ихъ судорожно и закрываетъ глаза рукою; Варенька уводитъ дѣтей.)

Надя (въ дверяхъ шопотомъ). Отчего папѣ меня жаль и отчего онъ говоритъ, что мы не скоро увидимся? Развѣ онъ куда ѣдетъ?

Вар. Нѣтъ, Надя, это онъ такъ говоритъ.

Мальчикъ. Какой онъ блѣдный сталъ.

Соня. Мама, ты вели ему завтра меня читать заста вить. Онъ еще не слыхалъ, какъ я читаю.

Вар. Ну, идите, идите. (Уходитъ съ ними и затворяетъ дверь.)

Докт. (хочетъ что-то сказать, но не можетъ придумать, что сказать, и думаетъ про себя). Чѣмъ же я его утѣшу? Ничѣмъ не утѣшу! Что ни придумывай—все вздоръ! Мѣшать его горю? да только нужно ли мѣшать-то? А если и нужно, такъ можно ли? Дѣтямъ я какъ-нибудь пособлю чѣмъ въ силахъ. Развѣ люди станутъ болтать, что съ чего-либо онъ чужую семью содержитъ, вѣрно не даромъ. Я ужъ подумывалъ — да не жениться ли мнѣ послѣ на Варварѣ Ивановнѣ?... Да нѣтъ! куда! И она-то захочетъ ли? Да и самъ-то я... куда мнѣ жениться? Только отъ науки отобьешься. Пожалуй, и самъ выйдешь лишнимъ человѣкомъ... Ну! а какъ и со всей наукой-то выйдешь лишнимъ человѣкомъ?... Нѣтъ... все-же нѣтъ! Я съ семейной жизнью не совладаю. (Смотритъ на больного.) Николай Петровичъ, не унывайте, другъ мой. Ужъ вы послушайте меня, право не унывайте. (Беретъ его за руку.)

Больн. Страшно за нихъ, докторъ. Что жъ тутъ дѣлать — не всегда храбрость на себя натянешь. А впрочемъ, тутъ уже не пособишь. Лучше говорить о другомъ чемъ-нибудь.

Докт. Да вы вотъ что, Николай Петровичъ, вы ужъ положитесь на меня. Все сдѣлаю для нихъ, что только могу...

Больн. Вы, Андрей Лукичъ? Стало, вы меня въ самомъ дѣлѣ любите?... (Варенька входитъ.)

Докт. Ну! Перестаньте говорить объ этомъ. А вотъ

что, Варвара Ивановна, я сегодня здѣсь ночевать останусь, домой не пойду. Вотъ здѣсь гдѣ-нибудь вздремну...

Больн. За что жъ вы-то еще себя мучить хотите?

Вар. Лучше ступайте домой, Андрей Лукичъ. Я сама здѣсь на диванѣ прилягу. Marie останется съ дѣтьми; если уже очень устану, или если нужно, я за вами пошлю.

Докт. Нѣтъ, Варвара Ивановна, вы пожалуй вздремните здѣсь на диванѣ, а я все-жъ не уйду. У меня дома сна не будетъ. Нѣтъ! ужъ я здѣсь останусь.

Больн. Ну! Какъ хотите, докторъ. Спасибо вамъ за дружбу. Кажется, мнѣ самому вздремнуть хочется.

Докт. И хорошо бы. Это бы васъ успокоило. Лекарство только разъ принимали? Примите еще теперь. (Варенька подаетъ лекарство. Докторъ садится въ кресло. Варенька садится къ столу и продолжаетъ работать. Больной въ самомъ дѣлѣ дремлетъ.)

Докт. (шопотомъ). Уснулъ, кажется. Варвара Ивановна, прилегли бы и вы. Ночью придется проснуться; онъ вѣрно спроситъ чего-нибудь, долго не поспитъ.

Вар. (шопотомъ). Не знаю, Андрей Лукичъ. Тоска томитъ. Все думается—можетъ и я виновата, что онъ такъ боленъ.

Докт. Это еще что, Варвара Ивановна, теперь вы начнете себя терзать небывальщиной.

Вар. Нѣтъ, Андрей Лукичъ, не небывальщиной; а я думаю,—я ему жизнь не облегчала, а затрудняла много и много...

Докт. Полноте, Варвара Ивановна, нравственное стра-

даніе тутъ мало имѣло вліянія. Болѣзнь выросла изъ другихъ, чисто матеріальныхъ причинъ. Перестаньте себя тревожить. Говорю вамъ—сберегите силы на то, чтобы въ самомъ дѣлѣ пособить ему, можетъ что ночью будетъ нужно. Вы посмотрите на себя, вы сами исхудали въ это время, а тутъ нужны силы да твердость.

Вар. Да я, пожалуй, васъ послушаю, Андрей Лукичъ. Прилягу. Только ужъ вы меня не переувѣрите въ томъ, что́ я такъ страшно чувствую. Я тутъ много виновата. Я вамъ говорю это, потому что мнѣ надо это сказать. (Тихо плачетъ.)

Докт. Лягте же, Варвара Ивановна! Успокойтесь! Бросьте тревожить себя фантазіями. Положите работу въ сторону (беретъ у ней изъ рукъ работу) и лягте. (Варенька ложится на диванъ и продолжаетъ тихо плакать.)

Докт. (садится въ кресло и думаетъ). Какъ посмотришь—къ этой всеобщей тьмѣ пониманія еще всегда примыкаетъ какая-нибудь трагедія иная, домашняя, ненужная. А онъ, Николай Петровичъ-то,—одинъ изъ самыхъ свѣтлыхъ умовъ... Кажется, иная бы доля должна была выпасть въ жизни!... Чортъ знаетъ, что такое. Попробую самъ уснуть. Хорошаго ничего не надумаешь. Да и усталъ-таки, день-деньской была работа... Насмотрѣлся я на все этакое, привыкъ, кажется, а тутъ какъ-то сердце не на мѣстѣ, и чувствую, что на этотъ разъ я знаніемъ наказанъ. (Потягивается. Наступаетъ совершенная тишина.)

Больн. (раскрываетъ глаза, пересиливаетъ боль и продолжаетъ думать.)

ПРИМѢЧАНІЯ.

— Стр. 1. *Юморъ*. Поэма эта, писанная, какъ показываетъ помѣтка подъ заглавіемъ, около 1841 года, была впервые напечатана по пріѣздѣ О. въ Лондонъ, отдѣльнымъ изданіемъ, въ 1857 году [1]), и затѣмъ вошла въ лонд. изд. 1858 г. (стр. 33 и сл.); въ обоихъ изданіяхъ напечатаны только первыя двѣ части; третья появилась въ „Пол. Зв." на 1869 г. Первыя двѣ части свѣрены съ собственноручнымъ подлинникомъ О., находящимся у Нат. Алекс. Огаревой-Тучковой и носящимъ помѣтку въ концѣ: *1840;* здѣсь поэма озаглавлена такъ:

Юморъ.

De l'humeur.

Журналъ энциклопедическій

1841 года.

Варіанты по рукоп.: стр. 15 „О правѣ только вздоръ болтаетъ"; стр. 52 „О, Боже мой! въ тотъ дивный мигъ"; стр. 43 „И звуки ихъ сулятъ отрады"; стр. 66, въ лонд. изд. было „Погибъ въ всей силѣ лучшихъ лѣтъ"—исправлено по рукоп., какъ и нѣсколько мелкихъ описокъ въ разныхъ мѣстахъ, вродѣ „ужъ много было", вм. „ужъ было много" на стр. 75. „Варшава. *Май*" взято изъ рукописи.

Первыя двѣ части „Юмора" могли быть написаны въ концѣ 1840 и въ началѣ 1841 г., когда весною О. дѣйствительно получилъ разрѣшеніе на полгода ѣхать за границу и попутно заѣзжалъ въ Петербургъ къ Герцену. На стр. 6 „офицеръ армейскій"— конечно, Лермонтовъ; Виссаріонъ — Бѣлинскій. Стр. 9—намекъ на арестъ О. въ 1834 г. и ссылку на жительство въ имѣніе отца, въ Пензенскую губ. Стр. 12 „великій прахъ"—Наполеона, пере-

[1]) Поэмѣ, изданной крохотной книжечкой, въ 32-ую долю, предпослано было предисловіе Герцена, отъ 1 авг. 1857 г. „Поэма эта, — сказано здѣсь, — не новость: писанная въ 1840 и 1841 годахъ, она тогда же была очень извѣстна въ кругу читателей письменной русской литературы. Мы должны въ особенности потому напомнить это, чтобъ читатели не искали въ ней никакихъ примѣненій къ нашему времени."

везенный въ Парижъ въ 1840 г. Стр. 75 „Происхожденьемъ я татаринъ“: по Руммелю и Голубцову родоначальникомъ Огаревыхъ былъ мурза Кутлу-Маметъ, прозваніемъ Огарь, выѣхавшій изъ Золотой орды къ вел. кн. Александру Невскому, крестившійся подъ именемъ Пантелеймона и пожалованный вотчинами въ Шацкѣ, Касимовѣ, Старицѣ и пр.

Въ ближайшіе годы О., повидимому, собирался продолжать „Юморъ“: такъ, сюда вѣроятно должно было войти стих. Gasthaus zur Stadt Rom (см. т. I, прим. къ стр. 43), можетъ быть также „Посланіе къ друзьямъ изъ Швальбаха“. Третья часть написана, какъ видно изъ подзаголовка, только въ 1868 году, въ Женевѣ (см. начало стр. 109), еще при жизни Герцена (конецъ стр. 105); она не окончена, и среди бумагъ О. сохранились еще слѣд. разрозненные отрывки изъ нея.

Юморъ

(часть третья).

Эпиграфъ изъ Манфреда:

...And yet I live, and bear
The aspect and the form of breathing men.
Byron.

1873 года, января 1.

1.

Чрезъ тридцать лѣтъ на старый ладъ
Хочу я продолжать поэму —
Пусть будетъ въ этомъ старый складъ,
На новую хотя бы тему,
Хоть темы новой мнѣ наврядъ
Создать придется теорему,
Но какъ-нибудь дойдемъ до нихъ —
Вопросовъ важно-вѣковыхъ.

До нихъ дойти же нелегкȯ,
Все спутано иль плоховато,
Иной хватаетъ широкȯ,
На дѣлѣ же выходитъ сжато,
Другой все мѣтитъ высокȯ,
Выходитъ времени утрата...
Какъ тутъ подмѣтить вѣрный звукъ —
Сквозь тощій лепетъ, смутный стукъ?

Выходитъ такъ, что жизнь дана
На человѣческія сплетни,
Дерутся люди издавна —
За власть, за деньги, за обѣдни...

Я знаю—риѳма не вѣрна,
Но хуже то, что жизнь вся бредни,
И что изъ нихъ всю бездну лѣтъ
Надежды выпутаться нѣтъ.

Хотѣлось бы еще писать,
Да все надежды какъ-то мало.
Напишешь—некуда послать,
А про себя писать—пропало.
И что жъ тутъ дѣлать, что̀ начать, —
Побьешься даромъ—и застряло.
А все-жъ я кончить бы не могъ,
Пока я живъ сквозь всѣхъ тревогъ.

Какъ ни туманна наша мгла,
Я все-же звѣрь людского стада,
Куда бъ дорога ни вела,
А все-же грузъ тащить мнѣ надо,
Легка ль стезя иль тяжела,
Путь гладокъ, иль вездѣ преграда,
А нужно мнѣ покончить трудъ
До окончательныхъ минутъ.

Вѣдь я привыкъ же, напримѣръ,
Въ дни мелкихъ иль большихъ печалей
Безъ всякихъ богословскихъ вѣръ
Искать какихъ-то грустныхъ далей.

Итакъ, пущусь благословясь,
Хотя давно не вѣрю...
Но все-же можно намъ подчасъ
Привычку вспомнить хоть немного—
Такъ создана природа въ насъ—
И жизни длинная дорога,
Что̀ было умнымъ въ оны дни,
Считаетъ дѣломъ болтовни.

Давно наскучилъ шумъ людской
И мелкихъ завистей попытки,
Весь трескъ и лепетъ городской, —
Звукъ оглушительнѣе пытки;
Уйти—куда жъ? Какой тропой?
И нѣтъ особенной калитки,
А крикъ, и свистъ, и болтовня —
Гнетъ обыденный для меня.

Подчасъ, признаться даже, мнѣ
Хотѣлось бы въ родныя степи,

Къ раздольной, вольной тишинѣ...
. . . .
И въ безпредѣльной ширинѣ
Мнѣ мѣста не сыскать нелѣпѣй,
Гдѣ бы я жизнь закончить могъ
Безъ оскорбленій и тревогъ.

— Стр. **113**. *Деревня*. Печатается впервые съ подлинной чистовой рукописи О.: отдѣльные листочки, вырѣзанные, повидимому, изъ тетради. Послѣдній стихъ отрывка—внизу страницы; значитъ, вполнѣ возможно, что повѣсть была окончена, но остальные листки затерялись. „Деревня" — произведеніе въ значительной мѣрѣ автобіографическое: по крайней мѣрѣ, въ сохранившемся отрывкѣ О. изобразилъ свой собственный неудавшійся опытъ культурной дѣятельности въ деревнѣ. См. объ этомъ нашу статью „Н. П. Огаревъ и его крѣпостные", въ „Научн. Словѣ" 1903 г., кн. IV. Написана эта повѣсть вѣроятно въ 1848 или 1849 г. (см. тамъ же). „Письмо Юрія" написано на особомъ листкѣ (черновикъ), безъ пропусковъ, и окончено; конецъ его — какъ бы программа всей позднѣйшей дѣятельности О.

— Стр. **149**. *Зимній путь*. „Рус. Вѣстн." 1856 г., № 6, Солдат. 146, лонд. изд. 243. Отрывокъ отсюда (гл. 6, отъ „И присланъ былъ дѣлецъ наемный" до конца этой главы) былъ напечатанъ въ „Отеч. Зап." 1854 г., ноябрь, стр. 213, подъ заглавіемъ: „Отрывокъ изъ письма" [1]). 16 марта 1854 года О. писалъ П. В. Анненкову („Анн. и его друзья", стр. 644 и сл.): „Несмотря на все индустріальное труженичество, я чуть было не послалъ вамъ стишки, но нашелъ ихъ скверными и отложилъ въ сторону. Теперь занятъ другими, которые, надѣюсь, будутъ хороши и посвящены вамъ; но такъ какъ вещь довольно объемистая, то ближе мѣсяца не дойдетъ до васъ. Будете ли вы еще въ Питерѣ? Если будете, то пришлю и попрошу напечатать дѣйствительно; меня увлекаетъ это занятіе, несмотря на всю урывочность." Въ серединѣ того же года О. писалъ Анненкову: „Этотъ отрывокъ посылаю вамъ, потому что онъ мнѣ лично приходится по душѣ, и потому весьма желалъ бы знать о немъ ваше мнѣніе, а потомъ посылаю и потому, чтобы вы видѣли тонъ всего стихотворенія, то-есть посланія къ вамъ, и сказали бы, можетъ ли оно быть напечатано съ пользой и удовольствіемъ для читателя. Тонъ русскій, то-есть иронически-печальный. Можетъ, это и старо, а природно. Лица, которыя хочется тутъ вывесть,—гадкія, добродуш-

---

[1]) Вѣроятно, къ этому отрывку (О. передъ тѣмъ много лѣтъ не печаталъ стиховъ) относятся слова Некрасова въ его шутливомъ стихотвореніи, гдѣ онъ утѣшаетъ старожила, сѣтовавшаго на бездѣйствіе русской музы, 1855 г.:

Лѣнивый даже Огаревъ,
И тотъ пустилъ въ печать отрывокъ.

(«Вѣстн. Евр.» 1904 г., апрѣль, стр. 534.)

ныя, пустыя, и одно—порядочное, но безполезное. Можетъ быть, многіе послѣднюю мысль примутъ за ложь, но если вы сообразите всю обстановку, то невольно убѣдитесь, что это правда...— Если захотите напечатать „Охотника“, то въ „Отечественныхъ Запискахъ“.—Послѣднія слова даютъ поводъ думать, что стих. „Охотникъ“—ничто иное, какъ тотъ отрывокъ изъ „Зимняго пути“, который, какъ сказано выше, былъ напечатанъ въ ноябрьской книгѣ „Отеч. Зап.“ 1854 г. (вопреки мнѣнію Е. С. Некрасовой, считавшей „Охотника“ самостоятельнымъ произведеніемъ, см. „Починъ“ на 1895 г., стр. 46; см. также нижеслѣдующее); возможно, что первоначально О. намѣревался придать этимъ „дорожнымъ воспоминаніямъ“ форму записокъ охотника.—21 дек. того же 1854 года О. пишетъ Анненкову: „Моего посланія къ вамъ, изъ котораго послалъ вамъ отрывокъ, еще не кончилъ, хотя и принимался нѣсколько разъ; но признаюсь, до такой степени урывчатая работа мнѣ не по силамъ.“ Далѣе О. возражаетъ на мнѣніе А—ва, будто мысль убиваетъ искусство (и женщину), высказанное, очевидно, по поводу „Охотника“, и кончаетъ такими словами: „Также и въ моемъ „Охотникѣ“ не мысль убила его, а то, что я не совладалъ съ темой.“ Наконецъ, 3 іюня 1855 г. О. пишетъ: „Я при длинномъ посланіи хотѣлъ послать вамъ давно начатое и недавно конченное, вамъ посвященное, стихотворное quasi-письмо, *изъ котораго вы помѣстили отрывокъ въ „Отечественныхъ Запискахъ“*. Это большое, одно изъ любимыхъ чадъ моихъ, удерживаю теперь у себя до вашего пріѣзда, чтобы обсудить его во всѣхъ отношеніяхъ. Оно содержитъ 16 страницъ, ergo очень можетъ быть, что кое-что придется выкинуть или измѣнить. Меня это чадо очень утѣшаетъ; тѣмъ больше хочется вамъ показать его, да къ тому жъ я вашему вкусу больше вѣрю, чѣмъ своему.“

Сохранившійся чистовой подлинникъ „Зимняго пути“ дѣйствительно содержитъ 16 стр. (въ четверку грубой сѣрой бумаги). Въ подзаголовкѣ проставлены только иниціалы Анненкова („П. В. А.“), и за этимъ подзаголовкомъ слѣдуетъ эпиграфъ: „Dans cette galerie je me plaisais à observer le paysage flamand, la vie flamande et le sentiment intime du peintre“, подъ которымъ въ скобкахъ: „Lettre d'un voyageur“. Варіанты сравнительно съ печатнымъ текстомъ—ничтожные, вродѣ: „Ихъ смерти срочная чреда“ (стр. 165). Въ гл. 5-ой (стр. 158) слѣдуетъ:

Съ пучкомъ пріятныхъ увѣщаній,
По волѣ ревностныхъ властей,
Онъ торопился для стяжаній
Недовзнесенныхъ податей.

Въ гл. 6-ой (стр. 162) слѣдуетъ:

... и было мнѣнье,
Что только Архирей спроста
Отрекся близостью поста.

Вар. на стр. 169:

Свободно путь держалъ желанный,
Не помышляя ничего
О жизни друга моего.
Когда же я въ родныя степи
Вернулся изъ чужихъ сторонъ
Принять, и т. д.

Въ концѣ стр. 171-ой у насъ пропускъ въ 19 стиховъ.

Описана въ этой поэмѣ поѣздка, вѣроятно, по Пензенской губ., скорѣе всего—по Инсарскому уѣзду, изъ с. Долгорукова, гдѣ жилъ А. А. Тучковъ, въ Инсаръ. Въ 4-ой гл. рѣчь идетъ о сосѣдѣ и другѣ А. А. Тучкова, Григ. Алекс. Римскомъ-Корсаковѣ, о которомъ см. „Воспоминанія" Н. А. Огаревой-Тучковой, Москва, 1903 г., глава II.

— Стр. **173**. *Африка*. „Рус. Вѣстн." 1856 г., мартъ, стр. 329, Солдат. 115, лонд. изд. 225. Сохранились два подлинника, черновой и бѣловой, оба на бумагѣ Тальской фабрики, стало быть первой половины 50-хъ годовъ. Въ черновикѣ послѣ „Исчезли люди Карѳагена" слѣдовало:

Завалена въ разбитый храмъ
Когда-то шумная дорога,
Гдѣ вѣры дикой по слѣдамъ
Шли жертвы огненнаго Бога;

но тутъ же и зачеркнуто. Послѣ „Цвѣты садовъ и злаки нивъ" слѣдовало:

И, тѣнью почву пріютивъ,
Ни лавръ, ни мирты не шумѣли,
Ни зелень томная оливъ.

Абзацъ стр. 177 начинался такъ:

Но римскій вождь, вѣнчанный славой,
Какъ воръ преступный иль пророкъ
Скитался тѣнью величавой,
Среди развалинъ одинокъ.

Послѣ „Смутясь, не въ силахъ устоять" слѣдовало (и потомъ зачеркнуто):

Поработителей пол-міра
Изгнанный вождь безмолвно сѣлъ
У ногъ разбитаго кумира
И въ даль безмѣрную глядѣлъ.
Въ умѣ его блуждали думы,
Въ очахъ сверкалъ огонь угрюмый
И на устахъ—врагамъ въ отвѣтъ—
Дрожалъ улыбки горькій слѣдъ.
Давно ли онъ,

и т. д.

Послѣ „И Римъ ему рукоплескалъ“ слѣдовало (черновикъ—въ два столбца, направо поправки; зачеркнутое взято у насъ въ прямыя скобки):

[„Спаситель Рима!“ такъ декретомъ
Онъ названъ передъ цѣлымъ свѣтомъ.
Давно ль онъ самъ имѣлъ дворецъ?
И что же вышло наконецъ?
Онъ изгнанъ! Изгнанъ!... Кто жъ виновникъ?
Нахалъ, патрицій, лихоимъ!...
Да онъ мальчишка передъ нимъ!
Распутныхъ женъ дрянной любовникъ!
Да у него и самый ликъ
Весь въ гадкихъ пятнахъ!... И (что́ болѣ!)
Его жъ онъ, Марія, дотолѣ
Былъ въ ратномъ дѣлѣ ученикъ!..]
Палъ Карѳагенъ, объятъ пожаромъ?
Падетъ и легковѣрный Римъ!
Слеза Сципьонова не даромъ
Дрожала — скорбная — надъ нимъ.
И развѣ только старый Марій
(Хотя бъ онъ былъ и вдвое старѣй!)
[Безпутный Римъ въ послѣдній разъ
Какъ захотѣлъ бы—такъ бы спасъ].
[Пусть Марій изгнанъ! Что за дѣло!
Еще онъ грозенъ, какъ судьба:
Его зарѣзать не посмѣла
Рука наемнаго раба!]
Сената римскаго посланникъ
[Предъ нимъ казался самъ изгнанникъ,
И день придетъ—и снова онъ
Предпишетъ Риму свой законъ.]

Народъ ему дворецъ построилъ,
Народъ его
Спасителя родной страны
Святымъ названьемъ удостоилъ...
Теперь развалина кругомъ—
Изгнанника печальный домъ.

Но вождь суровый не тоскуетъ,
Орелъ, какъ голубь, не воркуетъ.
И знаетъ онъ—изгнанникъ смѣлый,—
Что все-жъ онъ грозенъ, какъ судьба:
Его зарѣзать не посмѣла
Рука наемнаго раба.

[Безпутный Римъ еще спасетъ
И къ власти вызоветъ народъ].

[Былъ малъ и робокъ передъ нимъ!
И статься можетъ, что изгнанникъ
Заутра съ боя вступитъ въ Римъ!]

[И тѣ же волновали страсти
Скитальца непокорный умъ:
Любовь къ свободѣ съ жаждой
власти,
И снился тотъ же жизни шумъ.]
Но день погасъ, и, ночь прон-
зая,
Звѣзда трепещетъ золотая;
Какъ призраки, обломки стѣнъ
Воздвигъ во мракѣ Карѳагенъ;
Лежитъ въ томительномъ мол-
чаньи
Опустошенная страна
И дышитъ въ тяжкомъ колы-
ханьи
Неугомонная волна.

[Любовь къ свободѣ, жажда
власти
И прежней жизни ширь и шумъ,
Все тѣ же волновали страсти
Скитальца непокорный умъ!]
И прежнія волнуютъ страсти
Скитальца непокорный умъ,
Любовь къ свободѣ, жажда
власти
И жизни шумъ,
И мыслитъ онъ: еще поспоримъ!
И смотритъ въ даль, гдѣ Римъ
за моремъ.
А съ неба знойнаго сходя,
Послѣдній лучъ сіялъ печаленъ
На груды тихія развалинъ
И образъ стараго вождя,
И тяжкаго дыханья полны,
Широко колыхались волны.

Чистовая рукопись вполнѣ совпадаетъ съ печатнымъ текстомъ. Въ обѣихъ рукописяхъ: „Ни зелень *томная* оливъ“.

— Стр. **181**. *Ночь*. „Пол. Зв.“ на 1857 г., стр. 21, лонд. изд. 266. Въ гл. 6-ой пропускъ въ 31 стихъ. Въ гл. 8-ой рѣчь идетъ, можетъ быть, о Н. В. Станкевичѣ, въ 9-ой—навѣрное о Ворцелѣ, о которомъ см. т. I, стр. 319 и 405.

— Стр. **201**. *Господинъ*. „Пол. Зв.“ на 1857 г., стр. 35, лонд. изд. 288. На стр. 212 пропускъ въ 10 стиховъ, на стр. 224—1 ст.

— Стр. **255**. *Сны*. „Пол. Зв.“ на 1857 г., стр. 183, лондон. изд. 338.

— Стр. **291**. *Nocturno*. „Пол. Зв.“ на 1858 г., стр. 102, лондон. изд. 374. На стр. 295 пропуски: первый въ $2^1/_2$ стиха, второй въ 4 стиха.

— Стр. **303**. *Разсказъ этапнаго офицера*. „Пол. Зв.“ на 1859 г., стр. 261.

— Стр. **339**. *Радаевъ*. 1-ая гл. была напечатана въ „Пол. Зв.“ на 1859 г., стр. 290. По словамъ Т. П. Пассекъ, О. передалъ ей рукопись „Радаева“ въ 1873 г., сказавъ, что эта поэма писана „еще въ хорошее время его жизни, хотя и не въ лучшее“ (III, 22); Пассекъ напечатала отрывки изъ нея въ „Газетѣ Гатцука“ начала 80-хъ годовъ, потомъ цѣликомъ съ пропусками въ „Русск. Стар.“ 1886 г., № 2, и въ своихъ запискахъ, т. III. Текстъ „Рус. Стар.“ не совпадаетъ съ напечатаннымъ у Пассекъ. Вар. по „Рус. Стар.“: „Вотъ передъ ней *рябитъ* заборъ“ (стр. 351), „Среди *иныхъ* воспоминаній“ (стр. 357), „Вотъ праотцы! вотъ завѣщанье!“ (стр. 359,—это совсѣмъ не имѣетъ смысла), „Засталъ подъ *властію* недуга“ (стр. 366). — Въ нашемъ изданіи сполна перепечатанъ

текстъ III тома Пассекъ, кромѣ двухъ мѣстъ, гдѣ текстъ „Рус. Стар.“ оказывается полнѣе или вѣрнѣе. Именно, на стр. 361 у Пассекъ послѣ „Своей душевной чистотой“ слѣдуетъ:

Забывши барство, блескъ столицы,
Кто жъ уцѣлѣлъ? Кто жъ рѣдкій тотъ, и т. д.

Очевидно, что текстъ „Рус. Стар.“ полнѣе; онъ и принятъ здѣсь.—Второе мѣсто—исторія любви Радаева (стр. 362 и далѣе). Рукопись „Радаева“ состояла, повидимому (см. ниже), изъ несшитыхъ листковъ; и вотъ, печатая эту поэму въ „Рус. Стар.“, Пассекъ распредѣлила листки правильно, а печатая вторично въ своихъ запискахъ—перепутала два смежныхъ листка и позднѣйшій помѣстила впереди. Именно, послѣ стиховъ (стр. 362):

Они пришли тепло и ясно
Со всей мечтательностью страстной —

у нея здѣсь вдругъ слѣдуетъ (т.-е. еще *до* разсказа о самой любви) конецъ этой исторіи:

И чѣмъ же кончилось все это, и т. д.

и уже затѣмъ (послѣ стиха „Въ мечтахъ восторженныхъ своихъ“) идетъ разсказъ о любви („Радаевъ вспомнилъ утро мая“ и т. д.); въ этомъ мѣстѣ мы также слѣдовали „Рус. Стар.“. Автобіографическія записки О., помѣщенныя Т. П. Пассекъ въ „Пол. Зв.“ гр. Саліаса, 1881 г., полны отрывковъ изъ „Радаева“, и въ одномъ письмѣ (тамъ же, мартъ, стр. 67) онъ пишетъ ей: „Стихотворные мои мемуары я не посылаю, кромѣ небольшихъ отрывковъ; многое еще надобно исправить, и я думаю, что ихъ нельзя вполнѣ печатать иначе, какъ здѣсь.“ Къ этимъ словамъ Пассекъ прибавляетъ отъ себя: „Кромѣ автобіографіи въ прозѣ, Никъ писалъ свою автобіографію и въ стихахъ; кто стихи слышалъ, тѣ говорили объ нихъ съ восторгомъ; нѣкоторыми онъ дополнилъ свою поэму „Радаевъ“, но въ печати не помѣщалъ.“ Это безъ сомнѣнія невѣрно: подъ стихотворными своими мемуарами О. разумѣлъ, конечно, „Радаева“, и другой стихотворной автобіографіи онъ не писалъ. Въ отрывкахъ, вставленныхъ Огаревымъ въ его воспоминанія, есть небольшіе варіанты, часто похожіе на описки. Сама Пассекъ приводитъ (III, 53) два варіанта къ началу 2-ой главы:

Первый варіантъ.

И опускаясь въ царство тьмы. [?]
И вотъ среди восьмой зимы
Звукъ колокольчика достигъ...
То притихая по сугробью,
То заливаясь мелкой дробью,
Все ближе, ближе каждый мигъ;
Вотъ видно, тройка въ отдаленьи.
Кибитка въѣхала въ селенье.

Вотъ передъ ней рябитъ заборъ,
И вотъ, качнувшись съ поворота,
Она въ скрипучія ворота
Нырнула на господскій дворъ.

Второй варіантъ.

Лѣтъ пять минуло безъ тревоги.
Разъ у околицы зимой
Стоялъ и зябъ мужикъ сѣдой
И слушалъ, глядя вдаль дороги,
Какъ колокольчикъ средь полей,
То притихая по сугробью,
То заливаясь мелкой дробью,
Звенѣлъ все ближе и яснѣй.
А вотъ и тройка издалека,
Скользнувъ по улицѣ широкой,
Селомъ летитъ во весь опоръ.

О „Письмѣ къ Варенькѣ“ Пассекъ сообщаетъ слѣдующее („Рус. Стар.“ 1886 г., февр., стр. 482): „Этотъ отрывокъ написанъ поэтомъ на полѣ одного изъ листковъ подлинной рукописи его поэмы „Радаевъ“, на 11-мъ листкѣ. Весь подлинникъ поэмы (у насъ только первая часть, вторая не была, кажется, и написана) занимаетъ 13 четвертушекъ рукописи, мелко исписанной рукою Н. П. О—ва.“ Въ „Рус. Стар.“ письмо напечатано еще безъ заглавія, которое появляется только въ запискахъ Пассекъ и, вѣроятно, придумано ею, притомъ безъ всякаго основанія: по своему содержанію этотъ отрывокъ никакъ не можетъ быть письмомъ Радаева къ Варенькѣ. Въ „Пол. Зв.“ гр. Саліаса 1881 г. (мартъ, стр. 66) Пассекъ приводитъ его, *какъ письмо О. къ ней*, что́ гораздо правдоподобнѣе. Впрочемъ, разобраться въ показаніяхъ Пассекъ, вслѣдствіе ихъ невѣроятной запутанности и противорѣчивости, почти совсѣмъ невозможно.

„Радаевъ“ несомнѣнно представляетъ собою Wahrheit und Dichtung; первая глава очень точно описываетъ жизнь и характеръ отца Герцена, И. А. Яковлева (сравн. „Былое и Думы“, ч. I, гл. 5), но матери своей О. не зналъ, и пр.

— Стр. **371.** *Странникъ.* Было напечатано въ „Общемъ вѣчѣ“ Огарева, № 8 отъ 1 янв. 1863 г., но этого журнала намъ не удалось отыскать; затѣмъ—въ „Рус. Мысли“ 1903 г., VIII, стр. 1. Свѣрено съ подлинникомъ, находящимся въ записной книжкѣ 1862 г.; подъ текстомъ помѣта: *Середа, 17 сентября 1862. Sevenoaks.* Въ подлинн. (съ которымъ намъ удалось ознакомиться уже по отпечатаніи поэмы въ текстѣ):

Мнѣ нуженъ, нуженъ былъ пріютъ,
Душа алкала врачеванья,
И строгихъ думъ, и покаянья (сравн. конецъ стр. 373).

2-ой стихъ на стр. 375:

Какъ листъ дрожитъ, какъ смерть блѣдна.

На стр. 378:

Стоялъ *за* книгою священной.

— Стр. **382**. *За столомъ сидѣлъ сѣдой дѣдушка.* Съ копіи, сообщенной С. А. Переселенковымъ. Написано, очевидно, въ 60-хъ годахъ.

— Стр. **389**. *Ровесники.* Съ копіи, сообщенной С. А. Переселенковымъ (время написанія неизвѣстно).

— Стр. **405**. *Исповѣдь лишняго человѣка.* Съ подлинника, гдѣ начало (до „Bien, madame“ на стр. 422) писано чернилами, а остальное карандашемъ, въ записной книжкѣ О. 1858—59 гг. Первая половина сохранилась также въ черновомъ видѣ. Вся стихотворная часть — подлинная автобіографія О., сравн. его автобіографическія записки въ „Пол. Зв.“ 1881 г., изд. гр. Саліаса, и статью Е. С. Некрасовой о дѣтствѣ О. въ сборникѣ „Подъ знаменемъ науки“ (къ юбилею Н. И. Стороженка).—„Рыжій нѣмецъ“ на стр. 414 — 415 — Зонненбергъ; два друга на стр. 417 — Герценъ, сосланный потомъ въ Вятку, и Вадимъ Пассекъ, умершій въ 1842 г. — Къ подлиннику этой пьесы мы получили доступъ уже по отпечатаніи текста II тома, почему она и помѣщена въ концѣ, а не тамъ, гдѣ ей слѣдовало бы быть по хронологическому порядку.

АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ

СТИХОТВОРЕНІЙ Н. П. ОГАРЕВА,

ранѣе бывшихъ въ печати, но въ настоящее изданіе

не вошедшихъ.

ОГЛАВЛЕНІЕ

II-го тома.

СЕРІЯ УЧЕБНИКОВЪ ПО БІОЛОГІИ

подъ общей редакціей **В. Н. Львова.**

Эта серія заключаетъ въ себѣ рядъ руководствъ по различнымъ отдѣламъ біологіи и представитъ въ цѣломъ полный законченный курсъ.

Вышли слѣдующіе учебники:

Паркеръ. Лекціи по элементарной біологіи. Пер. В. Львова. Изд. 2-е. Ц. 2 р. 50 к.

Гёксли-Розенталь. Основы физіологіи. Пер. В. Львова. Ц. 2 р.

Гёксли. Ракъ. Введеніе въ изученіе зоологіи. Пер. Г. Ярцева. Ц. 1 р. 50 к.

Видерсгеймъ. Строеніе человѣка. Пер. Проф. М. Мензбира. Ц. 1 р. 50 к.

Львовъ. Исторія половыхъ продуктовъ и оплодотвореніе. Общая часть курса эмбріологіи позвоночныхъ. Ц. 1 р. 50 к.

Маршаль. Развитіе человѣческаго зародыша. Пер. В. Львова. Ц. 1 р. 75 к.

— Руководство къ эмбріологіи. Пер. Н. Кольцова подъ ред. В. Львова. Ц. 2 р. 50 к.

Ванъ-Тигемъ. Общая ботаника. Морфологія, анатомія и физіологія растеній. Пер. С. Ростовцева съ пред. Проф. К. Тимирязева. Изд. 2-е. Ц. 3 р.

Мейеръ. Практическій курсъ анатоміи растеній. Пер. Г. Риттера. Ц. 80 к.

Ньюманъ. Бактеріи. Пер. Е. Гурвичъ подъ ред. В. Воронина. Ц. 1 р. 75 к.

Карпентеръ. Насѣкомыя, ихъ строеніе и жизнь. Пер. В. Герда. Ц. 1 руб. 75 коп.

Розенталь. Общая физіологія. Введеніе въ изученіе естественныхъ наукъ и медицины. Пер. В. Елпатьевскаго и Г. Риттера, подъ ред. академика кн. И. Тарханова. Ц. 3 р.

Веттштейнъ. Руководство по систематикѣ растеній. Т. I. Низшія растенія. Пер. проф. С. Ростовцева. Ц. 1 р. 20 к.

Складъ у издателей: Москва, Поварская, Трубниковскій, 40.

Цѣна за два тома
3 р. 50 к.